

ГРИД

Чужие

Александр Тайгар

ГРИД. Чужие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25103326

Аннотация

Всякому из нас, наверное, хоть раз в жизни – мир казался чужд. Многие хотели его изменить, кто-то пытался уйти, отгородиться ото всех. Многие задумывались над тем, что мир не совсем такой, каким кажется. Кто-то – даже излишне часто... Эта история – не более чем фантазия. Но ведь и фантазия – это чья-то реальность. Или... Впрочем, каждый решает сам.

Содержание

Фаза 1, пробой	4
Фаза 2, замыкание	109
Фаза 3, перекоc	218

Фаза 1, пробой

...Грустно живём... Последняя мысль. Я закрыл глаза и провалился в забытье.

Утро началось как обычно. Проснулся за полчаса до того, как забубнил сотовый, и просто лежал. Когда зазвонил будильник – «на автомате» отключил сигнал и провалился ещё минут десять. Наконец встал, донёс тело до ванной, умылся, пошёл на кухню, сделал бутерброд; вернулся в комнату, включил компьютер, вышел в Сеть. Такое вот, стандартное начало дня...

Писем нет, ни одного заказа. Жаль... Рука потянулась к телефону. Едва я нащупал трубку – пришла «СМСка», писал Валера. Интересно, ему я и хотел звонить. Что ж, забегу к нему сегодня – посмотрим, что за дело он выдумал.

–

Н-да, Валерка – как всегда, в своём репертуаре: «запретельные», как он сам выражался, идеи – и ни малейшего понятия, как их воплотить. Мрачно на улице... Как ни странно, настроение улучшилось. Всё-таки, нужны миру такие люди – как Валерка. Благодаря им – мы не живём, до сих пор, в пещерах. Хотя, из-за некоторых, «таких же» – можем вновь в них вернуться. «Всё, что ни создавал человек, он пытался использовать как оружие». Интересно, кто это сказал? Похо-

же на правду...

Я пошёл на пустырь. Когда-то здесь шумел лес, но теперь его нет. Лишь местами деревья стоят. Небольшие, случайно выросшие, и высоченные – остатки бывшего. Странно, что их не вырубил. Что здесь собирались делать, я не знаю – только лес уничтожили, а дальше дело не пошло, так всё и бросили. Я люблю здесь бывать. Уходить от суеты... От себя. Здесь лучше думается, мысли кажутся яснее... Самообман, но что с того? Как угодно называй: трусость, нежелание жить в реальном мире... Тот, кто так говорит – сам не очень-то этот мир знает. А тот, кто начал что-то понимать – молчит. Он не будет тебя учить, потому что знает: мир – у каждого свой. Неважно, что мирок этот – всего лишь скорлупа, радужный мыльный пузырь. Все живут иллюзией, только называют её мировоззрением – и никто не возражает. Всего лишь слово, но стоит его заменить – как мозг бунтует, отказывается воспринимать, показывая свою несостоятельность, привычку к штампам и жизни по шаблону. А кто-то до потери пульса будет спорить, что это не так. Иллюзия... Я вспомнил Славку. Он был геймером. Однажды я привел его сюда, а он сразу вообразил себе это место ареной какой-то игры. Не знаю, какой – никогда этим не увлекался. Он с головой ушёл в виртуальный мир – фактически, тогда его и не стало. В «реальности» – его сбила машина. На моих глазах – как раз, когда мы возвращались с пустыря. Я помню дикие глаза того, кто его сбил – это был пацан, лет пятнадцати. Я

помню, как остекленел его взгляд, через минуту – его никогда не забыть... Тогда я почему-то подумал, что это был ещё один геймер, «переигравший в машинки». Он был похож на Славку. Этот взгляд... Все живут иллюзией, но некоторым этого мало и они создают ещё.

Стало прохладно, подул ветер – пора домой. Краем глаза я заметил, что возле одного дерева, которое росло перед самым началом склона, что-то не так. Будто земля провалилась. И пошёл, нет, даже побежал туда.

И что я, дурак, там увидел? – подумал я, поднимаясь с земли и отряхиваясь, осматривая себя. Дерево как дерево... И земля тут обыкновенная. Огляделся вокруг – всё в порядке. Посмотрел на часы, – «ого!» – Уже четыре вечера. Как же быстро прошло время! Я думал, ещё только полтретьего.

Придя домой – сразу проверил почту. Пусто... Плохо, нужно придумывать что-то новое. Пискнула программа – загрузка завершена. Посмотрим, как там книгу исковеркали... Быстро, рывками просмотрел весь фильм и закрыл плеер. Потом, может быть, пересмотрю. Покопавшись в файловых дебрях, запустил «читалку», в который раз начав перечитывать любимый сборник рассказов. Оторвавшись от монитора через пару часов, я отправился спать. Только сон всё не шёл – в голове вертелась одна мысль: «что-то я забыл...».

Фонарь слабо освещал улицу, я шёл домой. Дойдя до круглосуточной аптеки – постучал в окошко ночной торговли. Открыла сонная девчонка, внешностью еле тянувшая на восемнадцать.

– Привет, красавица. Дай аспирин.

– Аспирина нет – ответила та и захлопнула окно.

То есть, как? Нет? Аспирина?! Что ж за день-то сегодня? Всё к одному. Я сел на парапет, глубоко вдохнув влажный, холодный ночной воздух. Иногда казалось, что в нем есть что-то... Живое. Я посмотрел на небо – звёзд не было видно; осмотрелся вокруг и полез в карман, за сигаретами. Табак из пустой пачки высыпался на ладонь – я сжал кулак и бросил смятую пачку в ближайшую урну. Ночь, улица, фонарь, аптека... А вокруг тишина, а вокруг – ни души... «Только мерно гудит блок системный» – как любит договаривать один мой знакомый. Мысли роились в голове, я бессмысленно глядел по сторонам. А душа то, кажется, есть. И это... Неужели?

– Эй, друг! – окликнул я. – Дружище! Угости сигаретой! – сказал я, подойдя ближе.

– Не курю – ответил тот, оборачиваясь.

Точно, он.

– Молодца! Я ведь тоже – уже бросил.

– Что?

– Смотри сюда.

Правой в челюсть, левой под ребро. Крепкий, зараза – только согнулся.

– Ты кто? – отшатнувшись, просипел тот.

Я молча ударил ещё раз – он упал. Пашка. Пашка Черенькин, или просто – «Чёрный»: гнида, какую ещё поискать. Не ожидал я – снова тебя увидеть. Обыскав Черного, я нашел паспорт. Так, посмотрим... Надо же, сменил. Сергей Черненко. Черненко... У него ещё и мания величия. Странно только, что такая мелкая. Я снова похлопал его по карманам (как же, не куришь ты!), вытащил зажигалку и сигареты. Курит он, конечно, дрянь, но сейчас – и это сойдет. Поджёг паспорт – пламя неохотно охватывало страницы – и бросил его на асфальт. Сделал этот – сделает и другой, пусть попрыгает. Прибить бы тебя, да много чести – мараться отакого гада. Ведь, как говорил Глеб Жеглов: «В любом, даже самом темном деле – найдется человек, который что-либо видел, слышал, знает, или догадывается». А ещё – много «сердобольных» гуманистов, которые кричат о свободе, пока самих не коснётся. Я затушил паспорт – всё равно, им уже не воспользоваться – и пошёл прочь.

—///—

Сработал будильник. Потянувшись к телефону, чтобы отключить звонок, я открыл глаза. Лёжа в кровати и пересчитывая плитки на потолке (иногда делаю так, чтобы быстрее проснуться), постоянно сбиваясь, я пытался вспомнить сон. Снилось что-то странное. Я вспомнил то, что безуспешно пытался вспомнить вчера: Оксана приезжает уже сегодня! Я рывком сел – снова взяв мобильник, «чтобы посмотреть время», встряхнул головой, прогоняя остатки сонливости, медленно поднялся, потирая глаза. Удивительно, но я выспался – давно такого не помню. Так и не взглянув, бросил мобильник на стул и потопал на кухню, где, наконец, открыв холодильник, посмотрел на часы – и чуть не поперхнулся холодным молоком из пакета. До приезда оставался час, я бросился в ванную комнату. А может – и так сойдет, небритым?

–

– Привет Оксана, – протараторил я, переводя дыхание, в горле пересохло.

– Здравствуй, Серёжа. Что натворил?

– Ты о чём?

– Тебе виднее. Цветы вдруг купил. Я уже и не помню, когда ты мне такое внимание оказывал – сказала она, улыбаясь.

– А просто так – нельзя?

– Даже нужно. Но ведь я тебя знаю.

Теперь улыбнулся я.

– Ладно, пойдём.

Оксана... Наверное, это была единственная девушка, которая от меня не шарахалась, не смеялась и не считала психом... Удивительный человек. Мне стоило бы куда больше ценить её.

– О чём задумался?

– Я, и вправду – редко уделял тебе внимание, – сказал я, чуть смутившись.

– Проснулся! – она засмеялась. – С чего бы это?

– Кто знает, отчего просыпаются люди?

– Ну, ты как всегда в своём репертуаре! Пошли быстрее, холодно.

Действительно, холодало всё осязатее. Подул слабый ветер, с неба изредка падали мелкие капли. Погода такая, что не поймешь: будет ли дождь, или «пронесёт»...

–

– Ну, давай, рассказывай, как докатился до жизни такой – сказала Оксана, наливая мне чай.

– Ты же знаешь, что я отвечу.

– Что ж ничего нового не придумал?

– Зачем?

– Ну-ну – пей, давай.

– Я не могу пить горячий – это ты тоже знаешь.

– Знаю. Пытаешься тебя разговорить – а ты молчишь, как всегда.

- Сон пытаюсь вспомнить.
- И как?
- Да никак. Странно, как-то.
- Давай, вспоминай – потом расскажешь.

—///—

Домой я пришёл в три часа ночи. Разулся, снял куртку и бухнулся на постель. До свидания мир, встретимся завтра...

- Ты где шлялся?
- Гулял, по улицам ходил.

Я глянул на часы: полдень, мать давно вернулась с дежурства. По выражению лица и интонации её обычного: «где шлялся?» – стало ясно, что она уже в курсе. Ночью меня кто-то видел, и даже успел рассказать... Быстро.

- Встретил старого знакомого.
- А этот знакомый – в милицию, на тебя, не заявит?
- Не бойся, не заявит.
- Оторвут тебе башку твою, если за неё не возьмешься...

Ещё одна постоянная присказка мамы: «оторвут тебе башку». И такой же, постоянный ответ:

- Конечно.
- Что конечно? Сколько ты ещё мать пытаться будешь? Зла

не хватает...

– Да успокойся ты, мама, всё нормально.

– Нормально. Тюрьма по тебе плачет.

– То же ты говорила про отца.

– Оба вы хороши, кровопийцы. Ещё неизвестно, что с ним сейчас.

– Всё нормально, я был у него вчера.

– Как он? Пьёт опять?

– Нет, трезвый. Работу нашёл.

– Ну, хоть устраивается, малость, – мать вздохнула. – Садись, ешь.

—///—

– Оксана, тебе снились, когда-нибудь, вещие сны?

– Бывало, – Оксана улыбнулась.

– А сны с иной реальностью?

– Конечно. А что такое? Приснился другой мир?

– Да, можно и так сказать. Очень реальный... Только другой. Не могу вспомнить сейчас, какой именно.

– Мало ли, что снится. Это ведь – только сон.

– Да, да... Только сон – пробормотал я.

– Всё, задумался. Теперь точно – слова не вытянешь из тебя. Я в душ. А ты думай. Может, чего и придумаешь, – сказала она, грустно посмеиваясь.

Придумаю, обязательно. Но, скорее всего – снова додумуюсь только до того, какой же я идиот... Перевернувшись, я уткнулся лицом в подушку и закрыл глаза. Не хочу вставать... Но, спать – тоже, не особо хотелось. Наверное, всем знакомо: когда не можешь нормально выспаться, даже когда уже не нужно никуда торопиться. Болтаешься так всё утро, а то и весь день, «где-то между сном и явью». Что же мне снилось?..

Я вздрогнул и поднял голову – иногда так бывает: кажется, будто споткнулся и упал, хотя, на самом деле, падать некуда. Привет из подсознания – слышал, что это рефлекс дремучего прошлого, который защищал предков, когда они спали на ветвях деревьев... На меня смотрела испуганная Оксана.

– Что?

– Ты кричал.

– Сильно?

– Я из ванной слышала.

Я потер лоб. Так... Значит, уснул. Хоть и не хотел. Что случилось? В голове проступил обрывок сна: два жёлтых огня, очень напоминавшие глаза.

– Опять снилось.

– Что?

– Не знаю, муть какая-то.

– Иди, завтракай.

Оксана снова ушла в ванную, а я – нехотя поплёлся на кухню.

—///—

Быстро поев, я встал из-за стола и пошёл на выход. Мать только вздохнула. Идти... Лишь бы куда-нибудь. Не сидеть, бежать и не думать! Я пошёл на знакомый пустырь: чуть странное место, где большие, вековые сосны – соседствовали с молодыми, крохотными, и не было «средних» деревьев.

Здесь хорошо. Свободно, легко. Воздух – пока свежий, река вдалеке... Успокаивающий вид. Посмотрев по сторонам – я заметил, что здесь не один: недалеко от меня, стоял какой-то человек. Вдруг он резко повернулся и побежал к дереву, будто что-то увидел. Чудик... Почти у самого дерева этот странный тип запнулся и упал. Я ухмыльнулся, а он не вставал – так и остался лежать, лицом в землю. Ну даёт, это ж надо...

– Эй, ты живой? – я толкнул его в плечо, когда подошёл.

– Эээ... Аа... Ты кто?

– Живой, говорю? Что ж ты, паря, так носишься? Помочь? – я поднял его.

– Не надо, – сказал тот, ухватившись на ствол. – Я тут постою.

– Ну, тогда пока, бывай – я хлопнул его по плечу и пошел

обратно.

Бывают же такие... Кадры – подумал я, отойдя на несколько шагов, но, будто почувствовав что-то, обернулся. «Кадр» стоял, пошатываясь. Захотев, наверное, опереться о дерево – он промахнулся и снова полетел вниз, но не упал. Не потому, что всё же удержался на ногах – а потому что исчез. Я подскочил в следующую секунду, не веря глазам. Никого – как сквозь землю провалился. И ведь уйти-то некуда. Я посмотрел с другой стороны: вдруг, за деревом? Нет, никого. И от земли – какой-то холод. Дела... Что же это творится? Кажется, знаю теперь, к кому нужно идти.

–

Валерка – ещё один местный чудак, один из немногих моих «близких» знакомых. Мы учились вместе со старших классов – он пришёл из другой школы. Тогда казалось, что он был обычным «ботаном», но лишь на первый взгляд. Просто другой, выделяющийся из серой толпы. Я мог зайти к Валерке почти когда угодно, хоть в два часа ночи – он принял бы меня, как родного. А ведь многих – и на порог бы не пустил. Может потому, что я никогда не заходил к нему без дела – крайне важного для меня, либо интересного для него. В общем, он был единственным – кого я мог, на полном серьёзе, назвать другом, остальных я так называл по привычке. До сих пор не могу точно сказать, чем же он занимается и как живёт, почти не выходя из дома. Кто-то называл его «хаке-

ром»; кто-то – «компьютерным гением», «ботаном»; а кто-то, как бы странно ни звучало – «готом». Всё зависело от умственного развития, знаний, и внимательности того, кто говорил. Я бы назвал его «новым отшельником», хотя, это тоже было бы неверно. Никакой ярлык не опишет человека, тем более Валерку.

Я постучал, к моему удивлению – дверь открыли тут же.

– Привет, Валера.

– Здорово, Дрон. Каким ветром?

– Попутным. Ты куда-то уходишь?

– Да.

– Тогда по дороге объясню, хорошо?

– Конечно.

Мы вышли в осенний двор. Уже темнело, начал моросить дождь. Валерка улыбнулся – это была его любимая погода.

– Ты когда звонок поставишь?

– Да... Как-нибудь, – всё ещё улыбаясь, ответил Валерка. – Ты ведь по делу? Выкладывай.

– Чёрный в городе.

– Откуда знаешь?

– Сам видел.

Валерка хмыкнул.

– Я надеялся, что его уже нет в живых... Лишний раз

убеждаешься, что дерьмо не тонет.

– Это не самое главное. Валера, ты можешь проверить, насколько я склонен к галлюцинациям?

– А что такое?

Я рассказал сегодняшнюю историю.

– Это не глюки. Точнее, я почти уверен в этом. Я ведь на тот пустырь и иду – давно к нему присматривался. Там раньше – стройка была. Вернее, должна была быть – хотели ставить какой-то магазинчик. Расчистили место, но как только туда зашла строительная техника – так вся и заглохла. Что интересно: обратно она ушла своим ходом. И я точно знаю, что некоторые – нормально заезжали туда на мотоциклах, у них всё работало. Бабки говорят – проклятое место. А когда туда приехал директор всего этого дела – то есть, магазинчика – так свалился с инсультом, через пять минут. Ещё раньше – там был лес. В общем, странное место, очень странное.

Валерка так говорил, что было уже не понять, где он – здесь, или в своих размышлениях. Взгляд «в никуда», тебя будто не слышит. Но, странное дело, в таком состоянии – он контролировал обстановку вокруг даже лучше, чем обычно.

– Вот и пришли, – сказал Валера. – Показывай, где это случилось.

- Вон там – я указал рукой на дерево.
- Здоровое какое. У тебя время с собой?
- Есть.
- Сколько сейчас?
- Десять восьмого.

Валерка снял свои часы, посмотрел время – и оставил их возле заметного камня.

– Аналогично. Теперь пойдём.

– Вот здесь он стоял. Через несколько секунд – его уже не было.

– Занятно, занятно... – пробормотал Валерка и изменился в лице: «смотри!» – Быстро сказал он.

Я обернулся

– Это же...

– Мы! Понял, что такое?

– Нет – Я смотрел на то, как Валерка кладет свои часы на землю, как мы идём... – мы что, в прошлом? Почему тогда мы не видели себя, когда шли сюда? – я повернулся к Валере, – Он, «глядя в никуда», бормотал себе под нос.

– Как диод, только в одну сторону... Исчезли...

Я обернулся – вторых (или – первых?) нас уже не было.

– Так что?

– Мы будто в коконе: здесь – одно время; а вокруг – другое.

– А то место, где мы исчезли – граница?

– Похоже.

Валера пошёл обратно, жестом увлекая меня за собой.

– Вот, здесь мы исчезли, – вдруг он резко повернулся. –
Смотри!

Я снова увидел нас – такими же, как минуту назад.

– Этот барьер посылает в прошлое, но почему-то – мы не видим друг друга. Словно время ветвится.

Он подошёл к оставленным часам.

– Десять минут – будто никуда не уходили. Примерно минуту мы тратили на дорогу в одну сторону – значит, каждый раз мы перемещались на минуту назад... Но других нас здесь нет, а часы остались.

– Так что это значит?

– У меня только одно предположение – время ветвится.

– Как это?

– А я знаю? Мы пришли в то же время, но несколько другую реальность, где нет старых нас. Часы показывают то же время, когда мы ушли, ничего произойти ещё не могло, хоть для нас прошло уже две минуты. Получается, что у нас было своё, иное время, другая система отсчёта. Где мы, по-твое-

му, были? Потому-то мы и не видели себя, когда шли сюда – тогда нас не существовало, относительно прежних нас. Зато потом...

– Стоп, стоп, стоп, у меня сейчас голова разорвется – ничего не понимаю.

– Да я сам не пойму, не знаю, как описать. Пошли, познакомлю тебя с тем самым чудиком, я сейчас к нему.

– Ты его знаешь?

– Давно.

– Я его, с тобой вместе – никогда раньше не видел.

– Бывает.

—///—

Огонь, кругом огонь и дым, я закашлялся. «Нужно скорее выбираться», – думал я, с трудом понимая, где нахожусь. Что-то громко затрещало, стало темно.

– Что случилось? – еле проговорил я, открывая глаза.

Язык плохо слушался – непонятно, понимают ли меня вообще.

– Тебе повезло, парень, очень повезло.

– Где я?

– Сеть, частный сектор.

– Сеть? Какая ещё сеть?

– Город Сеть, это его название. Улица Овражная, время...

– незнакомец посмотрел на часы (точнее, мне вначале так показалось, его запястье было чисто) – Полдвенадцатого.

– У тебя невидимые часы?

– Нет, это привычка.

– Тогда как ты узнал время?

– Посчитал. Этому учат – ты что, никогда о таком не слышал?

– Нет. И как ты считаешь?

– Не знаю, всё само получается.

– Просто думаешь и угадываешь?

– Да.

– И никогда не ошибаешься?

– Нет, только когда учился.

Интересно... Сеть, значит. Я встал, отряхиваясь.

– Сеть, говоришь? А Рыбак у вас есть? Или Паук, какой-нибудь?

– Рыбака нет, – незнакомец смерил меня глазами. – Паук есть. Ты что, ничего не помнишь?

– По... Нет, не помню. Как называется страна?

– Стран давно не существует, есть только города и объединения.

Нет стран... Ещё лучше. Где же я?

– Что за объединения?

– Разные. Маленькие объединяются в более крупные: на-

чиная с кланов, «семей» и подобных – заканчивая людьми, чужими и киберами.

– Чужими? Это инопланетяне?

– Да. А киберы – это и люди и чужие, которые перестроили тело. У некоторых, от своего – разве что, мозг остался. У киберов другие потребности, потому они и стоят особняком.

– Как же вы тут все уместаетесь?

– Нас не так уж много. Когда Земля исчерпала все разведанные энергоресурсы, началась война. Старые энергетики рвали друг другу глотки и не пускали никого на своё место, власть менялась. Появились новые лидеры, которые быстрее адаптировались в новом мире, развернулась битва за старые ресурсы и новые технологии. Анархия, отсутствие всякой помощи, в том числе и медицинской, привела к тому, что народ пытался выживать любым способом. Росла смертность, а рождаемость упала почти до нуля. Увеличилось количество мутаций, появились новые болезни.

– Как по учебнику говоришь. А чужие?

– Они появились во время войны, но, к счастью, нас никто не собирался захватывать. Это были, в основном, отщепенцы иных миров, которых никто не принимал на родине. Беглые, ссыльные, и просто недовольные. Землю раздирали войны, многим стало всё равно, из какого ты мира: главное – на чьей ты стороне. Пришельцы быстро поняли, что не стоит с нами воевать, правильнее присоединиться к тем или другим. Так на землю попали инопланетные технологии. Дале-

ко не всё оказалось возможным применить, но это дало ещё один толчок к окончанию войны.

– Какой сейчас год?

– Три тысячи восьмой от начала старой эры, двести двадцать первый с начала новейшей.

– Новейшей? Когда война закончилась?

– Да. И мы действительно, ведем отсчет в двух системах.

– Зачем?

Парень пожал плечами, я поймал себя на мысли, что не спросил его имени.

– Не знаю, так уж повелось.

– Как тебя зовут?

– Лодер.

– Я Сергей.

– Ну, будем знакомы, Сергей. Есть хочешь?

– Хочу.

– Тогда пошли.

Я поднялся с корточек и пошел вслед за... Спасителем? Все мысли вытеснила одна: «где я?».

– Ты под ноги-то смотри, а то тут и голову разбить недолго.

– Что?

Но я уже запнулся и летел вниз...

Валера позвонил, открыли не сразу – примерно, через минуту.

– Привет, Серёга. Ты чего это – на ночь спишь?

Вид у того и впрямь – оказался вялый и заспанный.

– А-а... Валера... Заходи. Сколько времени?

– Девять.

– Вечера?

– Ночи, – усмехнулся Валерка. – С тобой что?

– Ничего не помню... Почти... Какое число?

– Двадцать девятое августа две тысячи девятого года от первого пришествия, – он ещё раз улыбнулся.

– Значит, я проспал весь день... И ночь, – сказал Серега, растирая шевелюру.

– Как спалось?

– Видать, хорошо, – я вступил в разговор, – Вон, сколько продрых.

– Это кто?

– Знакомый. Хороший. Ты давай, вспоминай – где был, чего видел.

– Все шутишь... – Серёга снова потер голову.

– Вполне серьёзно.

Чудик резко изменился во взгляде и лице – будто действи-

тельно, что-то вспомнил.

– Точно, был. Пожар. Другой мир. Земля. А может, и нет... После апокалипсиса. Наверное...

– И как там?

– Там была война, государств нет... Только какие-то группы и объединения. Жить можно. Или... Выживать. Люди остались. И... Инопланетяне.

– Больше ничего не помнишь?

– Не помню...

– Да и так, слишком много рассказал, – я вновь вступил в разговор. – Для сна, много.

– Это был не совсем сон, – сказал Валерка. – Я так думаю. Он – точнее, его психическое тело, действительно находилось в другом мире.

– Откуда он так много знает? Про войну, про инопланетян. Он что, сразу в нескольких временах был?

– Не исключено.

– Я говорил там, с одним. Человеком...

– Говорил? Уже интереснее. Материализация... Или – там все духи. Первое кажется... Более вероятным.

Валерка снова погрузился в раздумья и бормотал сам с собой.

– Значит, ты Сергей? – сказал я чудику.

Он кивнул.

– Дрон, – я подал ему руку.

Тот протянул ладонь в ответ. Какая хватка... По виду – не скажешь.

– Ты давно Валерку знаешь?

– Давно.

– Странно, что не пересекались никогда.

– Значит, не было необходимости. Да и я редко у него бываю.

Валерка вышел из раздумий.

– Что, познакомились уже? Я придумал кой-чего, через недельку вам звякну – будете мне нужны, оба.

– Ну все, туши свет, Валера снова что-то придумал, – сказал Серёга.

– Будем ждать, – сказал я. – Это будет интересно.

– Интересно, интересно. Дрон, ты идешь? Или останешься?

– Пойду.

– Я к себе. Пока, Серега.

– Пока – сказал я, и пожал руку своему новому знакомому.

– Скоро увидимся.

Странно, что мы раньше не встречались.

—///—

– Как думаешь, что он сделал?

– Посмотрим, – сказал я, шагнув с тротуара.

Серёга задумался.

– Ты чего встал? Пошли уже.

– Зелёный жду.

– Ну-ну... Мыслитель.

Мы перешли дорогу.

– Что гадать-то? Увидим.

Валерка, вопреки своему первому заверению, пропал на пару недель, а «сбор» – назначил только через три. Мы с Серёгой легко нашли общий язык и не раз уже бывали на пустыре вдвоём: я – просто так; а он, похоже – задумал что-то своё. Серега оказался вполне адекватным парнем, со «своими тараканами». Мы поднялись наверх, как условились. Валерка всё ещё не торопился.

– Думаешь, придёт?

– Посмотрим, – сказал я. – Ты же знаешь, он всякое может выкинуть. Но думаю – придёт.

– Почему?

– А вон он, смотри.

Валерка показался внизу, быстро шагая по направлению

к нам.

– Привет – сказали мы в голос. – Давай, показывай, что придумал.

Валерка достал КПК

– Ты где его откопал?

– Неважно.

– Что это?

– Программа специальная.

– И что ты делать собрался?

– Как получится. Эта программа изменяет состояние сознания, вы нужны мне для подстраховки.

– Ты хочешь увидеть другой мир?

– Да.

– Обрато не забудь вернуться, – сказал я. Начинай, мы подстрахуем. Серега! Ты куда ушёл? Иди сюда!

Подошёл Сергей.

– Что, начинаете?

– Начинаем. Я сейчас запущу программу, а вы следите за мной. Возможно, ничего не произойдёт; возможно – я потеряю сознание; возможно, буду «не в себе». Ваша задача – наблюдать за мной. Через пятнадцать минут, если будет нужно, начнёте приводить меня в чувство. Дрон, ты ведь не раз – пьяных «оживлял»? Действуй так же.

– А я тогда зачем? – Спросил Серёга.

– Лишним не будешь.

Валерка прислонился спиной к дереву, надел наушники и уставился на экран. Мы же – с интересом смотрели на всё. Прошла минута, ничего не изменилось, я зевнул. Внезапно, Валерка начал оседать... Рванувшись к дереву, я остановился – будто что-то удерживало меня. Не физически – мысленно. Я чётко осознал вдруг, что всё должно идти, как идёт – и не нужно вмешиваться.

– И что будем делать?

Серёга с растерянным видом переминался с ноги на ногу, неуверенно озираясь, глядя то на меня, то на Валерку, то оглядываясь назад.

– Ждать. Пятнадцать минут, как договорились. А потом – будем пытаться привести в чувство.

– Смотри!!!

Сложно было поверить, но всё происходило на наших глазах: Валерка бледнел и растворялся, как призрак.

– Нет, невозможно... – прошептал я.

Теперь Серёга бросился Валере, я вовремя схватил и удержал его.

– Пусти!

– Нет. Ты ничего не изменишь.

– С чего ты это взял?!

– С того.

Серёга сел на землю, его начинало бить крупной дрожью. Губы тряслись, руки ходили ходуном, казалось – вот-вот начнётся припадок. Через несколько минут он успокоился и замер, закрыв глаза, только иногда подёргивая головой. У меня тоже предательски дрожали колени, я держался только за счёт невесть откуда взявшейся уверенности, что всё идёт как надо.

– Ты ничего не сможешь изменить, – сказал я, наконец. – Посуди сам, что ты сделаешь? Нырнешь вслед за ним? Либо ничего не произойдёт, либо ты, как и он – растворишься, окажешься неизвестно где. Позвать «кого-нибудь»? Скорее всего – подумают, что у тебя «поехала крыша». И, в лучшем случае, покрутят пальцем у виска, а в худшем – закроют в «дурку». Даже если предположить, что тебе поверят, придут учёные – сам ты сюда вряд ли уже попадёшь просто так. Да и Валерка, если он вернётся – более вероятно то, что он появится именно здесь, а не в другом месте – неизвестно, что с ним будет, попади он в руки учёных. Я не паранойю и не преувеличиваю, ничуть. Вероятность увидеть его – будет намного меньше.

– И что тогда? – Серёга медленно поднялся, голос его всё ещё дрожал.

– Будем ждать.

Я поднялся с земли, ни Дрона, ни Серёги рядом не было. В небе – будто бомба взорвалась: сквозь плотную серую пелену еле пробивались красные лучи солнца.

– Стой!

Я обернулся. Передо мной стоял... Человек? Костюм неопределяемого цвета, который отлично сливался с местностью; дыхательная маска, за которой ничего не видно. Автомат(?) напоминал наш АК – только, казалось, был сделан из пластика. Впрочем, такая мелочь становится несущественной, когда на тебя нацелен ствол – пусть и неизвестного, оружия.

– Кто ты? Что здесь делаешь? Где твой жетон?

– Ва... – начал было я, но понял, что ничего внятного сказать не смогу. – Я не помню, кто я и как здесь оказался.

– Покажи руки, закатай рукава.

Я сделал, что просили.

– Где твой жетон? Ты должен его носить на запястье.

– Я не знаю.

– Пойдешь со мной.

– Куда?

– Куда нужно. Будешь задавать лишние вопросы – оста-

нешься здесь и больше никуда не уйдёшь.

Что это, и где я? Что делается сейчас там, у нас?

– Шевелись! – меня резко окликнули. – Ускорение при-
дать?

–

Я ожидал увидеть нечто, вроде развалин, но нет – город,
вполне приличный. Вокруг чистота – чище, чем у нас.

Мы зашли в одно из зданий и спустились куда-то вниз.

– Эльдар! Я тебе ещё одного привёл.

– Кто?

– Говорит, что ничего не помнит.

– В коллектор его. Завтра – как раз отправляем партию.

И снова неожиданность: место, в которое меня привели,
напоминало больничную палату, а не камеру. Резкий свет
ударил в глаза – будто они хотели ослепить любого, кто сю-
да войдёт. Огромная, пустая комната... Несмотря на то, что
вокруг было полно мест, меня отвели куда-то на середину.

– Садись, – меня взяли за плечо и резко толкнули вниз, на
койку. – А лучше, сразу приляг.

Солдат – именно так я решил называть того, кто меня
схватил – ушёл. Где же я? «Раз уж время есть, так хоть ото-
плюсь», – подумал я, и лёг. Всё же, где я? Свет погас, я по-
чувствовал, как теряю сознание.

—///—

– Эй! Серёга! Ты меня слышишь? Я толкнул его в плечо.

– Слышу, полчаса уже стоим.

– С тобой, точно – всё нормально?

– Да. Пойдём домой. Где бы Валерка ни был – как только появится возможность, он даст знать.

Вот так. Был человек – и нет больше. И неизвестно, что делать. Я пошёл домой – если ничего не путаю, я уже с месяц как не заглядывал туда. Пора.

–

– Ма-ам! Ты дома?

Никого. Наверное, на работе. Я направился на кухню. Так-с, что у нас здесь... Пустой холодильник, пора пополнить. Всё-таки, странно, – подумал я, закрывая дверь. – Что-то не так.

—///—

Что-то не так? Странное чувство. Я зашел в подъезд, навстречу выбежало несколько соседских мальчишек, один из которых чуть не врезался в меня. Нет, просто показалось. Нервишки...

– Оксана, ты дома?

Молчок. Странно, должна бы уже прийти.

– Ты чего дверь открытой держишь? – раздался голос из-за спины.

Оксана. И с ней, явно, что-то не так... Она зашла, скинула кроссовки; не снимая куртки – прошла в гостиную и плюхнулась на диван. Я закрыл дверь, переставил небрежно брошенную обувь.

– Что с тобой? – Я сел рядом.

– Всё нормально.

– Разве? – я снял с неё курточку. – Ладно, захочешь – расскажешь. Такой я её не припомню. Она всегда прекрасно держится: если что не так – виду не подаст. Теперь, правда, тоже пытается не подавать, но я-то всегда знаю, если у неё что-то случается. А сейчас – это заметил бы каждый. Я вышел в коридор и повесил куртку на вешалку, пошёл на кухню за чаем. Это было лучшее, что я пока мог сделать.

—///—

У подъезда я встретил соседку.

– Тётя Нюра, мама на дежурстве?

– Ты где был, засранец? В больнице мать твоя, два дня уже. Сердце.

Баба Нюра. Никто уже не знает, откуда она. Приехала она сюда, когда ей было столько, сколько сейчас мне. Каждая квартира в нашем подъезде успела сменить двух владельцев за это время. Любители почесать языки – говорили, что она ведьма... И правда: по её словам – ей было шестьдесят пять, но выглядела она лет на пятнадцать моложе. И очень не любила, когда её называли «Бабой».

– Где, в какой?

– Не пустят тебя к ней сейчас.

– Да чхал я – наих «не пустят»! Знаете ведь, тетя Нюра.

– С тебя, засранец, станется, – улыбнулась она. – На Гоголя, знаешь где?

– Знаю. Спасибо, тетя Нюра.

– Под ноги гляди! Как ты себе шею, до сих пор, не свернул.

– Вашими молитвами.

«Засранец» – это прозвище баба Нюра повесила на меня с детства. Я никогда не обижался – не знаю даже, почему. Других мальчишек она называла более ласково, но почти все они сторонились её. Боялись, наверное...

—///—

Меня разбудил вой сирены. Картина изменилась – место, где я находился, теперь выглядело более реально: обычная,

длинная комната, с кроватями вдоль стен. Вокруг меня другие люди, все поднимаются и выходят. На выходе нам надели какое-то подобие наручников, называли номер и выталкивали в длинный коридор, который вёл неизвестно куда. Мне это напомнило грузовой отсек транспорта. Похоже, мы и были той самой «партией». В комнату зашёл солдат – точно-точно такой же, как и тот, что привёл меня сюда, голос его гремел и отдавался эхом.

– Даю краткий инструктаж: не вставать с мест, пока не разрешат; не разговаривать. Нарушители пойдут в переработку. Всем ясно? Задницы на место – и замерли!

Солдат ушёл. Почти сразу же появился слабый гул, машина чуть качнулась.

– Взлетели, – прошептал человек рядом со мной.

– Говорить же нельзя?

– Можно, если осторожно. Да и Гриды – не такие уж звери.

Гриды... Так вот как их называют.

– Где мы?

– Транспортный отсек научного корабля.

– Куда нас везут?

– Этого никто не знает. Надеюсь, просто на обработку.

– Может быть что-то иное?

– Может. Об этом я не хочу думать.

Нас сильно качнуло – несколько раз.

– Хорошо же у вас трясёт.

– Так не должно быть. Что-то случилось.

Тряска пропала, машина вновь пошла ровно.

– Всем сидеть, мы идем на сниженной высоте, – раздалось из невидимых динамиков.

И тут ударило так, что все слетели со своих мест. Мы что, падаем? Последний толчок выбил лишние мысли, оставив одну: «как выбраться отсюда?». В стене появилась пробоина, динамики затрещали и тотчас замолкли, двери открылись. Никто не заходил, все стали рваться к выходу: кто-то прыгал сразу; кто-то – остановился на краю.

– Как тебя зовут? – спросил я у своего соседа. Мне не ответили. Обернувшись – я понял, что он мертв: струйка крови стекала по лицу, дыхания не чувствовалось. Я подошел к выходу. Четвёртый этаж, примерно... Высоковато, чтобы прыгать.

Большинство тех, кто всё же отважился на прыжок – лежало внизу, но некоторые поднимались и ковыляли подальше от места аварии. Бежать – мало кто мог. Меня окликнули.

– Ты почему не спрыгнул?

– Думаю, стоит поискать другой выход.

– Я тоже так подумал. И как можно скорее.

Мы побежали вглубь судна

– Как тебя зовут?

– Зотгар. Или просто – Зот.

– А меня... Трэшк.

– Странное имя.

Странное. Настоящее, наверное, здесь будет звучать ещё более странно. Я назвал первое, что пришло в голову – один из моих «ников».

– Ты знаешь, как снять эти наручники?

– У охранников должны быть ключи.

– Не очень радует встреча с ними.

– За нами никто не пришёл, значит – либо мы не столь важны и они покинули судно, либо они без сознания. Запасные ключи есть в кабине пилотов.

– Всегда может быть третий вариант.

– Будешь много болтать, у тебя их не останется вообще.

– Откуда ты знаешь, куда идти?

– Знаю. Тебе не всё равно?

Мы натолкнулись на одного из охранников – он лежал без сознания.

– А вот и ключи, – сказал Зотгар, сняв пластинку с груди Грида.

Я потёр запястья, освободившись от наручников.

– Это оружие? – спросил я, указав на нечто, висевшее на поясе охранника, напоминавшее большой пистолет.

– Оружие, но ты не сможешь им пользоваться.

– Почему?

– Из какой дыры ты вылез, что не знаешь, как выглядит и действует оружие Гридов?

– Это далеко.

– Ладно, не важно. Нам нужно в кабину пилотов, там есть более простое оружие.

Мы миновали ещё пару коридоров.

– Здесь! – Сказал Зотгар, резко открывая дверь.

Это не было похоже на кабину пилотов, скорее – какая-то подсобка. На полу, лицом вниз, лежал человек.

– Один есть, где-то – ещё двое.

Зотгар перевернул тело

– Так, весело...

Зот начал хлопать незнакомца по щекам, тот стал мычать, и вдруг резко схватил Зота «за грудки». Зот, дав ему хорошую оплеуху и оторвав от себя, крикнул:

– Зак, Это я! Приди в себя!

Тот, кажется, очнулся.

– Зот?

– Я. Ты почему в форме пилота? Договаривались ведь – как можно незаметнее!

– Производственная необходимость, – Зак потрогал челюсть. – Зачем так бить-то?

– Производственная необходимость, – Зот усмехнулся, встал, открыл и тут же захлопнул неприметный шкаф в стене. – Ты знаешь, где оружие?

– Знаю, пошли.

—///—

Я достал коробку. Не знаю, почему, за что – Оксана любила чай из пакетиков. Я же его не пил – держа в запасе, «на всякий случай». Не по каким-то особым соображениям – просто не пил. Разве что «за компанию». А может... Я вспомнил бабушкин рецепт, который любил в детстве. Пошарив в шкафу – нашёл семя укропа. Так, ещё нужен мед... Я открыл холодильник. Зачем его там держать? Всё равно ведь, ничего ему не сделается – только место занимает. Или, всё-таки, испортится? Я высыпал укроп в кружку, залил молоком и сунул в микроволновку. Уже в горячее и процеженное – добавил мёда, хорошо размешал. Оксана любит молоко – надеюсь, и это понравится.

–

Что делать, что делать, что делать... Пашка... Зачем... Почему он вернулся... И как он, вообще, меня нашёл?! Зачем, зачем?! Я не могла ни о чём думать. Пашка. Пашка вернулся. Сводный брат – у нас разные отцы, я никогда не воспринимала его, как родного. Почему, почему я чувствую себя ответственной перед этой сволочью? В своей жизни он только и делал, что отравлял жизнь всем другим. Нет, он не был ни любимчиком, ни маминым сынком, у него не было никаких привилегий. Только младше меня, на три года. Но он не был похож, ни на меня, ни на мать, ни на моего отца. Хотя, я не видела наших отцов – ни своего, ни его. По словам матери – мой папа умер через полгода после моего рождения, а о другом она никогда не говорила. Видимо, на него он и был похож. Никогда не поверила бы, наверное, что одна только наследственность может так влиять на характер...

–

– Ну, как ты тут?

Оксана подняла глаза. Мокрые, но не красные.

– Нормально.

– Держи.

– Что это?

– Молоко, попробуй.

Оксана сделала глоток.

– Вкусно. Спасибо, ты настоящий друг, Чебурашка.

Несмешная шутка... Совсем плохо. Ты стала похожа на обычную девушку, – думал я, глядя на неё. Я-то знаю, что ты умеешь плакать, хоть многие и не верят в это. Похожа на обычную... Говорят: «жизнь обломает» – имея в виду, что наберешь больше опыта, «знания жизни». Я же всегда воспринимал это как: «всё равно станешь таким, как все». Жизнь обломает... Да, против неё не попрёшь. Нельзя вечно, «в лоб», идти против толпы: растопчет, оплюет, и ещё даст всему обоснование – «мораль», для других. И все (ну, почти) согласятся. Что же у тебя случилось, Оксана? Такая мелочь, как непонимание других, тебя уже вряд ли тронет.

– Может, расскажешь, в чём дело?

Секунду она смотрела на меня. Да, ты изменилась, ты уже не та. Чуть-чуть, но, всё же... Что теперь не так?

– Расскажу. Потом...

—///—

– Ты где это ископаемое добыл?

Зотгар взял у Зака то, что, по-видимому, должно было быть оружием. Выглядело оно отнюдь не ископаемым, скорее – напоминало футуристический фен.

– Не знал, что такие ещё остались. Эс-Эр один! Это же...

Как ты заряжаешь эту штуку?

– Зарядка не проблема, наши умельцы многое могут, – Зак достал и передал Зотгару ещё один, точно такой же, «фен». – Видишь различия?

– Он тяжелее.

– И мощность в два раза выше.

– Никто ведь не знает, как эти штуки работали?

– И сейчас – толком, не знают. Но мощность сумели увеличить.

– Это всё, что у тебя есть?

Зак оскалился. Не просто улыбнулся – именно оскалился! Из рта его торчали клыки, примерно по сантиметру каждый.

– Всё, пока что. А ты хотел, чтобы я арсенал сюда притащил?

– Нет, но эти штуки... Ненадёжно.

– Пошли, тактик. Слушай стратега – тогда и оружие, может, не понадобится.

– А...

– А «вдруг» и «если» не будет!

Ну, здорово. Новый знакомый оказался... Вампиром?оборотнем? Я поймал себя на мысли, что иду по шаблону, навязанному фильмами. Конечно, он мог быть кем угодно: вампиром; оборотнем; мутантом... Или просто – парнем, с

большими клыками. Мало ли что? При желании, можно найти много объяснений. И верными, возможно, будет несколько. А может – ни одного.

– Что это такое?

– Тоже никогда не видел? Это сверхрезонатор – такая маленькая штучка, которая вызывает резонанс в любом предмете. Понимаешь, что при этом происходит?

– Понимаю. Непонятно, как такое возможно.

– Я тоже не понимаю, вижу только эффект – любой материал разрушается, под его действием.

– А вода?

– Испаряется, если немного. В ней гибнет всё живое.

– Самое интересное, что это не совсем оружие. Говорят, это было детской игрушкой, – добавил Зот.

– Как так?

– Вот так. Спортивный, или даже игрушечный, пистолет – стреляли по шарикам.

– А как же...

– У них была защита, играли на спецплощадках. Как работала эта защита – никто не знает, загадка.

– Всё, что ни изобретал человек – он пытался использовать, как оружие. Но иногда оружие – используют как игрушку. Ирония...

– А друг-то, у тебя, я смотрю, философ. Трэшк, кажется? Ты лучше по сторонам смотри.

– Трэшк. Откуда вы знаете моё имя?

– Он многое знает, – отозвался Зот.

– Всем тихо! Скоро будет пост – чтобы ни звука и на чеку.

– Но как мы пройдем?

– Пройдём, не суетись раньше времени. Зак свое дело знает.

– Всем замолкнуть!

Зак сунул руку в карман, достал вещицу, очень похожую на пейджер, нажал на нем пару кнопок и тихо сказал: «За мной!».

– Иди справа от меня, – так же тихо, сказал Зот.

Мы быстро прошли метров двести, никакого поста я не видел. Всё, что попало в поле зрения – только здания вдалеке. Никакой опасности, на первый взгляд. Зак шёл, сосредоточившись, будто по невидимой тропинке: то слишком прямо, то резко поворачивая. Зотгар шёл точно за ним, я невольно повторял движения, шагая «след в след».

– Всё, прошли.

– А где пост?

– Здесь вся земля в датчиках – но есть мертвые зоны, в которых чувствительность минимальна, – ответил Зак.

– У тебя новая «глушилка»?

Зак снова достал «пейджер» и нажал кнопку.

– Новая. И место – новое.

- Мы ведь были здесь, четыре года назад?
- Ты многое пропустил – поверь, оно новое. Почти.

—///—

Мама... Как же тебя угораздило? И ведь на сердце никогда не жаловалась. Хотя, ты почти никогда ни на что не жаловалась – не любила.

– Молодой человек, вы куда?

Охраны здесь раньше не было... Терактов, что ли, боятся? В общем-то, правильно.

– Вы к кому? – повторили чуть раздражённо.

– К матери.

– Фамилия?

– Бесстужева Дарья.

– Бесстужева... – пробормотал охранник, сверяясь со своими записями. – Хм, всегда думал, что эта фамилия пишется с одной «С».

– Обычно так и пишут, но тут другой случай. Где она?

– Шестая палата, к ней нельзя.

– Почему? Всё так плохо?

– А это ты у врача спросишь, приёмное время – вон там посмотри. Охранник кивком указал на стену, где висел информационный щит.

– Может, пропустишь?

- Может, гроб сразу закажешь?
- Да ты думай, что говоришь-то!

Почти невольно – я начал сжимать кулаки и подался к нему, почувствовал, как накатывает ярость.

– А ты думай, что делаешь. Мать дорога? Сказано – не тревожить!

– Я чуть остыл – ведь он прав, отчасти.

– Что за шум? – откуда-то из отделения вышел парень, лет тридцати пяти.

– Да вот, в шестую ломится, к Дарье Бесстужевой.

– Вы кто ей?

– Сын. Как она?

– Она в порядке. Ничего, конечно, хорошего, но самое плохое уже позади. И всё же – лучше пока её не беспокоить. Тем более что она сейчас спит. Я передам ей, что вы заходили.

– Скажите, чтобы за меня не волновалась, что всё хорошо, я всё...

– Всё? – врач улыбнулся.

– Всё хорошо. До свидания.

– И вам всего доброго.

Чуть не сказал: «я всё для неё сделаю». Кого обманывать? Я прибью за неё любого, ЛЮБОГО! До кого руки дотянутся... Но не изменюсь сам. А этого она хотела бы больше все-

го. Шестая палата... Её окна должны быть где-то здесь. Я взобрался на дерево, заглянул внутрь. Мама спала – никаких капельниц и трубок в носу, как я уже представил. Чего только не рисует воображение, когда боишься. Мама... Прости. Прости, в который раз. Я, правда, на все ради тебя готов. Только не меняя себя – в угоду этому гнилому миру. Не потакая ему. Все хотят видеть своих детей красивыми, здоровыми, успешными... Лучше себя. И ты тоже. Прости. Ты никогда не пыталась меня переделать или воспитать вновь, ты всегда учила думать меня своей головой, не лезла в душу с нравоучениями. Спасибо тебе, этого ничем не измерить. Ничем. Говорят, что все мы в неоплаченном долгу перед родителями – это неправда. Но, так бывает. Я ещё поквитаюсь с этим мирком за то, что он сделал с тобой и с нами. Как бы дико и безумно это ни звучало.

—///—

Прошло уже два дня. Всё, вроде бы, наладилось, но я чувствовал напряжение Оксаны. Думать про это, «что-то», она не переставала. Может, стоит снова спросить её? Ведь не расскажет сама. Не расскажет...

– О чём задумался?

– Оксана... – я поднял глаза. – Я не заметил, когда ты пришла.

– Не удивительно, – она улыбнулась. – Ты ведь у нас мыс-

литель, у тебя телевизор из-под носа можно утащить, а ты и не заметишь. Кстати, зачем он тебе, если всё равно не смотришь?

– Смотрю, иногда... Когда ты пришла?

– Пять минут назад. Или около того.

– Оксана... Я всё хочу у тебя спросить...

– Я расскажу. А ты – сделай мне свой укроповый чай, пока что.

– Я ведь его процедил тогда. Сразу поняла, что это было?

– Сразу, мне такое мама давала.

– Хорошо, сейчас сделаю. Жди, – я обнял её. – Ты ведь не убежишь?

Она не ответила – только снова снисходительно посмотрела на меня. Сколько же ещё загадок мне суждено найти в ней, сколько раскрыть... Вернулся я через пару минут – Оксана переключала телеканалы, не задерживаясь ни на одном, как только я зашёл, она выключила телевизор.

– Ничего интересного нет. Может, продашь его? Или отдашь нуждающимся?

– Пускай стоит. Держи, – я подал ей кружку.

Отпив, она поставила её на столик рядом с креслом.

– Спасибо.

Я взял её за руку.

– Рассказывай.

– У меня есть брат...

– А...

– Я не хотела о нём говорить, – опережая мой вопрос, сказала Оксана. – У нас разные отцы, да и братом я могу его назвать с натяжкой. Он... Никогда не был похож ни на меня, ни на мать, хоть и жил, рос с нами до пятнадцати лет. Отца его я никогда не видела, мама о нём ничего не рассказывала. Соседи – всякое говорили... Одни – что в тюрьме сидит, другие – что нет, что кто-то, мол, недавно, видел его. Кто-то тут же подхватывал, что он сбежал. Много чего. И что мошенник он, скользкий тип, и как только таких – земля носит. Рассказывали, что убили его. Есть ли в этом хоть часть правды – не знаю. Сплетни, что с них взять. Пашка родился, будто для того, чтобы испоганить нам жизнь. Нехорошо, может, так говорить, но иначе не могу. Мама, после того как его родила, заработала кучу болячек, и хоть говорят, что вторые роды проходят проще первых – рожала тяжелее. Он младше меня на три года. До пяти лет он постоянно болел, до девяти... Наверное, это были самые тихие годы. А после – он убежал из дома. Лучше бы и не возвращался. С нами он прожил до пятнадцати лет, потом ушёл. Говорил тогда, что живёт у отца. Иногда заваливался к нам домой, за полночь, пьяный. Мама умерла через четыре года, я продала квартиру и уехала в другой город, там купила квартиру поменьше. Прошло совсем немного времени – он меня нашёл, начал требовать де-

нег. Я снова продала квартиру, снова уехала. Денег на новую – уже не хватило бы. Да и не хотелось сидеть на одном месте. Снимала жильё, искала работу... Иногда – жила у знакомых. Вот так. Он как чёрт – только и делает, что портит жизнь другим. И преследует меня... Я... – Оксана осеклась, голос её дрогнул. Запрокинув голову и закрыв глаза, она откинулась на спинку кресла, перевела дыхание. – Я больше ничего не хочу говорить.

Я подсел к ней на корточки, взял за руки.

– Ты и так сказала достаточно. Столько, что мне кажется – я узнал того, о ком ты говоришь. Ты не должна больше уезжать, быть одна.

– Он везде меня найдёт.

– И что? Оксана, тебе самой это не надоело? Мы с тобой, давно уже – куда больше, чем «просто знакомые». А живем, будто... Не назовёшь, как. Не бывает так, нонсенс. Я-то всё думал, почему ты не хочешь оставаться. Про семью и не заикнёшься. А ты – боишься, неизвестно чего. То есть, конечно, известно, только вот... Неправильно это.

– Я не хочу никому портить жизнь.

– Оксана, испортить себе жизнь – мы можем только сами.

– Я, по-твоему, сама просила его, чтобы он доставал меня?

– Конечно, нет. Но пыталась ли ты с ним, хоть как-то, разобраться?

– С ним бесполезно говорить.

– А кто говорит о беседе? Если кто-то не понимает слов

– с ним общаются по-другому.

– Он же брат мой...

– Ты уверена? Это не брат, это отпрыск твоей матери. Не сын – выродок. Хоть ты не хочешь это признавать.

– Мама болела, он болел... Я всегда чувствовала какую-то ответственность перед ним...

– Ответственность... Кстати, какая ещё ответственность? Тебе же было только три года, когда он родился!

– Ты забыл? Я же была чудо-ребёнком, – Оксана, впервые за разговор, улыбнулась.

– Ты всегда была чудом, – я крепче сжал её руки, поднёс к губам. – Ты не должна уходить.

—///—

– А у вас здесь неплохо... Даже, уютно.

Я осматривал место, куда мы, наконец-то, пришли. На подвал, как мне представлялось раньше, это не было похоже. Скорее, на обычный дом. Только окон не наблюдалось – мы, всё же, находились под землёй.

– Ещё бы, – сказал Зак. – Мы сейчас же можем законсервироваться – и жить здесь, лет двадцать.

– И как вы всё это устроили? Не своими же силами?

- Конечно, – Зак усмехнулся. – Таких бункеров много.
- И все заброшены? Никак не контролируются?
- Почти.

Но ведь мы совсем рядом с каким-то поселением... Вла-сти что, на другой планете? Я понял, что почти уже с мину-ту стою на одном месте, и улыбаюсь. Как идиот. Да, вряд ли этот мир так сильно отличается от нашего. Если улыбаешься непонятно чему – значит, идиот. Следуя такой логике – глу-хой от рождения мог бы назвать идиотами всех остальных. Но кого это волнует... Куда все подевались? Я начал подроб-нее осматривать убежище и вышел из комнаты в большой зал. Даже странно, зачем такой большой? Собрать народ для важных сообщений? Он напоминал большую гостиную – огромную и нелепую: пара диванов; пара кресел в центре зала, с высоким(!) потолком; хаотично разбросанные стулья; вдоль стен – какое-то подобие лавок; несколько шкафчиков. Будь это помещение более вытянутым, оно напомнило бы школьный спортзал. Интересно, сколько же здесь человек? Я сел в кресло, решив просто дождаться кого-нибудь. Луч-ше, если это будет Зак... Только теперь я понял, что не спал почти уже два дня – глаза слипались. Я «растёкся» по креслу и «отключился».

– Зот, зачем ты его привёл?

– Мне кажется, что он перебежчик. Ты ведь помнишь – лет семь назад, уже случилось подобное?

– Я не уверен, что в тот раз был перебежчик, скорее – просто псих. Но, даже если он из другого мира, что это нам даст? Неужели, ты снова хочешь сбежать?

– Посмотрим. А тебе, разве не интересно? Что, если это шанс?

– Хочешь найти дверку, чтобы шастать туда-сюда? В одном месте нагадил – и, тут же, в другое?

– Ты как всегда проницателен. Не пойму только – чего ты, до сих пор, в этом дерьме копошишься?

– Дерьме? – схватив приятеля за грудки, Зак прижал его к стене и выпустил клыки. – Слушай, ты прекрасно знаешь, почему я здесь. Я много чего видел в этой жизни, даже научился кое-кого понимать и жить с теми, кого презираю. А ты – каким был, таким и остался. Тебе что, мало приключений на свою задницу?

– И ты остался таким же. Всё так же делаешь вид, что ничего не случилось.

– Это было двадцать пять лет назад!

– Забавно. Двадцать пять лет – а постарели всего на десять. И помню всё, будто оно произошло два года назад.

– Что тебе делать там? Откуда ты, вообще, знаешь, что попадётся мир, лучше этого?

– Не знаю. Но чем чёрт не шутит? Тебе, разве, нравится

в этом гадюшнике?

– Хорошо там, где нас нет... Не думаю, что в другом месте намного лучше. Везде одно. Даже язык. Хотя, конечно, он другой... Помнишь – мы гадали, как будем общаться с аборигенами? А вышло...

– Случайно. Случайно попали, случайно оказалось то, что мы понимали, о чём говорят нам, а то, что это не наш язык – стало ясно, только когда начали учиться писать... Ты ведь был лучшим. Эксперименты, что мы ставили – никто не мог, да и не хотел повторять.

– И доэкспериментировались. Нравится результат?

– Не очень. Но знаешь, иногда я рад, что всё именно так. Что было делать? Киснуть в лаборатории? Нет, я точно занялся бы чем-нибудь, «не соответствующим моральным нормам и облику».

– Пессимист ты.

– Зато ты у нас – неисправимый оптимист. С чего ты взял, что твой генератор вышел бы из лаборатории? Энергетики такого никогда не допустили бы. Вот здесь – он бы нам пригодился. Только ты теперь боишься. И случайностей, и науки.

– Генератор работает, он здесь. Им уже можно запитывать бункер, но стоит ещё чуть доработать.

– Так чего ты ждешь? Только ты сможешь собрать аппаратуру для портала!

– Потому что здесь – теперь мой дом. Какой бы ни был.

А там – совсем ничего.

– И я ещё, после этого, пессимист.

– Ты сам знаешь, почему. Здесь стареешь в два раза медленнее, здесь можно успеть больше. Здесь, хоть и не блеск – но можно работать. И работы хватает.

– Ты бредишь. Какой работы? Ты под носом у Гридов! Ты что, возомнил себя всемогущим?

– Конечно, нет. Но я уже могу намного больше.

– Всё хочешь мир спасти? Не стареют душой ветераны...

– Я могу его создать – незачем спасать то, что прогнило насквозь. Фанатика давно уже нет, остался только прагматик. Может быть – когда-нибудь, я вернусь. Но не сейчас.

– Когда-нибудь... Ты прекрасно понимаешь, что это значит – никогда. А к новенькому – приглядишься.

—///—

Темнело. Я уже три часа бесцельно слонялся по городу. Может, всё-таки, учиться пойти? Мама всегда хотела, чтобы я «получил хорошее образование». Пора домой. Неохота... К Серёге зайти, что ли? Я медленно шёл по набережной и снова думал, что мне нет здесь места. Не тот мир, не то время... Не те нравы, не те люди. Были ли они, когда-нибудь, другими? Если, по сути? Оксана, Сережина знакомая – говорила, что суть никогда меняется, всегда остаётся такой же. И люди – такие разные и похожие одновременно – и их стрем-

ления. Очень может быть, что так. Только, что мне толку с того? Понимание, что мир не изменить? Так это и так понятно. Изредка – приходит кто-то, кто меняет ход истории. Но меняется лишь форма, а люди – всё те же.

– Здорово, Дрон!

Я обернулся. На меня смотрел Сергей – непривычно весёлый. Вспомнил, что мы уже неделю не виделись, натянуто улыбнулся.

– Привет, Серёга. От Валерки нет вестей?

– Нет. Да и как он сможет связаться?

– Ну, кто ж знает – он ведь как-то растворился у нас на глазах. Неизвестно, что он ещё сможет.

– Хочется надеяться.

– Чего такой весёлый?

– Женюсь.

– Да ну?

– Вру, конечно, но повод есть. А вот ты чего такой задумчивый?

– Тоже, повод есть. И зачем нам для всего нужны поводы?

– Зачем нужны? Не похоже на тебя.

– Мы ещё мало знакомы. Ты откуда?

– Из дома, как раз к тебе хотел зайти.

– Что за дело?

– Мне кажется, мы можем найти нашего общего знакомого.

– Как? Или... Ты о ком?

– Чёрный.

– Я знаю, что он в городе, но искать его не хочу. Пришибу ведь, ненароком.

– Ты не такой дурак, чтобы это сделать.

– Да ну?

– Ну да!

– Ладно – выкладывай, что у тебя.

– Я не могу сказать точно, но у меня большое подозрение, что Чёрный – брат Оксаны.

Я чуть опешил. Сериал... Если это так – я им не завидую.

– Ну, кино. Не повезло девчонке, если так.

– Он постоянно преследует её. Похоже, они виделись совсем недавно. Думаю, не в последний раз. Поможешь встретить?

– У ты какой. А если нет?

– Упрашивать не собираюсь, – голос Сергея отвердел, а сам он враз стал серьёзнее. – Ты ведь знаешь, что всё не просто так.

– Знаю. Помогу. И всё равно – гад ты...

– Все мы не ангелочки. Пошли на пустырь?

– Пошли.

–

Пустырь... Странное место. Вроде бы, ничего особенного. Но, думается здесь – иначе. Здесь спокойно, видно по-

что весь город – с его домами, магазинчиками и помойками. До боли банальная картина, даже чуть удручающая, если представить потом. Но здесь – видишь всё по-другому. Не знаю, почему. Закат тут кажется нереальным, восход – ещё красивее. Раньше я часто ходил сюда, просто так. А теперь... Вроде бы и не без цели, но непонятно, зачем. Что мы можем сделать? Только ждать. Прошёл уже месяц после того, как Валерка растворился. Чего ждать? Если только того, что он вдруг появится из ниоткуда, как и исчез. Что-то мне всё это напоминает. Постоянно ищешь «нечто», бьёшься головой об одно место на стене, только изредка отбегая в сторону. И не видишь ничего другого. Уже не умеешь, не знаешь, как смотреть. Возможно ли этому научиться, или с этим нужно родиться? Таким, как Валерка. Сколько его помню, он всегда делал что-то своё, что-то не очень понятное. Будто знал – или видел то, чего другие не видят. Видел – и пытался показать другим. А может – просто хотел изучить, больше узнать. Узнал. Как говорится: «меньше знаешь – крепче спишь». Это правда. Только иногда приходит мысль, что чего-то не хватает... Но думать об этом некогда. Зачем искать что-то невидимое – если и так проблем хватает? Самое интересное то, что решают эти проблемы – именно такие вот, непонятные люди. Их не видно, они не управляют. Очень многие их не воспринимают, не учитывают – считают непонятными, ненужными придурками. И, напротив, немногие понимают, что именно такие чудики – порой, решают судь-

бы мира. Что благодаря им – мы видим вокруг то, что называем «прогресс». Хотя... Они же могут, вдруг, «совершенно случайно» – уничтожить мир. Правда, это скорее сделают другие, пусть и с их помощью. Любую идею можно использовать во вред... Нет, это и правда, какое-то аномальное место – сам удивляешься своим мыслям. Если бы мне кто-нибудь попробовал такое рассказать – покрутил бы пальцем у виска, и слушать не стал. А тут... Само в голову лезет. Закач... Красиво. А там...

– Серёга, смотри!

– Да я уж давно смотрю, не хотел тебя отвлекать. Сам знаю, как тут иногда уходишь в себя, – Он улыбнулся краем рта, а я смотрел на то самое место, где исчез Валерка.

– И что это?

Серёга пожал плечами – откуда знать? Воздух прыгал и «тёк», как в пустыне. Будто кто-то снизу подогревал землю...

—///—

– Эй, Трэшк! Просыпайся!

– Серега, дай поспать...

– Просыпайся, говорю!

Да что ж случилось-то? Я не хотел открывать глаз. Стоп! Мысль буквально взорвалась в голове. Я подскочил бы, на-

верное, если бы не был, только что, со сна. Сейчас – лишь резко поднял голову, осознание происходящего пришло через пару секунд. Это мне не приснилось! Я... Я правда... Хм... Неизвестно где. Хорошо хоть – помню, как сюда попал.

– Привет, Зот. Такой сон снился... – Я зевнул, мир вокруг, наконец, обрёл ясность. – Правда, вспомнить уже не могу – редко запоминаю.

– Ну-ну. Хотел поспать – у нас места поудобнее есть. Я скоро уйду, так что – осваивайся дальше сам. Зака ты знаешь, он тебе все расскажет, почти всегда найдёшь его в соседнем зале.

– Где?

– Найдёшь, не беспокойся. Вон та дверь, пройдёшь прямо по коридору.

– Мне надо обратно.

– Куда? К Гридам? Ты что, смерти ищешь? Осмотрись пока, а с этим всегда успеешь. Я вернусь, – Зотгар осёкся, по лицу его пробежала тень. – Примерно, через неделю. Осваивайся, потом поговорим. Пока слушай, что Зак скажет – он мужик умный, хоть и с «прибабахом».

– Да, думаю, ты прав, – Я встал, чуть потягиваясь и разминая затёкшие ноги. – Мне, на самом деле, лучше пока осмотреться.

И получше разобраться в том, что здесь происходит. А то,

что Зак с «прибабахом», так это даже лучше – очень может быть, что больше получится узнать. Кто из нас не без причуд? Разве что – совсем пустые люди. Гений – почти всегда стоит рядом с шизофренией. Так уж получается, что без фанатизма – ты вряд ли добьёшься значительных высот. Просто – всему своя мера... Да, ещё место и время. Жаль, что, чаще всего – так не получается. Гениальные люди всегда опережают своё время, почти всегда – им суждено быть непонятыми. Тем временем, мы слепо превозносим обычных шизофреников-подонков, а отнюдь не гениев. Ведь «шизо» – во все не означает одарённость, обратной связи здесь нет. Жаль, что так. Зот ушел, я всё ещё разминал затёкшее тело – нечасто мне приходилось засыпать сидя, не привык. Интересно, сколько времени я так провёл? Хотя, не суть. Самое важное теперь – побольше узнать, найти выход. Побольше узнать... Последнее время, мне всё чаще кажется: узнавая что-то – ты неизбежно что-то теряешь. Даже, когда это незаметно, когда думаешь, что стало только лучше... К чёрту бы всё. Однако сильно я затек, – подумал я, заканчивая разминаться. Всё, пора искать Зака. Я направился к нужному коридору, снова оглядывая зал. Искать не пришлось, Зак шёл мне навстречу.

– Здорово, бегунок!

– Привет. Кто?

– Так мы называем всех новопришедших. Зот объяснил тебе ситуацию?

– Сказал, что ты меня посвятишь.

– Ну – пойдём, раз так.

Мы зашли в тот самый зал в конце коридора – он напомнил собой большой, закрытый офис. Или не офис... У меня не с чем было сравнивать. Да и незачем. Сравнивая – ты куда больше подвержен стереотипам. Здесь было много столов с компьютерами, много шкафчиков и полки с книгами (или чем-то похожим на них). Отчасти это напоминало библиотеку – своей тишиной и отсутствием суеты. Здесь каждый, казалось, был полностью поглощён своим занятием: кто-то смотрел в монитор, стучал по клавиатуре; кто-то чертил; а кто-то, похоже, вообще ничего не делал – просто сидел с закрытыми глазами, в наушниках.

– Здесь наше всё – и вычислительный центр, и библиотека. И игровая, иногда. Садись на любое свободное место – везде есть доступ к информационному хранилищу, там ты найдешь ответ почти на любой вопрос.

Я сел на ближайшее кресло. Как всё похоже – клавиатура, мышь... Всё почти такое же, как и у нас – кроме символов на клавишах: совсем другие, незнакомые – лишь отдалённо они напоминали буквы. Я шевельнул мышкой – экран ожил. Сказать, что я был удивлён – значит, ничего не сказать. Билли, ты и здесь наследил? Я смотрел на рабочий стол самой известной ОС. Конечно, это был не он, но как похоже! Я кликнул на кнопке «Пуск» – точнее на той, которая долж-

на была бы ей быть, на этой горели неизвестные мне символы. И меню похоже – как с включенной опцией «Классическое». Неужели, бывают такие совпадения? Как, вообще, такое возможно? Здесь другая письменность – это логично. Но почему я понимаю, о чём говорят? Странно, что эта мысль пришла мне только сейчас. Если бы мне всё это снилось... Как бы всё было проще! Нет, увы – так не получится... Что же делать?

– Зак... Я ничего не понимаю, ничего не помню. Не могу ничего прочесть – всё будто на чужом языке. Я же рассказывал – я потерял память. Тогда, у Гридов...

– Многие приходят оттуда без памяти. Если, конечно, пощастливится вернуться. Ты не первый.

Зак говорил спокойно, но в голосе слышалась то ли насмешка, то ли недоверие. Лицо его ничуть не поменялось, но мне так и представлялся прищур, с лукавой улыбкой.

– И как мне теперь быть?

– Как и всем – учиться. Впрочем... Давно хотел попробовать, да как-то не приходилось. Дай мне руку.

Зак взял меня за руку, другую свою ладонь – положил мне на плечо.

– Закрой глаза, расслабься. Сейчас попробуем.

– Что?

Я, кажется, даже не успел договорить: глаза закрылись сами, в голове помутнело. Через секунду (хотя, кто знает – сколько прошло времени?) – я открыл глаза. Ничего не изменилось. Только Зак – улыбался во весь рот. Он явно был доволен тем, что проделал. Невольно отметил отсутствие клыков. Точнее, они были – но такие же, как у всех. Разве что – самую малость, длиннее.

– Ну как?

– А как должно быть? Ничего не чувствую.

– Попробуй прочитать что-нибудь.

Я посмотрел на компьютер. Символы не изменились. Но, снова кликнув на «пуске» и открыв меню – я всё понял. Я мог читать! Я понимал всё написанное. Так странно: видеть незнакомые буквы – и читать их, будто всегда знал. Я начал понимать, слышать отличия их языка, от моего родного. Совсем другая речь. Вот они – загадки восприятия. Можно внушить что угодно – и ты примешь это за своё.

– Что ты сделал? Я всё понимаю.

– Считай, что прошёл курс экспресс-обучения – я передал тебе часть своих знаний.

– Так просто?

– Так. Но не просто. Хотя, оказывается – не так уж и сложно. Отдыхай, познавай мир заново. Разберёшься ведь, теперь?

– Разберусь, обязательно. Как ты это сделал? Можно ли такому научиться?

– Всё можно – я ведь научился. То, что сможешь ты – зависит от тебя. Конечно, при условии свободы обучения. Но часто мы сами лишаем себя свободы – своим бездействием и неверием. Смотри, не попадись в ту же ловушку. Ты знаешь всё – нужно только вспомнить. Обучение – лишь помогает этому. Случались с тобой моменты, когда ты не мог объяснить того, как именно что-то сделал? Потому что слова нужны только для нашего, обычного общения – мыслям они не требуются. Трудности возникают, когда их нужно высказать, придать форму. Ты только учишься это делать: вспоминать, вытаскивать из глубин подсознания – души, если хочешь. Знание, которое хранится у тебя в памяти, в виде слов, но не понятое душой – мертвее мёртвого, и не несёт ничего, кроме разрушения твоей, а иногда и чужой, жизни. Ты можешь его передать – у другого оно, возможно, оживёт. Но лучше – постарайся понять сам. Учись, наблюдай, прислушивайся к другим. Это стоит того. Не верь всему сразу – думай своей головой.

– Обычно, я так и стараюсь делать.

– Молодец. Что-то я заговорился – давно ни с кем так, запросто, не беседовал. Не буду тебе больше мешать.

Зак отошёл на противоположный конец зала, к другому столу, за которым уже кто-то сидел, что-то указал на мони-

торе и расположился за соседним столом. Теперь я понимаю, почему Зотгар сказал, что он с «прибабахом». Он похож на меня. Или я на него, какая разница? Я, порой – так же вот, «заговариваюсь», начиная высказывать свои мысли. Так же – не видя ничего вокруг, в это время. И после этого становится грустно. А грусть читалась на его лице. Неявно, призрачным отпечатком – но угадывалась. У всех, иногда, возникает потребность высказаться. И, нередко, по таким «откровениям» – лучше всего узнавать человека. Правда – всё равно, легко ошибиться. А мне ещё учиться и учиться... Я повернулся к компьютеру, нашёл библиотеку и набрал в поиске: «новейшая история».

—///—

– Будто в пустыне течёт.

– А ты там был?

– Нет, только по телевизору видел. У нас, летом – такое же марево можно заметить над асфальтом, не обращал внимания?

Был бы здесь Валерка. Что бы он сказал, что сделал? Ведь точно – придумал бы что-нибудь. Если что-то случается – так всё в кучу. И банальные мелочи – вроде «порезался», или «облился», и «мелочи» посерьёзнее. Даже у Дрона, кажется, что-то произошло. Здесь всегда творилось чёрт знает что. Но

чтобы так, чтобы «невооружённым глазом», видно – ещё не случилось.

– Дрон, ты о чём задумался?

– Ни о чём, просто смотрю.

– А я вот думаю – стоит ли туда подходить?

– Не стоит, пока. Давай, лучше, подождём. Пару дней, хотя бы – понаблюдаем.

Дрон поднял с земли небольшой камешек и бросил его в дерево. Может, мне показалось – но он будто чуть оттолкнулся от ствола. Или от того самого марева, что его окружало.

– Серёга, видел? Он обогнул его!

– Видел. Значит, не показалось.

Я взял камень побольше – и тоже запустил его в эту странную завесу. Камень упал, не долетев.

– Ну, Геракл! Мало каши ел! – засмеялся Дрон.

Я взял ещё один, примерно такой же – и бросил его чуть в сторону, мимо марева. На этот раз он резко изменил направление, как только долетел до невидимой границы – будто снова оттолкнувшись от неё.

– Теперь видел?

– Дела. Может, подойдём ближе? Эта штука, похоже, отталкивает всё. И чем больше это «всё» – тем сильнее оттал-

кивает.

– Что-то не хочется, – я осматривался, ища ещё один подходящий булыжник. – Кто знает, как эта штука себя поведёт?

Дрон меня опередил: нашёл почти целый кирпич, подошёл ближе и бросил. Вопреки ожиданиям – кирпич не оттолкнулся, а притянулся к завесе, упав внутри. Он бледнел и «растекался» по воздуху, окрашивая его – мгновенно смазавшиеся очертания потекли вслед за гуляющим маревом.

– Действительно – непонятно, чего ждать. То отскакивают, то притягиваются. И растворяются, заодно...

Всё произошло за минуту: кирпич, точнее уже то, что «растеклось» – исчезло.

– Всё ещё хочешь туда?

– Ну уж нет, у меня ещё здесь дела остались. Пошли отсюда.

– И у меня – ещё остались. Пойдём.

Черт знает что. Кажется, что хуже некуда – когда не понимаешь, что делать. Оксана снова уехала, нужно искать новую работу – пока совсем не отупел на этой. Но ни к чему нет никакого желания. Мир вокруг, кажется, с ума сходит... А мне – всё больше на него плевать. Если так дальше пойдёт – очень скоро мне останется одна дорога: в дурдом. Нет, надо что-то делать. Может, в Валеркиных записях покопаться? Вряд ли я что-то в них пойму, но вдруг? Полгода назад я чуть

удивился, когда он, «на всякий случай», дал мне копию ключа от своей квартиры. Теперь это уже не кажется таким малообоснованным. Оксана должна приехать через пару дней – дома можно не появляться, надеюсь. Странное чувство: кажется, что она застанет меня врасплох – вернувшись именно тогда, когда её не ожидаешь.

– Дрон, ты куда теперь? Домой?

– Нет. Думаю, я ещё здесь побуду – чуть осматрюсь, всё-таки.

– Ну, тогда до скорого.

– Пока.

До дома Валерки отсюда совсем недалеко, а ключ я постоянно носил с собой – и потому решил отправиться искать хоть какую-то зацепку, объяснение. Правда, совершенно не представляя пока, что и как буду делать...

—///—

Серёга ушёл. Уже совсем стемнело, в городе зажглись фонари, в окнах появился свет. В это время здесь тоже неплохо, спокойно. Хочется остаться на всю ночь, найти бы только где расположится. Сидеть под открытым небом, на голой земле – не самая удачная мысль. На пустыре фонарей нет, спускаться будет не очень удобно, тут нужно как можно аккуратнее... Неохота свернуть себе шею, по пути домой. Не хочу

никуда идти... Я повернулся к нашей, «видимой аномалии». Никакого движения, само дерево едва заметно. Но, спутать его – всё равно, невозможно. Я подошёл ближе. Кора внизу чуть блестела: изредка, в разных местах, на ней вспыхивали маленькие, совсем слабые, но заметные огоньки. Я присел и обшарил землю вокруг себя – не найдя ничего, кроме мелких камешков. Что ж, за неимением другого – и это сойдёт. Сразу несколько камней полетело в темноту – я бросил их, не вставая, рефлекторно прищурившись, будто это могло чем-то помочь. Чуть ярче вспыхнули, и сразу погасли, несколько огоньков. Но почему я не слышал никакого звука? Просто не заметил? Это вряд ли. Или камешки не отскочили, а растворились, как тот кирпич? В это я скорее поверю, сейчас. И всё же, хватит испытывать – пора домой. Я поднялся с земли и пошел вниз. Почти уже спустившись – все-таки запнулся и чуть не растянулся на земле. Чертыхнувшись, я повернул домой – собираясь пройти хорошо уже знакомой дорогой, минуя автобусную остановку. Всегда удивлялся людям, которым некуда спешить, да и здоровье вполне позволяет – ленившись пройти и полкилометра. А пройти три, как здесь – для них вообще немыслимо. Паршиво на душе... Я шел медленно, растягивая шаги, иногда останавливаясь и бесцельно оглядываясь – то по сторонам, то шаря глазами по небу, будто пытался найти что-то важное. Странная смесь тревоги и умиротворения... Вроде бы, всё хорошо – но это и настораживает. Меня окликнули, я обернулся. Их было двое – Чёр-

ный, и ещё какой-то хмырь. Странно, что только двое.

– Привет, Бес.

– Чего тебе надобно, Чёрный? – спокойно, даже вяло сказал я, готовясь к не самому лучшему развитию событий.

– Нашлась золотая рыбка! Всё как маленький: в сказки веришь; пакостишь, по-мелкому.

– Не тебе решать, что мне делать и во что верить.

– Отойдём? Поговорить надо.

– Говори, не задерживаю.

– Чёпонтуешься? Поговорить уже запаadlo?

Я шагнул к вперед, второй отвёл руку за спину – явно, собираясь что-то достать.

– Ты – пададь! С тобой не о чем говорить.

Ударили сзади, кажется, пивной бутылкой. Не зря я ожидал какой-нибудь подлянки. К их, да и к своему большому удивлению, это никак не повлияло на меня, вернее – только разозлило. Я обернулся, схватил нападавшего за куртку, развернулся и швырнул на Чёрного с другим хмырём – тот уже успел достать нож, но, не успев его убрать, продырявил своего подельничка. Отскочив назад, Чёрный чуть не грохнулся о стену дома. Похоже, к такому никто не был готов – у всех округлились глаза. «Знакомый» Чёрного побелел, и еле держал нож.

– Пашка, ты же говорил – всё чисто будет!

– Заткнись!

– Я сваливаю!

Выбросив нож, второй поделщик пустился наутёк.

– Ты кем себя возомнил, козёл?

– Чеши отсюда, гнида. Вон, как твой дружок делает – пока я тебя самого не насадил.

Хотев было схватить выброшенный нож, Черный отвёл глаза чуть в сторону – и сразу получил ногой в пах.

– Ничему ты, гнида, не учишься, – сказал я, от всей души добавив ему под дых, Черный упал на колени. – У тебя есть сестра?

– Какая сестра?

Я пнул его ещё раз.

– Есть или нет?

– Есть.

– Как зовут?

– Оксана.

– Так вот, падаль: узнаю, что ты ей, как-нибудь, чем-нибудь мешаешь – в конце инвалидом сделаю!

– Тебе какое до неё дело?

– Добавить? Я сегодня добрый, могу.

– Нет.

– Понял?

– Понял.

Последним ударом я отправил Чёрного в «отключку». Конечно, ты ничего не понял, но на какое-то время затихнешь. Я подошёл к раненому, коснулся шеи. Пульса не чувствовалось, а крови уже натекло порядком. Похоже, что этот «раненый» – уже стал мёртвым, «скорая» тут не поможет. В печень он ему попал, что ли? Знает Чёрный тёмные подворотни, где никто ничего не увидит и не услышит. Теперь это на руку не только ему. Но, всё равно, надо уходить – чем быстрее, тем лучше. Нашли бы тебя раньше, чем очнёшься – встретились бы тогда, наверное, не скоро. Осторожно обойдя лужу крови, я быстро пошёл прочь.

—///—

Компьютер почти мгновенно выдал результат, ссылок оказалось на удивление мало: Начало кризиса; Образование «ГРИД»; Появление повстанцев. Я посмотрел на дату возле первой ссылки: 02.10.2844. А сейчас... Благо, часы и календарь остались на привычном месте – когда я навёл курсор, появилась знакомая подсказка-хинт. Снова невольно подумалось: «всё слишком похоже» – это и радует, и начинает тревожить. Однако наименование месяца было другим, и весьма странным. Дата выглядела так: 23 Век 2853. Получается, что «Век» – это название месяца? Я запустил кален-

дарь, чтобы посмотреть другие наименования. Он, Ток, Тол, Мор, Мет... Как можно было давать месяцам такие имена? И как в них не запутаться? Всего я насчитал тринадцать месяцев, «Век» – оказался последним в году, «Он» – первым. В каждом месяце было по двадцать восемь дней, только в последнем – двадцать девять. Значит, всего в году... Триста шестьдесят пять дней. Я уже ожидал чего-либо подобного. Ещё одна нераспознанная закономерность, которую воспринимаешь как совпадение. Хорошо, что я наткнулся на неё сейчас – ведь и в голову даже не приходило, что можно считать иначе. А ведь система отсчёта – и правда, может быть совершенно другой. Теперь кажется понятным, почему названия месяцев показались мне странными – я привык, что в году двенадцать месяцев. Здесь все слова звучат странно, если вслушаться. Но этого не замечаешь, потому что слово – только ярлык к чему-либо. Произнося что-то – ты вспоминаешь не столько само слово, сколько образ-шаблон того, что оно обозначает. А вот если видишь то, чего ты ещё не знаешь – начинаются нестыковки. Ведь когда я смотрел названия, мне сразу показалось, что месяц «Он» – это январь, «Ток» – февраль, и так далее. Только вот начал я с неизвестного, потому и другие показались странными. Одна маленькая ошибка, маленькое непонимание – и пожалуйста, вся система даёт сбой. Так, а что у них со временем? Я посмотрел на свои часы: четыре минуты второго. А здесь... Десять часов, семьдесят восемь минут. Значит – часы здесь тоже считают по-дру-

гому. Я снова начал «прощёлкивать» цифры. Выяснилось, что в сутках двадцать пять часов, в часу сто минут, в минуте – тридцать пять секунд. А вот секунда... Я снова посмотрел на свои часы, одновременно наблюдая за часами на компьютере. Секунда, кажется, длится столько же – невозможно сказать точнее. Хотя, не удивительно, если окажется, что она будет такой же. Ну, с этим разобрались – мелочь вроде, а необходимая. Посмотрим, что там дальше. Начало кризиса, истощение, острая нехватка энергоресурсов, остановка промышленности, безработица, рост преступности... Предсказуемо и банально. Новый порядок, образование «ГРИД». Это должно быть поинтереснее. Основатели: радикально настроенная группа учёных, при поддержке множества студентов самых разных учебных заведений, в основном технических. А вот такое предугадать сложно. Я скорее поверил бы, что власть взяла какая-нибудь секта – введя «новую идеологию». Или, кто-нибудь из «сильных мира сего» – тот, который быстрее сориентировался в ситуации. Впрочем, без «сильных» – тут вряд ли обошлось. Либо у этих учёных на руках был, ну просто огромный, козырь. Новые источники энергии? Этого всё равно мало, их бы разорвали. Должно быть что-то ещё. Диктатура, начало чистки, выбраковочные комиссии... Да, ё!... Свет погас, компьютер отключился, вокруг повисла непроглядная тьма. И что теперь? Через пару секунд вокруг стали загораться аварийные огни – весь зал они не осветили, но хоть что-то стало видно. Люди доставали фонарики – значит,

были готовы к такому, в отличие от меня. Зашёл Зак.

– Так, ребята, это на пару часов – можно не ждать, расхотиться.

Все начали вставать со своих мест и уходить, я подошёл к Заку.

– У вас так часто?

– Нет, только последние две недели. Генератор барахлит, а новый я пока не рискую пускать в полную мощь.

– Это опасно?

– Если бы я знал точно. Есть вероятность, что пойдёт вразнос, и пока не разберусь, как управлять процессом – будем выжимать всё, что можно, из старого.

– Зак, как я понял, ты здесь не последний человек...

– Хочешь что-то спросить? Учти, не стану объяснять тебе то, что ты сам можешь найти в библиотеке.

– Конечно. Хотя, я мало что успел найти. Зак, ты не последний человек здесь. Мне показалось, что ты здесь главный. А это, как я понял, что-то вроде убежища повстанцев. Но...

– Кто-то пришёл, потом поговорим. Если хочешь – пойдём со мной.

Мы вышли, Зак что-то переключил на своём фонаре, стало заметно светлее – так, что можно было бы прочесть книгу, не напрягая глаза. Что за лампа в нём?

– Здорово. А мне дадут фонарь?

– Дадут, если будет нужно. Только такой же, а как у всех

– так светить не сможешь.

– Как ты узнал, что кто-то пришёл?

– Я это чувствую. Потом поговорим.

Место, из которого я, Зак и Зот пришли сюда, мы миновали, Зак свернул в незнакомый мне коридор.

– Парень, ты не обижайся, я и сам хочу с тобой поговорить, но сейчас мне нужно сосредоточиться.

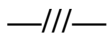
Обижаться я и не думал – потом так потом, какой смысл допытываться? Но такое заявление меня несколько удивило, успокоило, и, в то же время, чуть насторожило – как-то странно оно звучало.

– На что тут обижаться?

Зак только улыбнулся – то ли одобряюще, то ли с насмешкой. Мы прошли ещё несколько коридоров и один зал. Интересно, насколько большой у них бункер? Кажется, прошли уже не меньше километра.

– Почти пришли.

Он ещё и мысли читает? Но мы действительно пришли на место. Зак убавил силы своего фонаря и открыл какой-то люк-дверь. Оттуда ударил еще один такой же луч, зашел че-

Уже смеркалось. Всю дорогу я гадал, что меня ожидает, и только заходя в подъезд, отвлёкся – появилось странное желание повернуть обратно, вернуться домой. Прислушиваться к своим чувствам давно вошло в привычку: невольно забеспокоившись, я подумал об Оксане. Но уходить мне тоже не хотелось – почему-то я был уверен, что обязательно найду здесь то, что мне очень поможет. Быстро поднимаясь по лестнице – никогда не любил лифты – я отгонял лишние мысли, пытаюсь собраться и наметить план поисков. В голову ничего не шло. Я бежал, прыгал через несколько ступенек, перестав о чём-либо думать, только считая этажи. Восьмой, девятый, десятый... Вот и всё. Не зря врачи рекомендуют не пользоваться лифтами – это укрепляет не только сердечно-сосудистую систему, но ещё и успокаивает. Я мысленно усмехнулся. Шутки шутками, а всё же не нравится мне это. Напряжённость не ушла, только притупилась. Ненавижу такие состояния – когда паршиво на душе и не знаешь, что делать. Да и вряд ли кто-то их любит. Вот только, у меня это подкрепляется тем, что почти всегда это не просто так. Всегда происходит что-то... Кхм... Малоприятное. Странно ещё и то, что едва я закрыл дверь – моё беспокойство ушло, уступив место чёткому пониманию, с чего же мне начать.

Я пошёл к компьютеру. Как всегда, системный блок был открыт с одной стороны. Вот интересно, Валерка действительно так часто меняет начинку своего компьютера, или просто лень закрыть? Я вдавил кнопку и сел. Компьютер молчал. Чёрт, совсем забыл: у него тут система, посложнее моей. Нагнувшись и заглянув под стол, я щёлкнул выключателем «фильтра» (который, на самом деле, только удлинитель, с блоком розеток), включил «бесперебойник» и снова нажал на кнопку включения ПК. Зашумели вентиляторы, через пару секунд по экрану побежали строки. Вот, теперь всё как надо. Почти... У него ведь, наверняка, пароль. Такая уж натура – хоть и работает здесь только он один. Точно, пароль. Как же теперь..? Если уж он дал мне ключ, то может и пароль оставил? Под клавиатурой лежал листок, с обратной стороны которого было написано «Мышь». Пароль? Попробуем. Не подходит. Штирлиц, блин – зашифровался! Набрал мнимый «пароль» ещё несколько раз: в другой раскладке; на транслите; и, заодно, английский вариант «Mouse» – я окончательно убедился, что «пароль» не подходит. Так... Что дальше? Пальцы сами начали барабанить по столу. А если... Я перевернул компьютерную мышь. Ничего. Что тут ещё придумать? Я набрал серийный номер мыши. Есть, пошло! Да, это похоже на Валерку – любит он давать такие вот, маленькие задачки. Не ахти какая, конечно, а, всё-таки – защита, от идиотов. Так, что у нас здесь... Рабочий стол почти пустой, в «Моих документах» нашлось несколько папок со странными

названиями, которые состояли из двух-трёх букв, неизвестно что обозначавших. Придётся проверять все. Впрочем, я и не надеялся, что будет легко разобраться. «Выдохнув», я открыл первую папку.

—///—

– Зот, почему ты вернулся?

– Пришлось. Зак, ты ведь знаешь, что нас давно обнаружили – так почему мы до сих пор здесь?

– У нас нет необходимости уходить.

– Да с чего ты взял это?! Думаешь, Гридам нужны твои работы?

– Гридам спокойнее, когда мы на виду.

– Но так не может продолжаться бесконечно!

– И не нужно. Они думают взять нас, когда я почти завершу работу, хотят закончить сами. Уверен, что им даже не получится запустить генератор. Для надёжности, я подкидывал им ложную информацию – чтобы убедить в обратном.

– А корабль? Это ты устроил?

– Я. Намеренно грубо, чтобы сильнее расшевелить.

– Ты убрал одного из пилотов и встал на его место?

– Да.

– И ты знал, что я буду там?

– Да. И знал, что, скорее всего, ты пойдёшь через западный разлом.

– Иногда мне хочется тебя придушить.

– Это я тоже знаю. Извини, что без уведомления сделал тебя разведчиком. Я был уверен, что ты уйдёшь оттуда невредимым. А вот знай ты наверняка – не пошёл бы той дорогой.

– Конечно. У тебя что, разведчиков нет?

– Есть. Только ты, мне кажется, закис. Вот и подбросил тебе чуток адреналина.

– Был бы там адреналин... Я, и правда, закис. Но, всё равно – придушу когда-нибудь тебя, за такие шуточки!

– Успокойся. Ты прекрасно знаешь, что я ничего не делаю просто так, даже шуток. А моим ребятам у тебя ещё поучиться. Поговори с Трэшком – думаю, у него к тебе найдутся вопросы.

– Сейчас мне больше хотелось бы задать пару вопросов тебе. Да только – всё равно не ответишь.

– Отвечу. Позже...

– Вот и я про то. Пойдем, Трэшк – расскажу тебе пару баек.

—///—

До дома я дошёл спокойно – если конечно не считать взвинченного состояния. Что тут делать? Спать – всё равно, не буду. И не столько из-за недавно произошедшего. Какая-то тревога за мать, беспокойно... Может, в больницу? Дежурит же там кто-то. Я зашёл на кухню, налил в кружку

обычной воды и достал бутерброд из холодильника. Не знаю, что такое – но так мне будет спокойнее. Даже если всю ночь прохожу под окнами... Уже на подходе к больнице – предательски захотелось спать. Вот чёрт... Охранник курил на крыльце, когда я подошел ближе и попал под свет фонаря – он меня узнал.

– Бестужев? Тебе чего?

– Пусти.

– Зачем?

– Мне так спокойнее.

– Спокойнее ему, о чём только раньше думал... – тихо сказал он. – Не о чем тебе беспокоится.

Он пробормотал что-то ещё, – я не слышал, что именно. Кажется, сказал «Уже». Спать хотелось чуть меньше – но мир вокруг, все равно, терял «чёткость». Стало труднее соображать, мне снова захотелось курить. Охранник выпустил дым от последней затяжки, выбросил окурочок, посмотрел на меня и сказал:

– Ладно, пойдём.

Перед входом в отделение, в холле, стояла пара небольших диванчиков – я сел на один и закрыл глаза. Странно, час назад я думал, что этой ночью мне не уснуть, а теперь... Казалось, я уже сливаюсь с диваном и перестаю чувствовать

всё вокруг, остается только «мягкая» тяжесть, которая медленно обволакивает тебя всего, даёт странное чувство покоя и силы. Кажется, появляется шум, даже голоса...

– Дроша...

Не люблю эту форму своего имени, никто меня так не называет. Разве что...

– Мама!

Я попытался открыть глаза, но ничего не получилось.

– Дроша, всё хорошо. Не мсти никому, не делай это самоцелью.

– Я не вижу других целей.

– А ты и не можешь их увидеть, ведь ты ищешь вокруг.

Но ничего не даётся просто так, даже цель.

– Мама, я не понимаю.

– Ты слеп. Ты не умеешь, не хочешь видеть.

– Хочу.

– Зачем?

– Я хочу увидеть тебя.

– Ты меня слышишь, ты помнишь, какая я – и можешь представить.

– Но...

– Ты не веришь, что это я?

О таком я не подумал – ведь сразу был уверен, что передо мной мать! В душу начали закрадываться сомнения, от ко-

торых стало не по себе. Я не верил! Точнее понял, что уже не могу быть уверенным. Я попытался представить мать – вот она, передо мной, улыбается. Это получилось удивительно ярко, будто я уже открыл глаза. Только что-то, всё равно, мешало... «Я хочу знать, кто передо мной!»: эта мысль взорвалась в голове. Я дёрнулся и открыл глаза. Уже светлело. Я тряхнул головой и, потягиваясь, встал. Никогда ещё я не видел таких ярких снов. Солнце ещё едва показалось, я подошёл к окну. Как давно я не встречал рассвет? Вспомнилось почти забытое чувство – не знаю, как его назвать. Хочется сказать: «волшебства». Но это другое. Будто весь мир твой и ты можешь всё, принимаешь это как само собой разумеющуюся вещь – неотъемлемую, неотделимую от тебя. А ведь это похоже на то, что испытывал совсем недавно. Только тогда я не понимал, что происходит. А теперь – всё кажется, даже слишком, ясным.

– Всё нам лишь кажется.

Я вздрогнул и резко развернулся, сознание снова «поплыло». Мама сидела напротив меня и улыбалась – точно так, как я себе и представлял. Больной она не выглядела, да, что там – я даже не помню, когда в последний раз видел её такой.

– Мама?!

– А кого ты хотел увидеть?

– Тебя... То есть, я просто хотел увидеть.

- Ты так ничего и не понял.
- Что я должен был понять?
- То, что должен. Мне этого тебе не объяснить.
- Мама, что происходит?

Мать вздохнула, и, показалось, миг постарела – но тут же стала прежней.

– Какой же ты ещё... Маленький. Всё хватаешься за мамин подол, попав в непонятную ситуацию. А ведь я не тому тебя учила.

– Нет...

– Вот-вот. Почему нет? Чего боишься?

– Не могу поверить. Представить не могу.

– Так чего боишься? Здесь хорошо, не беспокойся. Мне, по крайней мере – лучше, чем там. Только тебя, дурака, жаль. Но, как же иначе? Всему своя мера и время.

– Я не могу поверить... Почему это всё так похоже на правду?

Мать посмотрела с укором, во взгляде читалась грусть...

– Ты поймёшь, со временем. Надеюсь. Сейчас – мне нечего тебе сказать. Разве что... Думай своей головой, живи по совести, ты ведь не злой...

В глазах потемнело.

Найти что-то у Валерки на компьютере оказалось проще, чем понять, что же именно это значит. В конце концов, я нашёл ту самую программу, которая, как выразился Валерка, «изменяет твоё восприятие». Похоже, что программка эта была сразу в нескольких версиях – для обычного компьютера и для КПК, я не сразу разобрался, какая мне нужна. Наконец найдя и радостно (будто добился чего-то невероятного!) запустив «экзешник», я убедился, что это она. «Радость победы» быстро сменилась разочарованием и недоумением: я честно старался заметить хоть какие-то изменения в своём восприятии – но не замечал. Может, не та? Или какая-нибудь «сырая версия»? А эта – вообще ни на что не влияет? Хорошо, что предусмотрительный Валерка оставил ещё кучу картинок, аудио и видеофайлов. С этим лучше покопаться дома – решил я, копируя на флэшку всё, что успел найти, в чём ещё мог разобраться. Выйдя из квартиры, я надел наушники и включил один из скопированных треков. Звук почти не отличался от того, что я слышал до этого на компьютере, но, странное дело – казалось, что что-то, действительно, поменялось. Всё вокруг стало чуть другим. Подействовало? Но ведь, воспринимать мир несколько иначе начинаешь, даже если слушаешь обычную музыку... Когда я подходил к подъездной двери, воображение услужливо подкинуло картину другого мира – того, что сейчас мог бы за ней оказаться.

«Дурак ты, Серый» – усмехнулся я сам себе и толкнул дверь.

Оксана уже вернулась – ещё не успев войти, я почувствовал запах ароматизированного чая из «пакетика». И как ей может такое нравится? – в который раз, подумал я и перешагнул порог.

– Оксана, ты давно пришла?

Оксана не ответила, и моё недавнее беспокойство снова дало о себе знать. Нет, я был уверен, что на кухне (а, где же ещё?) именно она, но... Я снова поймал себя на том, что начал беспокоиться по любым мелочам, которые связаны с ней. Оксана стояла с кружкой чая и смотрела в окно, казалось, не замечая ничего вокруг. Конечно, только казалось – она прекрасно все слышала. Да и видела: из окна кухни – двор как на ладони. А уж у неё «телевизор из-под носа унести», вряд ли возможно – в отличие, от меня. Я положил руку ей на плечо – она всё так же стояла, будто не замечая ничего.

– Минут пятнадцать назад, – сказала Оксана, через секунду повернувшись ко мне и поставив кружку на стол. – Кто-то «поговорил» с Пашей?

– Нет... То есть, мы только собирались. А что?

– Он только что собрал вещи и ушёл.

– То есть, как ушёл? Откуда?

– Он жил у меня.

– Но ты же... Где ты была всё это время?!

– У себя, в паре кварталов отсюда.

– То есть, ты жила совсем рядом – а я даже не подозревал?! Вот придурок – думал, что ты в другом городе! Оксана, зачем?

– Что зачем?

– Зачем это всё?! Ты уезжаешь неизвестно куда, а, как оказалось, вообще никуда; скрываешь всё это; а этот чёрт – ещё и живёт у тебя!! Зачем? Для чего?

– Он мой брат!

– Да слышал я уже! Никогда не пойму, почему ты так к нему относишься. Родню не выбирают? Да таких уничтожить надо, в зародыше!

Оксана молчала, я снова обнял её.

– Ну, прости, Оксана... Прости, не хотел.

– Я не знаю, почему так к нему отношусь, – снова, чуть задумчиво, сказала она. – Мама его любила. И жалела... Кажется, больше чем меня. И я как она. Парадокс. Так вот, получилось.

– Не сердись?

– На что? Всё правильно. Всё правильно... Хоть и не хочу, чтобы так было.

– Но кто мешает? Сделай по-другому, не так, как всегда.

– От себя не уйдёшь – натура всё равно возьмёт своё. Даже если и начнёшь поступать по-другому.

– А если попробовать?

– Может быть... Стоит ли?

– Стоит.

– Не хочу.

– А может – просто боишься?

– Боюсь. Это буду уже не я.

– По-моему – ты, как раз, боишься чего-то в себе.

– Нашёлся Фрейд...

– Фрейд слишком однобоко обо всём судил.

– Конечно, а ты, значит – нет? Абсолютно беспристрастен?

– Каждый из нас видит только часть чего-то и не может увидеть всего целиком, я хотя бы пытаюсь расширить границы. Только вот, ты очень мало говоришь, чтобы я мог составить более полное впечатление.

– Забавный ты. Всегда удивлялась, как в тебе уживаются твоё мрачное видение мира, прагматизм, и, в то же время, какой-то детский оптимизм. Ты постоянно пытаешься показать, что тебе всё равно, но я ведь знаю, что это не так. Тебе не всё равно, и даже больше, чем другим.

– Оксана, ты так хорошо заглядываешь в чужие души – но боишься посмотреть на саму себя. Может...

– Никуда я не заглядываю! Я вообще – ничего не вижу и ничерта не понимаю в людях.

– Потому и не понимаешь.

– Хватит!

– Как хочешь.

– Почему ты со мной всегда соглашаешься?

– Потому что я хочу тебе верить. Знаешь, для меня это очень многое значит.

– Знаю... Но вот – почему?

– Потому что. Так мало людей, кому можно это сказать.

Неужели одного желания мало?

– Нет. Это...

Оксана повернулась ко мне, обняв и посмотрев в глаза.

– Всё будет хорошо, успокойся.

Я крепче прижал её к себе, судорожно пытаюсь понять и предугадать, что случится завтра.

—///—

– Ну, и что бы ты хотел услышать?

– У тебя много баек?

– У кого их нет? Хотя – у меня больше грустных историй, не люблю выдуманные.

– Как ты познакомился с Заком?

– Мы знакомы с детства, росли в одном дворе.

– Зачем ты меня сюда привёл?

– С чего ты взял, что я скажу тебе правду?

– Мало ли? Я никак не могу понять, что происходит вокруг.

– У тебя копались в голове? Ты впервые попался?

– Первый раз. То есть, я так думаю. Ты говоришь, что Гриды могут копаться в голове. Если так, то получается – я не могу доверять сам себе? Они могут манипулировать воспоминаниями?

– Думаю могут, точно не знаю. Почему я привёл тебя сюда? Скажу только: ты меня кое-чем заинтересовал, а у Зака – прямо-таки, звериное чутьё на людей. Я никогда не понимал его до конца, но, очень может быть, что он тебе всё расскажет.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что ты ещё жив.

– Да... Это радует. Так что происходит?

– Для меня – война. А всё, что видишь вокруг... Апофеоз человеческой глупости. Даже не так, это – его последствия.

– Ты можешь рассказать поподробнее? Что произошло?

– Ты ведь был в библиотеке.

– Я мало успел узнать.

– Сотню лет назад всё это показалось бы фантазией какого-нибудь кинорежиссёра. Или сценарием компьютерной игры – такие темы тогда были популярны. Кризис, смена власти, тотальный контроль.

– А повстанцы?

– Какие повстанцы? Мы, что ли? Только официальная власть называет нас повстанцами. Мы всего лишь пытаемся жить, не подчиняясь их режиму – но вовсе не пытаемся с

ним бороться.

– А если бы могли?

– Бороться можно всегда. Не в лоб – так диверсиями. Мы не делаем ничего такого, зачем? Жизнь в городе – вовсе не так ужасна. Думаю, многим она нравится. Большинству – достаточно свободы, так зачем что-то менять? Спасибо тебе за это не скажут, скорее наоборот. Да, там царит тотальный контроль, но, по большому счёту, люди не заслуживают иной власти. Можно сказать, что Гриды создали почти идеальное общество. Хоть и не представляю, сколько оно сможет продержаться. Пока – промывка мозгов делает своё дело. Но, рано или поздно – система даст сбой, начнётся новая перестройка. Какой будет её исход – мне гадать не очень хочется, вот так.

– Ты говоришь, что вы не касаетесь их жизни, но как тогда вы живёте? Где берёте продовольствие?

– Продовольствие – не проблема, мы можем существовать автономно. Ты понял, где ты?

– Не совсем. Это похоже на катакомбы, или бомбоубежище.

– Почти. Только, маленькая поправка – это целый город. Это сеть, как ты выразился, «бомбоубежищ», которая вмещает в себя очень и очень многое, ты видел лишь малую часть. Для чего это всё построили, тебе, думаю, объяснить не надо.

– Да, вряд ли только из-за научного интереса можно сде-

лать подземный город... Непонятно, почему Гриды не взяли его под контроль? Этот город хоть когда-нибудь использовали по его первоначальному назначению?

– Не понадобилось. А вот, почему Гриды не взяли его под контроль – для меня самого, загадка. Часто я думаю, что, на самом деле – они его контролируют. Просто сейчас – у них нет надобности в нём. А мы поддерживаем его в приличном состоянии, им это выгодно. Но я всё равно не понимаю спокойствия Зака – ведь так не может продолжаться вечно.

– Наверное, он знает то, чего не знаем мы?

– Не «наверное». Он, точно знает больше. Думаю даже – больше, чем я могу представить.

– Эй, заговорщики, о чем толкуете?

Я вздрогнул – так неожиданно появился Зак. Как он сумел подойти настолько тихо?

– О мировом порядке.

– А, тема, которая никогда себя не исчерпает. Пошли, орлы – будем генератор подключать.

– Мне тоже можно там быть?

– Нужно. А о мировом порядке – ещё успеете поболтать.

—///—

Снова накатило то же странное чувство – будто тебя оку-

нули в густой-густой кисель. Только сейчас этот кисель разбавляли... Тяжесть начала уходить, я открыл глаза. Вокруг, кажется, ничего не изменилось – тот же рассвет за окном, только... Как-то всё это, более обыденно, что ли. С улицы зашёл охранник.

– А, Бесстужев, проснулся? Знаешь, где морг?

– Дарья Бесстужева умерла?

– Откуда знаешь?

– Зачем тогда спрашивать?

– Как-то спокойно ты к этому отнёсся...

– Сон видел, только что.

– Мать снилась?

– Да. Много интересного сказала.

– Надо же... Знаешь, куда идти?

– Знаю.

– Тогда беги.

– Счастливо.

Я знал дорогу, но быстро раздумал идти. Я не любил мыслей о смысле жизни – из-за них путаешь сам себя и раскисаешь. Снова меня начал доставать вопрос, который я недолюбливал: «зачем?». Я часто так спрашивал, сам себя – и постоянно отмахивался. Зачем? Казалось бы, такой простой и невинный вопрос, но на него нет ответа. Для кого-то он становится смыслом жизни, кого-то сведет с ума, кого-то – в могилу. По мне – так он того не стоит. Но я так и не научил-

ся, не задавать его себе. Может, к лучшему? Способность «спрашивать у себя», и, хоть в малой мере, оценивать свои поступки – то немногое, что отличает нас от зверья. Нда... Зачем. Вместе со смертью матери, что-то умерло во мне самом. Умерло, или переродилось. Ещё совсем недавно – я хотел отомстить всему миру, неважно, как. Теперь мне напрявать. Нет, даже чуть жалко этот мирок. Нет смысла. Остались только три вопроса: «Зачем?»; «Почему?»; и ещё – «стоит ли на них отвечать?».

—///—

– Это генератор?

– А ты ожидал увидеть что-нибудь другое? – улыбаясь, даже, кажется, чуть смеясь, ответил Зак. – Что-то, что занимает половину комнаты?

– Да... Но он ведь... От него же должно запитываться все? Он может обеспечить всех энергией?

– Всех не может, а вот нас – вполне. Ещё останется.

Генератор был не больше системного блока компьютера, в голове не укладывалось, как такое возможно.

– Такой маленький. Как его подключить? И для чего нужны мы?

Зот заговорил, после долгого молчания:

– Ему нужна публика.

– У вас будет почётная миссия: дёрнуть рубильник, если потребуется. Так что – вы мне нужны для подстраховки.

– Может, скажешь ещё, что ты не ждал, не представлял этот момент?

– Ты, в какой-то мере, прав, но, Зот – если я рискую, то оправданно. А подстраховка сейчас нужна.

Зак подошёл к генератору, тут же над ним возникло слабое свечение. Секунду спустя я понял, что это светилась панель управления. Может, это вовсе не генератор?

– Конечно, это не сам генератор, – не оборачиваясь, произнёс Зак. – Это только «рубильник», главная панель запуска. Естественно, всё будет управляться с пульта, из другого места. Зот, сейчас мы пойдём в комнату управления, одному мне не справиться. Помнишь о правилах распределения сил? Помнишь наши опыты?

– Их забудешь... Только я думал, в тех правилах, которые ты вывел – была ошибка.

– В правилах – ошибки не было, я много раз проверял и пересчитывал. Ошибку тогда совершил я – нарушив их и попытавшись ускорить процесс.

– Проверял и пересчитывал? Но не на практике ведь проверял!

– Вот, теперь и попрактикуем. Давно пора, так?

– Черт, я тебя придушу, если только останусь живым.

Зотгар пошёл к выходу, но он не выглядел злым. Он улыбался, в глазах загорелся огонь. Вот интересно, как мы замечаем это? Холодный взгляд и огонь в глазах? Ведь, казалось бы – ничего не меняется?

– Зот, не торопись – мне нужно ещё пару минут.

– Я подожду тебя там.

– Вот ведь, упрямый. Впрочем, тут нечему удивляться, он всегда был таким. Только потому и не пустил себе пулю в лоб.

– Были поводы?

– Поводы... Глупейшая отговорка. Повод может быть любой, всё зависит от человека. На моей памяти – многие накладывали на себя руки в менее плачевных ситуациях, чем в тех, которые пережил он.

– Вы скоро там?

– Уже идём, Зот, – Зак повернулся ко мне. – Так и думал: просидел всё это время на диванчике в коридоре, не пошёл в комнату управления, – Зак набрал очередную комбинацию. – А мог бы открыть замок за полминуты. Лучшего взломщика – трудно найти.

– Но зачем это ему?

– Он сейчас – злой на меня. А «дело», как он сам говорит, успокаивает. Всё, пойдём, здесь я закончил.

Мы вышли, Зак закрыл дверь, повернул что-то, набрал

код на клавиатуре рядом, достал из кармана тот самый «пейджер» и нажал кнопку.

– Надеюсь, мне не скоро придётся снова сюда зайти.

—///—

А ведь мы так редко просыпаемся вместе... Минут десять – я просто лежал, иногда открывая глаза. Оксана зашевелилась: уже проснулась, но ей, явно – ещё не хотелось вставать.

– Чаю хочешь?

– Молока. Так, как ты делал.

– Сейчас будет, – я «зарылся» носом в её волосы. Этот запах... Что в нём особенного? Не знаю. Мне кажется, что узнал бы его даже из сотен других. – Жди.

– Жди, – Оксана слабо засмеялась. – Ты боишься, что я уйду?

– Немного. Ты ведь можешь, я знаю.

– Не сейчас. И не сегодня, – Оксана «потянулась» и снова поджала ноги, свернувшись клубком. – Неси уже.

– Уже.

Придя на кухню, я вспомнил, что молоко закончилось ещё позавчера. Где-то здесь было сухое... Ага, вот оно. Закрыв микроволновку и устанавливая время, я вспомнил обрывок... Сна? Я редко помню сны – за исключением недавних. Кажется, этот я уже видел. Звякнул таймер, я достал

уже горячий чай, поднёс к губам, проверив температуру. В самый раз: ещё не кипяток, уже не «помои» (так презрительно Оксана называла любое питьё, которое ей не нравилось – в том числе и «остывший», на её вкус, чай). Бросив в чашку кусочек сахара, я вышел из кухни, аккуратно неся кружку. Оксана сидела, положив голову на колени.

– Готово!

– О, давай, – она отхлебнула. – Спасибо, Серёжа.

– Ну что ты, как не родная..?

– Так мы ведь – не родня.

– Да-да. Знаешь ведь, о чём я.

– Ты опять говорил во сне. Правда недолго, негромко и неясно. Помнишь, что снилось?

Неожиданно, я вспомнил. Не всё – зато ясно, не «размыто».

– Глаза. Помнишь, я рассказывал? Это обычные двери. То есть, не совсем обычные. Теперь кажется, что за ними что-то важное.

– Это всё? Больше ничего не помнишь?

– Ничего.

– Жаль. Я надеялась – расскажешь что-то интересное.

– Вчера, у Валеры – я нашел ту самую программу, воздействующую на сознание. А может, и на подсознание... Смотрел, слушал, пытался понять, как она работает.

– Подсознание? Ты хочешь сказать, что видел сон из-за

этого?

- Думаю, очень может быть.
- Дай посмотреть!
- Сейчас, только компьютер включу.

Так, а куда я дел мобильник? Вот чёрт... – думал я, обшаривая карманы висевших на стуле джинсов. – В куртке, что ли? Я побежал в коридор – и вернулся оттуда с озадаченным видом.

- Ты что, телефон ищешь?
- Его-его. Не пойму, куда дел.
- Посмотри под кроватью.
- А ты откуда знаешь?
- Да ты вчера полчаса с ним, в наушниках сидел. Потом – быстро всё отключил, сам на боковую, а телефон под кровать закинул.
- Оксана, ты меня пугаешь.
- Я-то тут причём?
- Да ни при чём, конечно – просто, я ничего не помню.

Совсем.

- Видимо, программа Валерия Петровича работает.
- Оксана, за что ты его не любишь?
- А за что мне его любить?
- Ты же знаешь, о чём я.
- И ты знаешь, что я отвечу. Часто я не могу сказать, почему мне нравится или не нравится человек, потому что не

могу точно оценивать. Никто из нас не ангел, никто не демон – нет идеальных людей, всё в нас намешано. Потому и сложно оценить однозначно. А разбивать людей на черты и составляющие, рассматривая каждую по отдельности – не считаю правильным и нужным.

– По-моему, у тебя сложилось неверное мнение о нём.

– Может быть. Каждый может ошибаться.

– Каждый может... Да, ты права. И всё-таки?

– Серёжа, не будь ты таким занудой. Если я начну сейчас разбирать всё по полочкам – дня не хватит. И тебе, кстати – тоже достанется. А Валерка... Он чересчур фанатичен, иногда.

– А говоришь – не знаешь.

– Серёга, отвяжись – а то в глаз дам. Кстати, ты сам мне говорил – никакое слово, никакой ярлык не опишет человека.

– Да, правда... Извини, Оксана. Бывает... Люблю я, иногда – мозг выносить.

Оксана засмеялась.

– Вот, только не надо ещё и этого! У тебя компьютер уже давно загрузился – пойдём смотреть.

—///—

Мама... Я помню, как ты говорила, что не хочешь лежать

и гнить в земле, помню, как запрещала грустить по себе, если умрёшь. Я отмахивался. Да и кому понравятся такие разговоры? Тем более, когда речь о самом близком человеке. Казалось бы, теперь всё должно поменяться – а я, всё так же, отмахиваюсь от этой мысли. Будто это не я вспоминаю – а мама сама, снова мне всё это говорит, ещё живая. Живая. Сложно принять то, что здесь тебя больше нет. Ты живая. Может не здесь, но ты ещё живёшь! И не только в моей памяти.

В кармане задрожал телефон – схватив трубку, я, наконец, отвлёкся – звонил Серёга.

– Дрон, привет! Слушай, как человека в чувство привести?

– Вылей на него стакан воды.

– Не помогает, пробовал.

– А ты – кипяточку.

– Да? Так, конечно, подейственнее будет – но этот человек мне не настолько безразличен.

– Кто там?

– Оксана.

– Что с ней? Обморок?

– Не совсем.

– Как это? Что с ней?

– Помнишь Валеркину программу, которую он запускал на КПК, когда мы все были на пустыре? Вот, после неё.

– То есть, вы её на себе проверяли? Сам тоже смотрел?

– Смотрел. Ничего, почти, не заметил. Ты лучше скажи, как Оксану в чувство привести.

– Пусть отоспится – это самый лучший вариант. Не помрет ведь.

– Да, типун тебе! Ты где сейчас?

– Недалеко от больницы.

– Чего это ты там делаешь?

– Мать умерла.

– Даа..? Нуу... Соболезную. Ты как?

– Нормально. Даже странно. Серёга, ты не знаешь, как труп из морга забрать?

– Из нашего-то? Достаточно твоего паспорта и паспорта твоей матери.

– И всё? А почему – «из нашего-то»? У других по-другому?

– Не знаю точно, но, по правилам, кажется, требуется ещё свидетельство о смерти и гроб. А у нас и так договориться можно. Прикинешься бедным, ничего не знающим родственником – прокатит. Скорее всего, деньги затребуют – тут проще заплатить, чем что-то доказывать.

– Ты откуда всё это знаешь?

– У меня мать два года назад умерла, а отец – пять. Что они в нашем морге творят – лучше, наверное, не знать. Трупы, которые не забрали, просто выкидывают. Не знаю, сколько они их хранят, слышал – примерно месяц. Но то, что выкидывают – сам видел. Так что, с этим не тяни.

- Оксана давно в обмороке?
- Минут пятнадцать, а что?
- Да ничего, зайду к тебе сейчас.
- А, ну давай, жду. Пока.
- Всё, до встречи.

—///—

– Ну, ничего себе! Вот это уровень! Макс, ты поскромничал, этой энергией можно запитать в два раза большую нагрузку, чем сейчас.

– Теперь у нас есть очень прожорливый потребитель, так что, со временем – даже этого может оказаться мало. Трэшк, ты, кажется, хочешь что-то спросить?

– Да, но, как вы... Почему Макс?

– Потому что Зотгар, когда волнуется – иногда называет моё старое имя.

– Теперь мы должны тебя убить.

– Он шутит, не пугайся.

Честно говоря, я хоть и воспринял этот выпад Зота, как шутку, но, всё равно – стало не по себе.

– Я понял, что он шутит.

– Молодец, – Зак усмехнулся. – Но я-то чувствую, что в груди «ёкнуло». Страх – одна из сильнейших эмоций, скрыть его очень сложно. А я, как ты уже имел возможность убе-

диться – спиной чую.

– Вас зовут Максим?

– Максим Бессонов.

– А Зот? У него тоже другое имя?

– Алексей Шпынёв, – сказал Зотгар, отойдя от своего места, интенсивно растирая ладони и пальцы. – Но ты лучше называй нас так, как сразу узнал, а эти имена не стоит проносить.

Зак быстро забарабанил по клавиатуре, Зот сразу вернулся на своё место.

– Что такое?

– К нам пожаловали гости, – Ответил Зак. – И у меня для них сюрприз.

Я смотрел на всё это, как во сне – происходящее казалось сценой фантастического фильма. На одном из экранов вспыхивали красные пятна; Зак и Зот стучали по клавиатурам и чертыхались. Я был здесь совершенно не к месту, не вписывался в общую картину. Зачем они взяли меня с собой?

– Трэшк! Иди сюда!

Я почти уже привык к тому, что Зак читает мои мысли, но, всё равно, не переставал удивляться. Красные пятна больше не вспыхивали «где попало», только в одном месте на мониторе горела большая точка. Подойдя к Заку, я увидел, что

экран, на который он смотрел, был разделен на три части. Одну я уже видел, на ней была та же красная точка; на другой вычерчивался какой-то график; а вот напоследней – я увидел Гридов, всего пять человек.

– Почему так мало?

– Они ждут подкрепление. Смотри, Трэшк: если график поднимется до этой отметки – жми сюда, мне ещё нужно кое-что сделать.

Зак очень быстро, почти бегом, вышел.

– Куда это он?

– Пошёл менять настройки, – Зот всё также сосредоточенно смотрел на пульт, продолжая стучать по нарисованной клавиатуре. – Через пять минут пойду я, если он не справится.

– Зот, зачем я вам понадобился?

– Чтобы нажать на нужную кнопку, когда потребуется.

Лицо у Зота, при этом, совершенно не изменилось, а мне всё больше становилось не по себе. Зак и Зот, похоже, могли общаться с помощью телепатии. Что дальше? Что они ещё могут? Что скрывают? Как же я хочу сейчас проснуться...

– Да ты не бойся, Зак тебе скоро объяснит, что к чему. Уж будь уверен – тут ты в большей безопасности, чем снаружи.

Фаза 2, замыкание

Ну вот, теперь хоть есть чем отвлечься – я нажал «отбой». Странная девчонка – эта Оксана. Во всех смыслах – странная. Что такого она там углядела, чтобы потерять сознание? Я вдавил кнопку звонка. Никто не открывал, это начинало злить. Ударив кулаком в дверь, я обнаружил её открытой. Так... Совсем весело. Уже представив себе, в лучшем случае, пустую квартиру – я, с облегчением, обнаружил Серёгу возле компьютера. Возвратившись, чтобы закрыть дверь – заметил в углу глазок веб-камеры. Вот ведь... Умник. В комнате ничего не изменилось, Серёга в наушниках, не моргая, смотрел в монитор – и ничего не замечал. Оксана лежала на диване, и, казалось, спала. Казалось... С недавнего времени, я начал воспринимать всё не совсем реальным, блёклым и бессмысленным. Интересно, это опасно? Тряхнув головой, я подошёл к компьютеру и заглянул в монитор. По экрану плыли цветные разводы – похожие на те, что мы видели на пустыре. В верхнем углу висело окно, в котором была видна входная дверь и часть прихожей. Да, интересно придумал. Но оставлять дверь открытой – всё же слишком. Я толкнул Серёгу в плечо.

– Эй, ты что, с ума сошёл? Дверь открытой оставляешь.

Сергея очнулся, снял наушники, потёр глаза и повернулся ко мне.

– Дрон, всё было бы нормально.

– Да ну? Ты что, наблюдал абсолютно за всем происходящим? Кто угодно мог бы сюда зайти.

– Конечно. И видел, и слышал. И вообще – чувствовал всё сильнее, чем обычно. После того, как я тебе позвонил, я сам решил проверить тот режим, который смотрела Оксана. Ничего сверхнеобычного не заметил, начал просматривать другие – и нашёл один убойный.

– В смысле?

– Он работает. Не знаю, как – но всё вокруг меняется. Всё видится и чувствуется по-другому.

– Можешь предсказывать будущее?

– Нет, но что-то похожее. Не знаю, как описать... Я чувствую события, которые происходят сейчас и еще могут произойти. Я знал, что ты должен подойти через пару минут – я пошёл и открыл дверь.

– Зачем?

– На всякий случай – вдруг, и я бы отключился.

– За эти пару минут – мог зайти кто угодно. Вот был бы тебе тогда, «всякий случай».

– Я чувствовал, что ничего такого не произойдёт.

– Ага. Но дверь, всё-таки, открыл.

– Всё ж нормально закончилось, чего теперь? Может быть – это только галлюцинации. Но, думаю – нет. Всё вокруг,

действительно, становится... Если и не другим, то точно – не таким, как обычно. Все, кажется, чуть блестит редкими огоньками, меняет цвет, еле заметно переливается.

– Так в темноте блестело дерево на пустыре.

– Да? Ну вот, это точно не глюки. Ещё я слышу – вернее, слышал, мысли Оксаны.

– И о чём она думает? Что ей снится?

– Сейчас – даже описать не могу. А тогда казалось, что я неотделим от другого, будто то ли я во всём растворился, то ли оно во мне. Она была в каком-то саду... И твои мысли, кстати, я тоже слышал. Смешные...

– Чего смешного?

– Да как ты от себя воспоминания отгоняешь, и как задуматься боишься. Что в этом такого? Бывает, хорошие идеи приходят.

– Ничего дельного пока не приходило.

– Не привык, видать. Или не научился их находить. Понимать самого себя, на самом деле, нелегко. Оксана просыпается.

Я обернулся – Оксана мирно спала, только чуть пошевелилась.

– Просто ворочается.

– Сейчас проснётся.

Скептически хмыкнув, я хотел уже отвернуться, но Окса-

на, сморщив нос, начала ворочаться сильнее. Открыв глаза, она резко села, обхватив колени руками.

– Я же говорил, проснётся.

– Оксана, ты как?

– Я что, потеряла сознание?

– Да, – Серёга придвинулся к кровати. – Тебе что-нибудь снилось?

Оксана сжала губы, закрыв глаза.

– Не помню. Что-то снилось, но понять не могу, что.

– Жаль. Ну, может, вспомнишь ещё, – Серега снова переместился к столу и обратился ко мне. – Дрон, а ты не хочешь посмотреть?

– Нет, как-нибудь потом.

– Боишься уйти в другой мир, как Валера? Ты когда в морг собираешься?

– Да хоть сейчас. Вот только, как забрать?

– Это не проблема, а вот – куда потом?

– Мама никогда не хотела лежать в земле...

– И? У нас нет крематория.

– Помнишь, как растворился кирпич?

– Пустырь? Как ты себе это представляешь? Завернём в ковёр, и понесём «выбивать»?

– А почему нет?

– Да-а... Да, может получится.

– Получится.

– Попробуем. Твой отец не объявился?

– Нет. Больше меня здесь ничего не держит.

Отец пропал два месяца назад – я не придавал этому большого значения, а вот мама... Как я раньше не додумался связать это вместе? Ведь это из-за него она. Никогда не злился на отца, только теперь – что-то сжалось в груди. Неужели, из-за него? Серёга давно уже включил какую-то музыку, на которую я не обращал внимания – часто у него что-нибудь играет, «для фона». Но тут я услышал строки, которые врезались в мысли. Слова и музыка резонировали с моим состоянием, будили злобу, призывали что-то делать, не топтаться на месте, гнали тупую тоску.

– Что это у тебя играет?

– Не слышал? Давай, сброшу на телефон.

– На мой не получится, – я вытащил из кармана старенькую «нокию». – Не люблю смартфоны.

– Да, забыл. Ладно, позже созвонимся.

– Ага. Иди, закрой за мной, – Мы вышли в коридор. – Бывай.

– Пока.

Серёга захлопнул дверь, я пошёл вниз по лестнице, в голове всё ещё звучали строки припева. Как я мог позволить себе закиснуть? Смысл есть всегда. Пусть я и презираю этот мир, всё больше. Презираю этот мир...

Свет погас, но экраны продолжали светиться, количество красных точек увеличивалось – и вспыхивали они чаще, чем угасали. На первом экране картинка не менялась – всё те же пять человек. Выйдя из минутного оцепенения, я заметил, что график почти приблизился к критической отметке, о которой говорил Зак, рука потянулась к кнопке. График застыл, я снова замер – казалось, перестав дышать и начав слышать свой пульс. Не знаю, сколько времени так прошло – может минута, а может четверть часа. Ничего не менялось, будто жизнь вокруг меня остановилась. Я начал качать головой, разминая шею. И вдруг график резко подскочил – я ударил по кнопке, что было сил. После я поймал себя на мысли, что только теперь начал действительно бояться, воспринимать всё вокруг не как занятный сон. Красные пятна, заполнявшие первый экран – исчезли все разом, второй дисплей отключился, а когда снова начал показывать, я увидел лишь ровную землю. Зашли Зак и Зот.

– Всё-таки, пришлось. Я не хотел сейчас применять это оружие, но, не получилось.

– Всё равно, рано или поздно – пришлось бы.

– Оно ещё не доработано, и может подвести в нужный момент, а теперь они бросят на нас все силы. Тебя радует такая перспектива?

– Не очень.

– Вот так-то. А ты, Трэшк, молодец – всё правильно сделал.

– Вы ведь знаете моё настоящее имя?

– Знаю. Ты хочешь, чтобы я называл тебя им?

– Нет, но...

– Я уважаю чужие тайны. Ты, кажется, хотел спросить ещё что-то?

– Да, мне нужно уйти.

– Хочешь домой? Понятное желание. А ты хотя бы представляешь, как туда попадёшь? Переход, через который ты пришёл, очень нестабилен – честно говоря, я удивился, когда понял, откуда именно ты проник к нам. Тебе ведь, кажется, кто-то помог?

– Да, в некоторой степени.

– В некоторой? Ты, похоже, совсем не представляешь, что именно тебе помогло.

Я достал КПК, запустил программу, надел наушники. В голове чуть загудело, но того, первого чувства, уже не было. Странно... Я переключил режим – один, другой раз – почти ничего не менялось. Подняв глаза на Зака, я подал ему КПК. Он взял его, снял с меня один наушник, поднес к своему уху, и около минуты вслушивался – то глядя на экран, то закрывая глаза.

– Да, занятно, – Зак отдал мне КПК. – Когда-то я создавал нечто подобное. Надо сказать – очень интересно. Хотя

опасно, иногда. Как и всё, в общем... Ты всерьёз думаешь, что это помогло тебе переместиться сюда?

Я кивнул.

– Трэшк, это, конечно, может помочь – но не настолько, чтобы преодолеть барьер между мирами. Да, очень многое зависит от человека, от его собственных сил, но, в твоём случае – ты не смог бы перейти самостоятельно.

– Каких сил?

– Внутренних. Магических, душевных, духовных, оккультных, психических, или псионических. Называй как угодно, всё одно. Ты не мог прийти без посторонней помощи – у тебя не хватило бы сил. Теоретически, ты можешь развиваться до нужного уровня – потенциал у тебя неплохой – но, на это уйдёт пять-семь лет.

– Как же я тогда попал сюда?

– Тебе помогли.

– Кто? Со мной были два человека, они просто стояли рядом.

– Присутствия может оказаться достаточно.

– То есть, обратно мне не вернуться?

– Сейчас – вряд ли.

– Никаких шансов?

– Нет, почему же? Эта аномалия меняет свою силу – случается, что и обычный человек может совершить прыжок. И, как уже говорил, собственные силы тоже можно развивать.

– Есть другие аномалии?

– Конечно. Подавляющее число – нестабильно. Некоторые нестабильны настолько, что ими невозможно воспользоваться для перехода, есть и очень устойчивые. Всё зависит от трёх факторов: характера; силы аномалии; места, в которое она может тебя переместить.

– Характер – это вид аномалии?

– Да. Это полуэумористическое название, но вполне точно отражает суть. Характер – это то, как аномалия взаимодействует с объектами. Она может разорвать тебя на куски, может распылить на атомы, может не выпустить, ты можешь сойти с ума – вариантов много. Есть аномалии, которые всегда пропускают одних, а других уничтожают.

– Будто бы выбирают?

– Да – такие вот, своевольные. Кстати, это тоже своевольная аномалия, хоть и не самая худшая. Раз уж она пропустила тебя сюда, можно надеяться, что и обратно выпустит. Она стабильна по месту, то есть, ты попадёшь туда, откуда пришёл – а это, как сам понимаешь, тоже очень важно.

– Нда... То есть, все, что мне осталось – учиться.

– Вольно или невольно, осознанно или нет, это всегда последнее, что остаётся, – Зак усмехнулся.

—///—

– Ну, если не получится...

– Сожжём.

– Дрон, ты в своём уме? Такой костерок не останется незамеченным.

– Не останется. Только всем будет по барабану.

– Скорее всего. А если нет?

– Ты уже помог, можешь уйти. Мне – всё равно. Но думаю, всё получится.

– Тяжёлая же... Она.

Мы, наконец, дошли до нужного места. Вот только, никакого «движения воздуха» не наблюдалось, ничего необычного не замечалось.

– И что?

– Кидай под корни, посмотрим.

Солнце уже скрывалось за горизонтом, начали сгущаться сумерки, но ничего не происходило.

– Будешь сжигать? Просто так, спичками – не получится.

– Получится, – Дрон достал маленький бутылёк. – Большого костра и не надо, всё должно истлеть. В теории...

– Что это?

– Бензин. Но, пока подождём. Вдруг, всё-таки...

По ковру забегали искры, начали вспыхивать редкие и маленькие огоньки. Я достал сотовый телефон, чтобы хоть как-то «подсветить», Дрон сделал то же самое. Воздух на-

чал «плыть», очертания постепенно смазывались, я убрал мобильник в карман.

– Я же говорил, всё получится, – Дрон тоже убрал телефон. – Никуда не денется.

– Ещё ничего не закончилось. Она ведь не кирпич, а как это место работает – всё ещё непонятно.

– Посмотрим.

Теперь даже в темноте было заметно, как разрасталась тень от ковра. Похоже, он и вправду растворится полностью. А если нет? Как это будет выглядеть... И возможно ли будет его сжечь? Жаль, что ничего не узнать наверняка. Не проверишь – не узнаешь, а не узнаешь... Будешь спать спокойнее. Может врут, что если всё будешь знать заранее – станет скучно? Сами-то они пробовали? Хотя, похоже на правду. Но, всё равно, как бы то ни было, иногда хочется заглянуть в будущее.

Ничего уже не получалось разглядеть – кроме огоньков, которых стало больше, вспыхивающих теперь не только внизу, но и выше. Снова достав телефон и посветив в сторону дерева, я увидел перед собой только плотную, чёрную завесу: будто под деревом зажгли автомобильную крышку.

– Интересно, куда всё это девается?

– Тебе не параллельно?

– В общем, всё равно. Но, всё-таки... Сам-то – что будешь делать?

– Посмотрим.

– Это у тебя – любимая фраза вечера, – я поднялся с земли. – Ну, смотри. А я пойду.

– До скорого.

– Счастливо.

Что у него теперь на уме? Опасаюсь, ничего хорошего. И ведь Дрон – не дурак парень, но такие глупости, порой, творит... Или, они только мне кажутся глупостью? Про меня – многие говорили то же самое. На каждого из нас довольно дури, чтобы любого можно было назвать, как бы помягче выразиться, «не шибко умным». Не всякий признается, что тоже понятно, но это так. И ничего ведь, живём. Пусть не в восторге от жизни, но живём. И радуемся, иногда. Кто-то чаще, кто-то – реже. А всё равно страшновато, что может взбрести, порой, Дрону в голову.

—///—

Я откинулся на спинку стула, закрыл глаза. Мысли спутались в тугой клубок, из которого выходило множество оборванных нитей. Куда я попал? Такое впечатление, что в истории этой планеты (я как-то неосознанно начал считать, что уже не на Земле), перемешали несколько книг фэнтези и научной фантастики. Ушедшая цивилизация, сплав техники и магии, инопланетяне... Описано всё так, будто происходило

не очень давно, во всяком случае – не напоминает миф. Скорее уж – намеренную мистификацию.

– Что, изучаешь?

Никак не могу привыкнуть, что Зак почти всегда появляется неожиданно. Всегда непроницаемое лицо, с неуловимой, будто бы секундной, улыбкой – такой, что сомневаешься потом: а не показалось ли? И, очень часто – он отвечает на вопрос, который я ещё не задал.

– Да. Никак не могу представить, что же здесь случилось.

– Тебе будет полезнее понимание того, что происходит теперь. Но, история тоже пригодится. Не бывает лишних знаний, а это основы.

– Основы чего? В том-то и дело, что я пока ни в чём не разобрался. Не могу понять, что к чему, куда деваться с этими основами.

– Разберёшься ещё. Ты ведь хочешь попасть домой?

– Хочу.

– Почти все наши разработки базируются на остатках от прошлого, иногда мы используем артефакты, которые были созданы много лет назад.

– Как тот СР?

– Да. Мы скорее додумываем, чем создаём новое, а если и создаём – то, почти всегда, с оглядкой.

– Говорят, что всё новое – это хорошо забытое старое.

– Где это так говорят? – Зак засмеялся. – Впрочем, это

верно, отчасти. Только тут, видимо, подразумевается что новое – это совершенствование старого, а у нас наоборот.

– Но, вы ведь улучшили тот артефакт.

– Мы даже не знаем точно, на что он способен. Мы дикари, которым зажигалка кажется волшебством.

– У нас технологии ещё менее развиты.

– Знаю. Но ты ведь понял суть. Ещё многому нам предстоит учиться. И тебе, и мне.

– А успеем? Что с Гридами? Ведь они снова должны напасть.

– Должны. Я отладил барьер – даю девяносто из ста, что он выстоит. Если удастся запустить режим поглощения – им точно не прорваться.

– А если мы не всё знаем?

– Нет смысла размышлять об этом сейчас – я использую всё, что смогу, больше у меня нет сюрпризов для них. Остаётся только надеяться, что ничего нового они не выдумали. Всё-таки Гриды – это вояки. А «мозговой поддержки» у них больше нет.

– Совсем? Кто-то же должен был остаться.

– Син уничтожил всех.

– Кто такой Син?

– СинГрид, мой бывший... – Зак сделал небольшую паузу. – Коллега. Чуть было не сказал: сослуживец.

– Коллега? Как?

– Когда-то мы очень тесно работали вместе. Иногда мне

кажется, будто знал его с детства. Теперь это уже не важно. Хочешь больше узнать – посмотри в библиотеке, или спроси у Зота, он тоже может кое-что рассказать.

На панели опять замигал красный огонёк, Зак подошёл и начал что-то набирать. Снова заработали экраны, снова на них никого не было видно. Что-то запищало, загорелась ещё пара красных индикаторов.

– Да что ж такое! Не могли же они... Если только... Сбой.

Зак быстро набрал очередную комбинацию, картинка на первом экране изменилась – показывая, что вокруг нас, скопилось очень много... Гридов?

– Это сбой?

Зак будто не слышал – он стучал по клавиатуре всё скорее и скорее. Лицо его перестало, наконец, быть непроницаемым – выдавая нешуточное волнение. Вбежал Зот.

– Зак, что такое?

– Быстро, к управлению щитами! Делай что хочешь, постарайся запустить режим поглощения. Я открою тебе полный доступ, включай активную оборону. Только не перестарайся, не спали систему. Зот, это не шутки. Они пустили невидимок, и, похоже, освоили переброс. Неясно, чего они выжидают, но медлить нельзя. Включай блокиратор и попытайся задавить их пси-полем.

– А разрыв?

– На него не хватит энергии. Бегом! Что стоишь? Быстро, пошёл!

Зот выбежал, Зак повернулся к пульта. Похоже, сейчас его лучше не беспокоить. «Ты верно думаешь» – сами собой прозвучали в голове слова. Я отправился в библиотеку. Никак не могу привыкнуть к тому, что кто-то видит мои мысли, как на ладони. «Не всё и не всегда, ты ещё научишься» – снова послышалось мне. Вот же чёрт...

—///—

Около полуночи я пришёл домой, в пустую квартиру. Достав мобильник, я начал набирать номер Оксаны. Недоступна. Снова отключила телефон? Кажется, я должен бы волноваться, но нет, я почти спокоен за неё. Странно... Оксана, что же ты делаешь? Чувствую себя предателем. Должен был бы волноваться... Но ничего. Пустота. Пустота и усталость. Сколько раз я просил тебя: не переваривай ты всё это в себе, нельзя так. «Не хочу никого напрягать» – твой постоянный ответ. Да, нельзя помочь, если человек сам этого не хочет – но, всё равно, пытаешься. Чувствую плевать на рассудок. Гордая птичка. Гордая – и глупая. А может – просто надменная? Может, всё того не стоит? Может... Нет, не хочу думать так. А ты? Чего хочешь ты, Оксана? Чего..? С дру-

гой стороны, зачем всё это мне? Какой смысл биться лбом о стену? Проверять, что окажется крепче? Что я в ней нашёл, когда мы познакомились, что увидел? Какое-то успокоение, что ли. Радость, что кто-то начал с тобой общаться... Да, я помню. Было хорошо. Очень... Только, давно уже этого нет. И я уже не тот. Что у нас общего? Разве что – натура одиночки. А в остальном... Совсем разные. На минуту, я закрыл глаза и попытался выбросить всё из головы, но мысли зациклились на одном: я вспоминал, как и где впервые увидел Оксану, где и как познакомились, как, иногда, было весело вместе... Как, видя издали только чуть похожую девушку – казалось, на мгновение: «это она!». Да и сейчас ещё так бывает... Смешно. Только смеяться не хочется. Как сложно, иногда, забыть... А надо. Надо... Нужно подумать о чём-нибудь другом. Валерка. Да, Валерка. Что с ним? Где он? Ведь, до сих пор – не ясно. Живой он, вообще, или нет... Найдется, или совсем пропадёт. Как это узнать..? Мы ведь во многом, с ним, похожи... Очень даже... Куда бы я хотел попасть, в какой мир, если бы смог? Вряд ли он выбирал что-то конкретное, скорее – просто искал, проверял возможность. Он оставил кучу непонятных картинок и свою программу-самоделку, но никаких зацепок. Надо искать. Пойти, запустить эту программу и смотреть – вдруг, получится? В прошлый раз – действительно, произошло что-то странное. Интересно, как бы Валерка поладил с Оксаной? Вот уж точно – два совсем закрытых человека. Может и сошлись бы. Чёрт, я опять ду-

маю, о ней... Я подошел к компьютеру, вдавил кнопку включения. Посмотрим... Что-то должно проясниться. И я это найду.

—///—

Красивый закат... Стоп, а почему закат? И как я, вообще, здесь оказался? Оглядевшись, я начал понимать, где нахожусь. Сеть. Да, это она. Вон – тот сарай (лучшего названия не придумал), точнее, то, что от него осталось, из которого я выбрался, в прошлый раз. Вот здесь сидел... Как же его звали? Я попытался вспомнить имя и представить лицо парня, который вытащил меня из огня. Лицо вспомнить не получилось, а вот имя, кажется... Ло... Лодер. Куда мы пошли? Город? Да, кажется так. Города ещё есть, он говорил. Осмотревшись ещё раз и выбрав направление, я зашагал вперёд – смотря, то и дело, по сторонам, стараясь запомнить местность. Это не похоже на сон, всё по-настоящему. Валерка говорил, что сон – это другое измерение реальности, и, теоретически, он может стать для тебя основным измерением. Интересно, он сам разрабатывал эту теорию? И что бы он сказал, попади сюда? Хотя, кто знает, где он сейчас. Может, там всё настолько по-другому – что я и представить не могу. Странно, город казался совсем близко, но я шёл уже пять минут, а он будто бы застыл. Сколько же до него километров?

– Ты не туда идёшь.

Я повернулся на голос.

– Лодер?

– А кого ты ожидал увидеть?

– Никого. Я не знаю правильной дороги, куда нужно идти?

– Тебе надо в город?

– Мне надо хоть куда-нибудь – туда, где станет более понятно, где я.

– В городе ты вряд ли найдёшь ответы на свои вопросы.

Откуда ты?

– В каком смысле?

– Прямом. Ты ведь из другого мира. Недавно начал ходить?

– Ходить? Между мирами, ты имеешь в виду?

– Да, что же ещё. Совсем недавно, похоже?

– Второй раз. И ничего пока не понимаю.

– Ты что, делаешь это неосознанно?

– Я сплю.

– Ты думаешь, что это сон?

– Нет, я пытаюсь понять, что это. Всё очень странно: ничего не ясно, а ты даже не удивлён. У вас много таких, «ходовков»?

– Мы называем вас Проходимцами, не в обиду. Немало, но Спящих я ещё не встречал. Только слышал о таких. Тебе нужно в Храм.

– Покажешь, где это?

- Покажу, сам ты – вряд ли его найдёшь.
- Что в этом Храме?
- Там тебе лучше объяснят, что происходит.
- Ты говорил, стран больше не существует. Почему?
- Потому что они не нужны.
- Неясно, как так?
- Нас не больше десяти миллионов на всю планету.

Мы шли навстречу закату, я всё ещё вертел головой – пытался найти отличия от нашего мира. То же Солнце, тот же закат – разве что, чуть другой оттенок. Но всё так же красиво озаряется горизонт. В воздухе будто висит пыль – странно, её совершенно не ощущаешь – он кажется чистым и свежим. Начало смеркаться, Лодер надел очки, «солнцезащитные» на вид, без слов протянул мне другие. Я положил очки в карман куртки – люблю сумерки, совершенно по-другому начинаешь ощущать мир. И не люблю, когда что-то давит на нос. Лодер хмыкнул:

- Лучше надень, а то будет как в первый раз.

Достав очки, и ещё раз осмотрев, нет ли чего необычного, я их надел. Ночь уступила место дню: стало, кажется, ещё светлее, чем когда я сюда попал, и, что интересно – цвета не исказались. Сняв очки – я убедился, что вокруг, всё-таки, темно; ещё больше я удивился – когда посмотрел сквозь оправу, просто держа очки в руках. Через матовые стёкла

ничего не было видно, но, едва дужки касались кожи на висках – становилось светло. Лодер ушёл вперед – я прибавил шаг, чтобы его нагнать. И вот, словно из тумана, показался Храм... Никогда бы не подумал, что он будет выглядеть так – не представлял, что он похож на церковь. Причём, одновременно – Православную и Католическую. Я представлял нечто футуристическое, похожее на огромное яйцо. Храм науки, а не религии.

—///—

– Всё, отбились – Зот бухнулся в кресло, шумно выдохнув.

– Надолго?

– Не знаю. Непонятно, о чём думает Зак, но когда за нас серьёзно возьмутся – нам не выстоять. Если только у него нет очередного сюрприза.

– Он говорил, что нет.

– Мало ли, что он говорит.

– Ты знаешь, кто такой СинГрид?

– Глава организации «ГРИд»

– Так «ГРИд» – это фамилия или аббревиатура?

– И то и другое, расшифровывается как «Государство рабочих идеалов».

– Зак работал с ним? Что они делали?

– Зак многое скрывает. Основное направление – «Супер-

люди» и «Суперсолдаты».

– Гриды – это суперсолдаты?

– Генетически изменённые люди. Они, действительно – могут больше, чем обычные, «среднестатистические». Но «суперсолдатами» – я бы их не назвал.

– Почему?

– У Гридов всё держится на технике, которую разрабатывали не они.

– Наследие ушедшей цивилизации?

– Да. Они захватили почти все артефакты и архивы – во всяком случае, те, которые известны. А сами преуспели только в промывке мозгов. Правда, надо сказать, очень хорошо преуспели. Син неплохой генетик, но почти все свои усилия он направлял на изменение психики. Даже несмотря на то, что и без изменения генома – они могут сделать из человека монстра, одними только препаратами и внушением.

– Зак говорил, что они построили почти идеальное общество. Очевидно, не без своих технологий промывки?

– Естественно.

– Но ведь какую-то технику, они, всё же, разрабатывают. И, всё равно, осваивают что-то новое. Как? Если Син остался один, уничтожил всех. Или Зак преувеличил?

– Нет, это правда. Син действительно уничтожил почти всех, после того, как они с Заком разбежались – боялся потерять контроль. Дело в том, что уничтожил он их не физически, а только как личности.

– То есть?

– Все они живы и теперь составляют один коллективный разум, лишённый воли, в малой степени – наделённый творческим мышлением. Этакий «суперкомпьютер». Только теперь – Сину приходится выискивать идеи самому. Спасает то, что Син – посредственный программист, и, вообще, организатор. Он преуспел в подавлении других, но так и не смог заставить систему слаженно работать. Это его и подведёт, когда-нибудь.

– Разлаженная система, иногда, может очень долго работать... А в чём преуспел Зак?

– Разве ты не заметил? В работе с сознанием, телепатии и сверхчувствах.

– Техника?

– На самом деле, он не очень хороший технарь – но в этом деле ему помогают его сверхчувствительность, – Зот сделал паузу. – И я.

– У вас есть солдаты?

– Можно сказать, нет. «Армия» у нас небольшая: я, Зак, десяток спецназовцев, несколько психов—головорезов, пара разведчиков. Есть команда, которая занимается теле и пирокинезом, телепатией, подавлением воли. Есть успехи, но несерьёзные... Хоть и не исключаю, что это будут очень опасные ребята. При желании – мы можем одновременно уничтожить несколько зданий. Но не весь «ГРИД» – у него нет единого центра. Что до самого Сина – добраться до

него не представляется возможным. Но думаю, даже если его устранить – это не убьёт ГРИД, на его место придут другие. Ведь, как бы он не боялся, он не может окружать себя одними только придурками и безвольными исполнителями.

– Ты знаешь, что хочет делать Зак?

– Точно не знаю, он никогда полностью не посвящает меня в свои планы.

На несколько минут, в воздухе повисла тишина. Зот, казалось, задремал. В который раз я поймал себя на мысли, что ничему не верю, с каждым разом этот мир кажется всё невозможнее, а свой, родной, представляется уже не таким сумасшедшим. Возможно всё. Сколько раз я повторял себе это, но, стоило столкнуться с тем, к чему не привык – всё начало казаться нереальным. Впрочем (невольно, лицо растянулось в улыбке-ухмылке), в нереальности происходящего – я убеждал себя и раньше. Просто потому, что так легче жить. На самом деле, смешно смотреть на тех, кто всерьёз утверждает подобное. Зачем что-то доказывать, если ничего, попросту, нет? Наверное, без противоречий не обходится никогда... Так надо. Глаза слипались, спать хотелось всё сильнее, я тряхнул головой – конечно, это мало помогло. Идти спать? Или снова в библиотеку? Хотелось узнать что-то новое, но сон морил. Лучше отоспаться...

– Трэшк!

Я вздрогнул – Зак снова появился неожиданно. Интересно, он специально так делает?

– Не специально, так получается.

Зак выглядел весёлым – странно было видеть его таким – он подошёл и сел в кресло, стоявшее рядом. Но, раз уж весёлый – может, к лучшему?

– Читать мысли – тоже получается само собой?

– Да. Иногда это мешает, сложно сосредоточиться.

– Разве ты не можешь себя контролировать?

– Могу, но на это тоже нужны силы. Мозги – не простой тумблер, который можно переключить. Тут устройство на много порядков сложнее.

Я молчал – сон подступал с новой силой. Мысли становились вялыми, невольно закрывались глаза.

– Ты сейчас не в состоянии. Вот когда отдохнешь, сразу подходи ко мне, – поднявшись, Зак положил руку мне на плечо. – Ты будешь нормально соображать.

—///—

Серёга ушёл, а я так и остался сидеть – глядя в темноту, в которой ещё чуть улавливалось движение. На душе было даже не гадко, не пусто... Непривычно: мне знакома холод-

ная злоба – когда расчетливо представляешь, как и что сделаешь; я знаю, что такое ярость – когда плевать на все и не задумываешься, что ты творишь. Впервые – я почувствовал их сочетание. Холодная страсть. Да, наверное – это чувство можно так назвать. Звучит дико, но оттого ничего не меняется. Похоже на «Зверя в клетке». Разница в том, что меня больше не волнует – есть клетка или нет. Зверь, скорее, в засаде. Существуют только мои законы, мой мир, моя жизнь. Ещё осталось то, что мне дорого, остались те, кого стоит уважать, осталось понять, что делать дальше. Валерка говорил: «ты всегда знаешь, что делать – нужно лишь успокоиться, и подумать». Кажется, теперь я понимаю, о чём он говорил. Но легко сказать: «успокойся». Как? Интересно, насколько хорошо это выходило у него..? И где он сейчас... Попытавшись выбросить всё лишнее из головы, я только почувствовал себя усталым и не мог уже ясно о чём-нибудь думать. Как в полусне я шагнул к дереву, возле которого давно не виделось никакого движения, и обхватил ствол...

Очнулся я, лёжа на земле, жутко замёрзший. Утро только-только начало своё наступление – солнце с трудом пробивалось сквозь тучи, слабо озаряя красное небо. Вдалеке кто-то бежал, кажется, этот «кто-то» был вооружён – в руках он держал нечто, напоминавшее автомат. Бежал он, похоже, ко мне. Я не хотел испытывать судьбу, но уходить некуда – вокруг один пустырь. Разве что провалиться под землю.

И ещё: какое-то странное любопытство удерживало меня на месте. Я улёгся поудобнее, замер, внимательно вглядываясь. Он был похож на солдата, сбежавшего из компьютерной игры: костюм казался монолитным, на лице виднелись «банки» респиратора. Надо сказать, заметил я его только потому, что он двигался: костюм менял цвета в тон местности, но запаздывал при быстром перемещении. Странно, я почти не удивлялся – просто ждал. Ждал и пытался понять, что же делать. Хотелось думать, что это сон – а если я во сне, то никакой опасности. Я могу делать что угодно: хоть летать, хоть огнём дышать. Я поднялся и подпрыгнул, пытаюсь взлететь. Ничего не получилось, а вот солдат развернулся и побежал точно на меня. Он не стрелял, что немного обнадеживало – но встречаться с ним, по-прежнему, не хотелось. Да чтоб ты провалился! Судорожно соображая, я попытался представить, как он проваливается под землю, что всё будет как надо. Стоять я больше не мог, и, резко сорвавшись с места – бросился навстречу. Все мысли вытеснила ярость. Я убедил себя, что передо мной враг, оставив одно стремление – уничтожить. Солдат остановился и исчез, слился с окружающим ландшафтом, я тоже остановился. Внутри всё кипело: ведь только что я собирался разорвать того, кто мне угрожал. Я перевёл дыхание, присел – оглядываясь и пытаюсь оценить обстановку. Мысли начали возвращаться. Давно со мной не случалось «гневных вспышек». Я не любил их и старался сохранять контроль над собой – что мне неплохо удавалось, в

последнее время. Валерка здорово мне в этом помогал. Но тут – как с цепи сорвался: вспомнил, выпустил то, что подавлял. Валерка предупреждал меня, что такое может случиться, что неправильно – просто подавлять гнев. «Нерационально», как он выражался. Что «нужно управлять тем, что у тебя внутри»... Да, чёрт возьми, как управлять, если я ничего не понимаю в этот момент?! Почему этот невидимка до сих пор меня не пристрелил? Такую лёгкую мишень? Не пристрелил тогда, когда я к нему бежал? Чего уж проще... Где он теперь?

– Где ты? Покажись! Покажись, сволочь! – крикнул я.

Я чувствовал, как снова накатывает ярость. Ярость, отчаяние – и жгучее желание покончить со всем. Чуть в стороне воздух начал темнеть, к моему удивлению, невидимка появился. Он стоял, рассматривая свою винтовку, иногда что-то на ней переключая, потряхивая её, будто та сломалась – это выглядело смешно и глупо. Кровь хлынула к лицу, я снова кинулся к нему, стараясь бежать не по прямой, зигзагом. Поняв, что его заметили, бывший невидимка тут же бросил винтовку и снял с пояса нож. Теперь я отчётливо видел и его, и то, что он делает. Я не добежал – солдат упал раньше. Вот так, просто: стоял – и уже лежит. Рефлекторно пригнувшись, я начал оглядываться, но никого не замечал. Подойдя к телу мёртвого(?) солдата, я попытался снять с него шлем. Ничего не получилось – костюм, и правда, оказался моно-

литным. Без камуфляжа – он смотрелся чёрным. Даже винтовка, внешне напоминавшая обычный «Калашников», была полностью чёрной, без всяких оттенков. ДартВейдер недоделанный... Забрав нож, я попытался снять шлем с его помощью. Бесполезно – сидит как влитой. Больше я не обнаружил на теле ничего интересного, разве что – какое-то подобие рации. Остальное – непонятные мне приборы. Подняв неправдоподобно лёгкую винтовку, я прицелился в ближайший камень и нажал на курок. Выстрела не произошло. Магазин, или то, что я принял за магазин, отсоединить не удалось. Закинув винтовку за спину и держа нож в руке (ножны были частью монолитного костюма), я отправился туда, откуда, казалось, пришёл солдат. Пусть вокруг творится непонятно что, пусть я ничего не понимаю, но, кажется – мне везёт. Я сдавленно засмеялся. Везёт... В гробу бы я видал – такое везение. Но, выбор невелик – что будет, то будет.

—///—

– Смотри, вот он!

Я прищурился, всматриваясь вдаль, но ничего не заметил. Зак дал мне бинокль и указал рукой, где искать.

– Да, теперь вижу. Это же... Дрон.

– А ты кого ожидал увидеть?

– Другого. Зот, ты его видишь?

– Давно уже. И не только вижу. Псих какой-то – этот твой

друг.

– Псих. Но не безнадежный.

– Далеко не безнадежный, это точно, – Зак опустил бинокль. – Как через аномалию прошёл! Мало того – он сам создаёт слабые аномалии, даже не подозревая о том. Видел, как он отключил камуфляж Грида? Жаль, Зот подстраховался – думаю, он и в схватке бы победил.

– А если нет, то за минуту этот Грид «разделал бы его на мясо», рисковать было ни к чему. Научится ещё, – Зот убрал винтовку. – Потенциал есть.

– И что теперь? Пойдём к нему?

– Подождём пока, – Зак сел на ближайший большой камень. – Сам должен прийти.

Мы с Зотгаром устроились поудобнее и стали ждать. Дрон... Да, всё же я ожидал увидеть здесь Сергея, а не тебя. Я наблюдал за Дроном в бинокль. Он чуть постоял над телом, попытался снять шлем с убитого Грида, и, не добившись успеха, несколько раз пнул его в голову. Обшарив труп, забрав винтовку и нож – он пошёл на Запад, в сторону от нас. Я хотел было уже предложить идти за ним, но, пройдя метров двести, он повернул прямо навстречу нам.

– Вот видишь, – сказал Зак, – он чувствует, куда надо идти, я не ошибся.

– А почему он так шатается?

– Во-первых – переход. Во-вторых – он, скорее всего,

раньше не использовал свои силы.

– Или перенервничал, – вставил Зот. – Психанул он там, будь здоров.

– Он к этому привычный.

– Не к такому. Просто перенервничать – одно, а пройти при этом аномалию, очутиться в совершенно незнакомом месте – другое. Удивительно, что во всём этом сумбуре – я выделил у него очень чёткие мысли. Наверное, даже Зот заметил.

– Заметил, молодец парень. Кстати: кажется, он думал что-то о тебе, Трэшк.

– Об этом они и потом расскажут, если будет нужно. Пошли – он не доберётся сам.

Я снова посмотрел в бинокль: Дрон начал идти совсем неровно, постоянно останавливаясь и пошатываясь. Расстояние между нами сократилось настолько, что я мог узнать его в лицо, но он нас не замечал, сделал ещё несколько шагов и упал. Я побежал к нему, Зак и Зот только немного ускорили шаг. Первое, что я сделал – проверил, дышит ли? Всё было в порядке, Дрон, вообще, казалось, просто уснул в неудобной позе – он не был бледен, как можно было бы ожидать. Наоборот – весь красный, как рак – лежал и посапывал. Попытавшись его приподнять, я быстро оставил эту затею, решив подождать Зака с Зотом, только снял винтовку, отбросив её в сторону.

– Ну, чего встал? – сказал Зак, остановившись возле меня. – Думаешь, мы его потащим сейчас? Считай это своим первым заданием и тренировкой – приведи его в чувство.

Я похлопал Дрона по щекам, и уже было хотел применить его же метод – но Зак меня остановил.

– Не так.

– А как тогда?

– Положи одну руку к нему на лоб, другую на грудь, в район солнечного сплетения, и поднимай.

– Мысленно?

– Можешь попробовать ухватиться за одежду, – смеясь, сказал Зот. – Вдруг получится.

– Не смейся, Зот, – ты тоже не сразу всему научился. Думай Трэшк, представляй. Я, конечно, мог бы объяснить тебе более подробно, но – попробуй, сначала, сам.

Сам... Что ж, попробуем. Я положил правую руку на лоб, левую – на грудь Дрона и начал представлять... Как бы не было банально, я воображал, как из моих рук «идет энергия», растекается по его телу, собирается в груди в светящийся шар, как Дрон открывает Глаза и поднимается... Ничего не происходило: спустя две минуты – Дрон, всё так же, лежал. Только начал бледнеть... Да что мне ещё делать?! Неужели, нельзя помочь? Зак улыбнулся – в голове зазвучало: «Думаю! Ты можешь это сделать!». Могу... Только не

знаю – как! Что сейчас с Дроном? «С ним всё в порядке, ему ничего не грозит» – снова, сами собой, в голове зазвучали слова. Слова... Это меня немного взбесило. Я снова представил шар света в груди у Дрона, «взорвал» его и тут же «ударил током» – одновременно, обеими руками, силой хлопнул Дрона по лбу и груди – он чуть дёрнулся, и снова замер. Всё это начало мне надоедать, я мысленно заключил нас в сферу, отгородив от всего мира, снова «пустил ток» по Дрону – представив, как энергия, светящимися потоками, растекается и заполняет всё вокруг, мне стало жарко. Уже не совсем осознанно, я представлял огонь вокруг себя – снова и снова пытаюсь поднять Дрона, мысленно приказывая ему: «вставай, вставай же!». Я ударил его по щеке, ещё, ещё раз... Я уже не видел ничего вокруг – Дрон казался мне светящимся сгустком в форме человека, я нагнулся и нырнул внутрь этого сгустка, закрыл глаза. Поднимайся Дрон, просыпайся... Ну же! Я вскочил, картина снова сменилась: вокруг, по-прежнему, был огонь, Дрон выглядел почти как человек, но по всему телу стали видны тонкие нити энергий... А это что? У виска будто налипла грязь. Я потянулся, ухватился за это пятно – оно оказалось вполне ощутимым – и рванул на себя...

—///—

Внутри Храм, действительно, смотрелся фантастично,

хоть в обстановке не наблюдалось чего-то сверхнеобычного, я не мог понять – откуда идёт свет? Сколько ни смотрел по сторонам – не получалось найти ничего похожего на лампы. Свет появлялся из ниоткуда, будто сам воздух светился. Я остался один – не заметил, как пропал Лодер, но, странно, совершенно не волновался. Этот сон тянется слишком долго... Когда же он кончится? Когда-нибудь, ответил я сам себе – всё заканчивается. Лучше осмотреться, и постараться как можно больше запомнить – вдруг, пригодится. Как говорил Валерка – не бывает ненужных знаний. Хоть никогда не был с этим согласен... В жизни очень мало – действительно нужного, всё условно. Есть интерес – учи, делай. Нет – поищи другое. А это место весьма интересно, сейчас. Я так и не нашёл, откуда появлялся свет – просто ходил и осматривался вокруг, пытаюсь понять, что же это мне напоминает. Цирк? Большое пространство в центре, высокий потолок... Где тогда сидения, трибуны? Это больше похоже на ангар. Но какой чистый... Я провёл рукой по стене – она была тёплой, чуть шершавой, похожей на резину. Не сразу заметил, что по периметру проходила большая монолитная скамья – казалось, что она была частью стены. С удивлением обнаружил, что сидеть на ней удобно – словно сел на что-то упругое, обволакивающее... Силовые поля? На ощупь – скамья оставалась точно такой же, как и стена.

– Освоился?

Лодер вернулся, рядом с ним шел другой человек. Невысокий, с худыми, костистыми руками. Я не мог понять, что же в нём меня цепляет, почему я так пристально его рассматриваю. Он молодо выглядел, но мне казалось, будто прожил уже немало... Светлые, голубые глаза, белый волос... Седой? Нет, он же альбинос! Ресницы и брови тоже светились белым. Одежда? Совершенно обычная: светлая куртка; тёмно-коричневая кофта; брюки, похожие на джинсы. Ничего, что напоминало бы ритуальные одежды. Он заговорил. Речь его почти ничем не выделялась, не было в ней ни мягкости, ни стальных ноток, визгливого или низкого тембра. Единственное, что запоминалось – отчётливость и чистота.

– Ты до сих пор не знаешь, где ты находишься, и считаешь всё происходящее сном?

– Да. Разве это не так?

– Нет.

– Но я ведь сплю сейчас.

– Нет. Сон – это другой уровень реальности, ты пришел с его помощью. Но это – уже не сон.

– Тогда в чём отличия?

– В том, что реальность сна творишь только ты один, изредка – ещё несколько человек. Сейчас же ты в реальности, которую создают миллионы. Если говорить именно об этом месте – миллиарды.

– Материализация мыслей?

– Да, если упрощённо.

– Так где я?

– Мы называем наш мир, как и вы – Земля. Чужие – называют его миром седьмой грани. Твой мир – они называли бы миром третьей грани. Ты можешь называть его как угодно, ведь всё условно, не так ли?

Мне показалось, он подмигнул.

– Откуда ты знаешь, из какого я мира?

– Я вижу больше, чем ты.

– Не сомневаюсь, но что? Чем я отличаюсь? Свечусь по-другому, что ли?

– Конечно, пахнешь тоже иначе, – незнакомец явно веселился. – Мне не объяснить этого, тебе нужно понять самому.

– Ты ведь... Тоже не отсюда, не из этого мира?

– Ты сильнее, чем показался. Да, не отсюда, я из девятого мира. Меня зовут Ив Макс, – он протянул мне руку. – Я помогаю таким как ты, впервые совершившим переход. Я знаю некоторые традиции других миров, особенности их жителей. К примеру: здесь, на самом деле, не принято то, что вы называете рукопожатием.

– Чем ты можешь мне помочь?

– Найти друга. Ты ведь ищешь его? Ты можешь научиться переходить между мирами не случайно, а по своей воле, можешь остаться здесь, если захочешь. Научиться можно всему.

– Только не у всех получается?

– Да, это тоже – правда. Но, «под лежащий камень – и вода не течет» – так говорят в вашем мире. Не узнаешь, на что ты способен, не испытывая себя.

– Ты слишком правильно говоришь, будто не человек.

– Я и не человек.

– Кибер?

– Робот.

Робот... Все же это меня удивило, хоть казалось, уже был готов ко всему. Снова только казалось...

– Почему тогда ты так похож на человека?

– Разве тебе хотелось бы видеть нечто, похожее на машину? Зачем?

– Нет. Просто...

– Стереотипы? Понимаю. Мои предки были людьми – они создали меня, нашу расу. И они же сделали всех похожими на себя, всего лишь.

– И вы не хотели ничего менять?

– Хотели. Меняли. Всегда были те, кто стремился выделиться. Тебе интересна наша история?

– Да, это интересно. Но сейчас меня больше интересует то, где мой друг, как и чем ты можешь мне помочь.

– Сосредоточься, думай о нём. Я постараюсь тебе его показать.

Свет ослепил: я закрыл глаза, но это не помогло; я упал на спину и замер на мгновение, всё вокруг исчезло. Очнувшись я оттого, что кто-то тряс меня за плечи, я не сразу узнал его: рефлекторно отбил чужие руки, соскочил с дивана, подскёк ноги непонятной чёрной фигуры, и рванул... К выходу? Стоп, я же знаю это место! Я на базе повстанцев... В бункере. И здесь я уже бывал. Те же диваны, тот же нелепый, огромный зал. А это... Дрон.

– Дрон?!

– Валерка, ты чего звереешь?

С некоторым трудом, Дрон поднялся и сел на диван – я не рассчитывал сил, когда бил его по ногам.

– Дрон, как ты здесь... Как Я здесь очутился?

– Я тебя принёс.

– А ты?

– Как оказался здесь? Не знаю. Наверное, так же, как и ты – прошёл через пустырь.

– Просто прошёл?

– Уснул под деревом, проснулся уже не под ним. Шел куда глаза глядят, встретил одного местного. Потом ещё двух и тебя.

Я начал вспоминать. Огонь, свет, Дрон... Попытки разбудить... Сумбурные образы. Вспомнил, как тряс его, как ко-

лотил по щекам, вспомнил тонкие нити нервов и кровеносных сосудов. Казалось, я всё видел со стороны.

– Это ведь я разбудил тебя.

– Да, Зотгар мне рассказал.

– А Зак?

– Это тот, второй? Он молчит.

– Значит, ты не знаешь, куда попал?

– Параллельное измерение, я так понимаю?

– Думаю, можно и так сказать. Важнее понять, что здесь происходит.

– Мне кажется, всё понятно. Это какой-то лагерь повстанцев, или вроде того?

– Да, так будет наиболее правильно. Ты уже говорил об этом с Зотом?

– Нет. Зот сказал: «Смешно ты бежал, глупо было бросаться на Грида». Вы воюете с этими Гридами?

– Нет, не воюем, только отбиваемся. А тебе тут нравится, как я посмотрю?

– Здесь интересно.

– Как нога?

Дрон встал, переминаясь, покачался из стороны в сторону, подпрыгнул один раз.

– Нормально. Совсем бить не умеешь.

– Лишь бы ты умел.

– А если серьёзно – врезал ты мне хорошо. Удивительно,

что я уже ничего не чувствую.

– Пойдём к Заку – думаю, он сможет рассказать нам что-нибудь интересное.

– Не хочу я к нему идти. Может, ты мне всё объяснишь? Что уже знаешь, как освоился тут, как вникал во всё?

– Почему не хочешь?

– Не знаю, не хочу. А ты узнавал обо всём только от него?

– Нет, от Зотгара тоже. И в библиотеке.

– Пошли в библиотеку. А с Зотом я сам переговорю, если нужно будет.

– Ты ничего не поймёшь.

– Почему это?

– Когда я в первый раз попытался что-то прочитать, увидел только каракули.

– Но научился ведь, сейчас читаешь? По дороге расскажешь, там покажешь. Может, и у меня получится. Я ведь понимаю, о чём говорят.

– Я тоже сразу понимал речь. Не знаю, чем тебе Зак не понравился, но пойдём – может, у тебя и правда, получится. Это даже несколько интересно.

– Получится. «Что-нибудь – всегда получается». Твои слова.

– Здесь они не совсем к месту. Хоть ты и прав.

Ты изменился, Дрон, – думал я, пока мы шли. Что-то уже не так. Веселее стал, что ли... Или, ещё «безбашеннее». А

я – начал чаще заикливаться на мелочах, давно заметил. И не могу на чём-то сосредоточиться. Странно всё.

– Не думай, что я чокнулся, Валерка. Мне просто кажется – так будет правильнее.

Я вздрогнул, обернулся – как-то неожиданно прозвучали эти слова, разом прервав всю мою задумчивость.

– Да, конечно. Но я и не об этом думал.

Чёрт, а ведь именно об этом! Эта мысль, действительно, вертелась у меня в голове, ещё не оформившись чётко. Он тоже чувствует мысли? Совпадение? Я всё больше путаюсь в происходящем...

—///—

Я зажмурился и взял Макса за руку, попытался представить Валерку, представить, где он сейчас, что с ним, «нарисовать его образ». Это удалось на удивление живо. Я вспоминал то, что уже происходило: совместные посиделки то у него, то у меня дома, наши «вылазки» на пустырь, вспомнил момент, когда он исчез. А потом вспомнил Дрона. Вот мы познакомились, вот собрались все вместе. А вот... Картинка потемнела и расплылась, я открыл глаза.

– Смотри! – Твёрдо сказал Макс. – Не отвлекайся, сосредоточься.

Я снова закрыл глаза, и тут же окунулся в плотный коричневатый туман, который, казалось, можно было потрогать руками. Невольно, я попытался раздвинуть его, разогнать – что, конечно же, не удалось. Как здесь можно что-нибудь увидеть? Я пошёл туда, где было больше света – это казалось единственно верным решением. Постепенно я ускорился, совсем перестав обращать внимание на то, что происходило вокруг, я почти бежал. Но вдруг – свет начал меркнуть. Остановившись и оглядевшись, я понял, что вокруг уже нет никакого тумана – только темнота, непроглядный мрак... А далеко впереди – угасал свет, к которому я бежал. И что теперь? Я снова побежал вперёд – настолько быстро, насколько мог. Откуда-то издали послышался свист. И гул... Ив! Ты что, решил посмеяться, показав мне страшилку? Казалось, земля начала дрожать и двигаться, а может, просто ноги стали заплетаться – я упал. И тут же, будто что-то (или кто-то?) огромное, пронеслось надо мной – с тем же рёвом и свистом, который я слышал раньше. Наступила тишина – такая, что я слышал биение своего сердца, шум крови. Капля упала на лицо. Вода? Смахнув её пальцами, я попытался понять, что это. Нет, не вода – что-то вязкое. Запах... Не разобрать, слишком слабый. Но приятый – я подавил желание попробовать это «что-то», на вкус. Свет не погас – только стал очень слабым, едва угадывался. Снова не придумав ничего лучшего, я побрёл к нему. Теперь уже не торопясь, гася желание со-

рваться на бег. Я неспешно шёл – не хотелось ещё раз упасть в эту темень, неизвестно куда. Слабый ветер закружился вокруг. Я почувствовал, как на меня снова начали падать капли: те же самые, с тем же запахом и такие же вязкие – всё чаще и чаще. Ноги начали прилипать – будто я шёл по камню, облитому клеем. Именно камню, не земле. Ветер становился сильнее, свет начал мерцать. Примитивно всё, как-то – не хватает только зловещей музыки и стонов. Где я, вообще? В своём подсознании? Или это место, действительно, существует? Ветер резко рванул, чуть не сбив меня с ног, и, через секунду – полностью стих. Снова наступила мёртвая тишина. Что теперь? Холод? Огонь? Начало светлеть, опять появился коричневый туман. Что ж, уже лучше... Туман постепенно рассеивался, и из коричневого – становился красноватым. Показалось алое, как на закате, небо, взгляду открылась мрачноватая, «постапокалиптическая» картина: почти ничего живого – на много километров вокруг. Только низкая трава и редкие деревья, можно сказать – «выжженная степь». Где-то очень далеко – нечто, похожее на дома. Меня будто ведут... А где же легендарное распустье, выбор? Голова резко закружилась – чуть не упав, я присел, перевёл дыхание. Подкатывала тошнота, я попытался встать. На секунду, всё заволокло белой пеленой, которую сменила темнота. Когда я открыл глаза, передо мной снова стоял Ив.

– Что это было?

– Я показал тебе другой мир – тот, в котором должен быть

твой друг. Это «Транк» – новый мир, ещё не обретший свою грань.

– Какую грань?

– Свою. Каждый из миров условно привязывают к граням континуума.

– У него есть грани?

– Условно.

– Транк... А мой? Его тоже называют по-другому?

– Конечно, у всего есть несколько названий. Твой также называют «Брик».

– Я действительно был там? Как сейчас – здесь?

– Да. Недолго – но ты существовал именно в том мире. Пока ты не можешь самостоятельно путешествовать и одновременно находиться более чем в двух мирах.

– Но я ведь сам пришёл в этот мир?

– Я говорю о сознательном, самостоятельном перемещении. Ты же пришел в этот мир не совсем осознанно, хоть и затратил лишь свои силы, а перейти в Транк – тебе помог я.

– А где я был перед этим? Там темно... Только свет вдалеке.

– Мир твоего подсознания, очевидно. Он тоже реален – хоть много меньше, чем другие. Но зато, если умеешь искать – там ты можешь найти больше ответов.

– И что теперь?

– Учись задавать правильные вопросы – я могу подсказать только тогда, когда ты знаешь, что тебе нужно. Учись

управлять собой, формулировать свои мысли. Сумеешь верно представить – сможешь воплотить, что желал. Не сумеешь – и никто не предскажет, каков будет результат. «Сон разума рождает чудовищ» – так ведь, у вас говорят? Ты можешь познакомиться с историей этого мира, можешь сразу приступить к изучению «теории перемещений», решать тебе. Как только ты четко сформулируешь своё желание – ты поймёшь, как его воплотить. Здесь, в Храме, Мир намного сильнее реагирует на твои мысли – исполняя желания и подсказывая, что делать. Здесь ты в безопасности, а навредить себе можешь только сам.

Вот так. Делай что хочешь, помогай себе сам. Правильно, в общем-то, но что делать? Совершенно не представляю. Чувствую себя как полнейший идиот, который не знает, чего хочет... Чего же мне надо? Я никогда чётко не формулировал свои цели, жил как живётся. Что ж, видимо – время пришло. Для начала, мне нужно... Проснуться. Я ущипнул себя за руку – это оказалось совершенно бесполезно. «Хочу домой!», – присев, и обхватив голову руками, я постарался сконцентрироваться на этой мысли, даже зубы стиснул. Ничего... Я закрыл глаза и представил дом. Спокойно, в деталях перебирая всё, что мог вспомнить. Ничего не произошло. Может, просто попытаться уснуть? Забыть обо всём, кроме дома. Больше у меня нет вариантов. Должно получиться. Я, и правда, устал... Снова закрыв глаза, я начал

мысленно рисовать свой дом.

—///—

– Ну, смотри, – я открыл страницу учебника истории. – Понимаешь что-нибудь? Можешь прочесть?

Дрон сел, и, чуть шевеля губами, начал всматриваться в монитор. Спустя минуту я услышал его шёпот. Он читал! И читал правильно! Это я сразу понял, как только разобрал слова – ведь я уже знал этот текст.

– Ты понимаешь! Как? Как тебе удалось? Сразу смог?

Казалось, Дрон не услышал вопроса – все так же глядел в монитор и шептал. Через пару секунд он оторвался и повернулся ко мне.

– Не сразу. Но буквы показались мне знакомыми – не знаю, почему. Я просто смотрел – а потом начал вспоминать, как что читается, что означает.

– Зак говорил, что ты особенный. И вёл себя, так, заинтересованно. А тебе он не понравился.

– Не понравился. Мутный он, не доверяю. Хотя чувствую, что сейчас никакой угрозы нет, всё должно быть нормально.

– А что ещё чувствуешь?

– Что я здесь не зря.

– В смысле?

– Прямом. Не знаю, что это: параллельный мир, другое измерение, планета... Но, кажется – мне есть, что здесь делать. А там – уже ничего. Я всю жизнь, везде чувствовал себя чужим. Здесь тоже. Но этот мир мне как-то роднее, что ли...

– Ты здесь всего несколько часов, как ты можешь об этом судить?

– Чувствую. Какая разница, как? Я хочу остаться.

– А я вот – хочу уйти, но не знаю, как. Зак говорил, что просто так из мира в мир не попасть. Это доступно далеко не каждому, что мне кто-то помог прийти сюда. Похоже, что это ты.

– И ты хочешь, чтобы я помог тебе уйти обратно?

– Да, но сначала хочу посмотреть, на что же ты способен. Да и сам хочу научиться. Ты, кстати, не знаешь, что с Серёгой?

– Когда виделся с ним, за несколько часов до того, как попал сюда – всё было в порядке.

– Последнее время, всё чаще его вспоминаю. Странное беспокойство: иногда кажется, что он рядом.

– Да он сам странный – поди узнай, что у него в голове творится.

– Это можно сказать про каждого.

– Ты же понял, о чём я. «Свои тараканы» есть у каждого, вопрос – у кого их больше. Всё с ним нормально – он не дурак, каким кажется вначале. Мне тоже иногда кажется, будто какой-то человек совсем рядом – что в этом такого? Знаешь

ведь – есть такая теория, что всё происходит в один момент и в одной точке.

С некоторым удивлением, я посмотрел на Дрона. С ним что-то происходило. Да... И это «что-то» – всё заметнее. Изменилась манера общения: если раньше он казался «психованным», теперь стал почти спокоен. Даже интонация речи поменялась. Упоминание же, о чём-либо связанным с наукой – я слышал от него впервые.

– Да, конечно. Теорий много. Не знал, что ты этим увлекаешься.

– Я и не увлекаюсь. Просто читал, когда-то. Хотя, признаться, раньше мне это было безразлично. А сейчас читаю историю этих Гридов, повстанцев, погибшей цивилизации – интересно. Ничего, вроде, особенного – за исключением непонятных и забытых технологий – а хочется узнать больше, понять, как всё было устроено. У нас ведь тоже много написано про тайны ушедших и забытых древних цивилизаций... Но, меня это никогда не интересовало. Казалось, всё равно толку нет.

– А теперь, значит – есть? Тут ведь тоже немного сказано – только краткая история. А описания технологий нет.

– Зато будит воображение и желание знать больше. Я начал что-то чувствовать. Что-то странное – будто могу сделать такое, чего раньше и представить не мог. Со мной ведь, и правда, что-то происходит. Или это чувствую только я?

– Да, ты изменился. Здесь, вообще, всё меняется – со мной тоже творится непонятное. Только я думаю, что это, скорее – моё воображение бесится.

– Ты стал ещё более задумчивым. Как обычно, пытаешься понять мир?

– Вроде того. Надо отвлечься... Что ты собрался делать теперь?

– Пытаться понять, что со мной происходит, какие у меня возможности. Жаль, что доступ к разделу библиотеки, в котором говорится о сверхвозможностях, закрыт.

– К Заку?

– Нет, к нему мы зайдём позже. Карта аномалий доступна, пойдём к ближайшей.

—///—

Холодно... Я зевнул и потянулся. Оксана снова оставила окно открытым... Оксана?! Я приподнялся на кровати, пытаюсь вспомнить последние события. Оксана не появлялась уже около недели... Вернулась? Я встал, одёргивая и поправляя рубашку – снова заснул в одежде. Окно, действительно, оказалось открытым, на подоконнике лежала записка: «Серёжа, я уезжаю в другой город. Спасибо, что не выгнал, как буду на месте, устроюсь – сообщу». Странно, она никогда не оставляла записок – просто исчезала, не предупредив. Я взгляделся в строчки, зачем-то повернув записку, и посмот-

рев под острым углом. Почерк её, по стилю – тоже, вроде бы, она... Оставлять окно открытым – её привычка. А вот записка... Странно, на неё не похоже. С другой стороны, всё, связанное с ней – странно. Телефон! Так, куда я его дел... С минуту поблуждав по квартире в поисках, я нашел его в кармане надетых брюк. Конечно... Где ж ему ещё быть. Обругав себя за несообразительность, я полез в список контактов, поглядывая на индикатор почти разряженной батареи. Начав набирать нужный номер, телефон предательски запищал и отключился. «Хорошо хоть – точно помню, где оставил зарядку для него», – думал я, открывая ящик стола – но, в нужном месте её не оказалось. Так... Я вспомнил, что мы с Оксаной пользовались одним и тем же зарядным устройством, из-за того что её сломалось. Выходит, она его забрала... Снова чертыхаясь, я пошёл на кухню. Поставив чайник кипятиться, я проверил внутренности холодильника. Хоть здесь обошлось без сюрпризов: ничего приготовленного, зато в морозилке остались пельмени. Отсыпав в чашку нужное количество и залив кипятком из только что вскипевшего чайника, я закинул их в микроволновку. На кухне остался знакомый запах от ароматизированных сигарет – Оксана курила такие. Но чувствовался и другой, который я не сразу заметил. Пепельница была чистой – это обстоятельство только добавило тревожности к чувству, что что-то не так. Пельмени сварились. Достав тарелку и начав медленно поглощать её содержимое, думая о том, что же случилось, я вдруг понял, что

не помню ничего конкретного, что происходило в последние дни. Перестав жевать, я замер на миг, попытавшись вспомнить. В голове начали появляться размытые образы, и тут воспоминания резко вырвались наружу. Я вспомнил неожиданно много и сразу, а, самое главное – образы стали чёткими, вначале я даже был уверен, что это происходило на самом деле. Но, чем больше вспоминал, тем больше происходящее казалось нереальным. А ещё я вспомнил, что где-то у меня валялось универсальное зарядное устройство, и снова отправился на поиски. «Лягушку» я нашёл почти сразу, даже чуть удивился, но радость была недолгой – зарядить аккумулятор не получилось. Спустя секунду я вспомнил, что она сломана: как обычно – я забыл её выбросить, закинув в дальний ящик стола. Чертыхнувшись в который раз, я пошел обратно на кухню – доедать уже остывшие пельмени. Придется купить новую зарядку... Телефон в кармане задрожал, будто пришло СМС. Я вытащил его рефлекторно, с недоумением посмотрев на пустой экран – и «понял, что ничего не понимаю». Или я сплю, или схожу с ума – уверен, мне не показалось. Всё это не столько пугало, сколько раздражало – я не понимал, что происходит, и не представлял, что же делать. Всё казалось бессмысленным и глупым, не приносящим желаемого результата. Оксана сейчас обвинила бы меня в пессимизме, сказав что «так нельзя». Не в укор, а скорее, с сожалением, желанием подбодрить – она прекрасно понимала подобные состояния, ведь часто сама в них бывала, хоть и

отрицала это. Интересно, куда она направилась на этот раз? Хотя, зачем мне это знать? Совершенно незачем... Я чуть тряхнул головой, выходя из оцепенения: иногда я «замираю» на несколько секунд – когда задумаюсь о чём-нибудь, или устану. Надо сходить к Валерке – возможно, у него найдется, чем зарядить аккумулятор. А может, и ещё что-нибудь найду.

—///—

С любопытством наблюдая за Дроном, я поймал себя на мысли, что мне становится безразлично происходящее и грядущее. Раньше я не понимал Серёгу, когда он рассказывал о подобном – теперь начинаю. Как может быть всё равно? Зачем тогда делать что-либо? Может быть, что-то упустил из виду? Может быть... Но это уже неважно. И странно: ведь я понимаю, хорошо осознаю, что я делаю, знаю, для чего. Значит – не совсем безразлично... Но, чёрт возьми – зачем, зачем это нужно мне самому?! Я не раз попадал в ситуации, когда становилось неясно, что будет дальше, когда чувствовал свою беспомощность. Что тогда было иначе? Поддержка других? Чушь – я всегда надеялся только на себя, хоть и дорожил теми, кого принято называть друзьями. «Принято называть», – я никогда не произносил такого вслух, употребляя это выражение только для «личного пользования». Я всегда старался не надеяться ни на кого, не привязываться

– поэтому всегда избегал считать кого-то другом. И, хоть не раз думал, что обманываю сам себя – прогонял такие мысли. Прогонял... Кажется, я понял, что не так. Я боюсь. Не столько за себя, сколько за Дрона с Серёгой – неожиданно я осознал, насколько же мне дорого то, что они были рядом. Понятно, откуда эта ноющая тоска, но откуда взялась отречённость? Должно же быть наоборот! Психологическая защита? Тогда это «страусова тактика» – природа явно сгруппировалась – кому нужна такая реакция на проблемы.

– Валерка, ты где!? Заснул, что ли?

Я повернулся к Дрону. Как же много в нём поменялось... Вроде он, а вроде нет. А может, и правда – не он? В свете последних событий, мысль не казалась абсурдной – я начал привыкать к невероятным, на первый взгляд, вещам. Можно ли доверять своим глазам? В допустимости такого я сомневался и раньше, чего уж говорить о нынешней ситуации.

– Нет, просто задумался.

– На этот раз, видимо, особенно глубоко – я к тебе уже пару минут обращаюсь. Смотри, что у меня получается.

– Я тебя не узнаю, Дрон.

Дрон не слышал: стоя ко мне спиной, он подбирал с земли камни и кидал их в небольшую аномалию: воздух над ней «плыл», а в центре было темнее, чем вокруг. Этакая, «недо-чёрная дыра»: залетая в темную область, камни исчезали.

– И при чём здесь ты?

Дрон не ответил – только поднял следующий камень, не прикасаясь к нему, указывая рукой направление. Через секунду – камень вылетел из аномалии обратно, прямо в руку к Дрону, он подбросил его, «подвесив» в воздухе, после чего начал описывать им окружность.

– Впечатляет. Что ещё можешь? Просто кидать камешки – мало толка.

– Не скажи – смотря куда, или в кого, кинуть, – Дрон резко махнул рукой. Пролетев полусотню метров, камень сломал довольно толстую ветку дерева, – Видал? А двигать можно что угодно, не только камни.

– Телекинез, значит. Зак рассказывал, что у них есть особая группа, которая занимается телекинезом, пирокинезом и телепатией. Говорил, что успехи небольшие – интересно знать, какие? Что они могут, что можешь ты, насколько отличаешься?

– Валера, ну не говори ты, как робот.

– Я всегда так говорил, уже отвык?

– Отвык, видимо. Пирокинез – это воспламенение взглядом?

– Можно и так сказать, хотя – взгляд тут, вряд ли, при чём. Главное, что ты понял основную мысль. Сможешь так? Поджечь что-нибудь дистанционно?

– Попробую.

Дрон «подвесил» ещё один осколок и пристально в него взгляделся, от породы начал подниматься пар (совсем недавно прошёл дождь, и всё вокруг было мокрым), ещё секунда – и камень покраснел. Дрон тоже покраснел – начал тяжело дышать, засопел.

– Да, хватит уже – вижу, можешь.

Камень упал, Дрон перевёл дыхание.

– Ну уж нет, я хочу больше.

Теперь он не стал «подвешивать» камень в воздухе – просто положил перед собой, и начал сосредоточенно смотреть. С минуту ничего не происходило. Камень, в отличие от Дрона – больше не менял цвета. Собравшись уже предложить передохнуть и не мучить себя, я осёкся – слова застыли на языке – камень потёк. Сначала он стал заметно более плоским и широким, а затем – растекся по сторонам, превратившись в лужу.

– Вот это уже действительно... Здорово.

– А то, что вначале делал – значит, нет? Сам бы попробовал.

– То тоже, но... В общем, ты понял.

– Понял. Ты хоть удивился по-человечески – впервые тебя таким вижу.

– Пошли назад?

– Пошли. Это, и правда, выматывает – нужно будет чаще тренироваться.

—///—

Накинув куртку, я вышел из дома. Снова начал моросить дождь, небо затянуло, становилось прохладно. Зато ветра почти нет, это радует – можно спокойно пройтись. Я вспоминал, что мне снилось, и думал, насколько это реально. Может быть, подсознание просто подкидывает мне то, что я хочу видеть? А я хочу найти друзей... Но вдруг – всё правда? То, что полгода назад казалось сном, сейчас начало принимать реальные очертания. А то, что казалось реальностью – на проверку, оказалось сном... Я опять «завис» – и чуть не налетел на какого-то парня, что шёл передо мной. Зайдя в подъезд и поднявшись на один этаж – я почувствовал какое-то странное ощущение, похожее на то, которое появилось, когда рассматривал картинки из Валеркиной программы. Показалось, будто кто-то толкнул меня вперёд. Черт пойми, что творится. Поднявшись на нужный этаж и бросив взгляд на дверь, я вздрогнул – на ней мне привиделись глаза. Те самые, из сна – холодные, жёлтые, с красными прожилками. На секунду я замер, после – отвел взгляд, и тут же, снова посмотрел на дверь. Конечно, ничего необычного на ней не было. Чертовщина... Будто пересмотрел дешёвых ужастиков – мерещится всякая дрянь. Захотелось развернуться и уйти

– только бы не находиться здесь. Это напоминало забытый уже, детский страх темноты: глупо, но, всё равно, не по себе. Зайдя в квартиру, рефлексивно – я озирался и заглядывал в тёмные углы. Я не стал ничего искать, как хотел вначале – сразу включил компьютер и запустил и программу, надеясь на «откровение». Я хорошо запомнил то чувство – будто мне известно всё. И ведь я, действительно, «видел» больше. Кто знает, может – повезёт увидеть ответ? Чуть покопавшись в настройках программы, я обнаружил «звуковое сопровождение» и включил его, выставив всё на максимальный уровень, надел наушники. Посмотрим... Я задержал курсор над кнопкой – подумав, что может эта программа, когда работает в полную силу. Подавив секундное замешательство, я кликнул «Запуск». По экрану поплыли цветные разводы, в наушниках я ничего не услышал. Казалось, всё как обычно, но... Изображение вышло за пределы монитора, послышался гул, вперемешку со щелчками и посвистыванием. Я отвернулся, но перед глазами продолжали плыть радужные разводы – будто я смотрел на мир через мыльный пузырь. Гул то нарастал, то стихал, по комнате побежали огоньки – совсем как те, что я уже видел на пустыре. Стоило мне подумать, как я оказался там – возле того самого дерева. Мгновение – и я снова в комнате, ещё миг – я у себя дома. Оксана! Где?! Я оставался у себя дома. Может, я могу переместиться только туда, где уже побывал? И перемещаюсь ли я, в действительности? Может, я всё ещё сижу перед компьютером... Храм!

Вот куда мне нужно. Я оставался в комнате. Выдохнув и зажмурившись, я постарался вспомнить его в деталях, вспомнить ощущения, которые испытывал там.

– Да хватит уже.

Я открыл глаза. Получилось! Я стоял в Храме.

– Макс?

– Он самый.

– У меня получилось!

– Молодец. А что дальше? Что ты намерен делать?

– Я думал, ты мне поможешь...

– Ты, видимо, не понял меня: помочь себе – можешь лишь ты сам; научиться чему-либо – можно только испытав это на своей шкуре. Чего ты хочешь? Думай об этом, рисуй свой мир! У тебя уже начало получаться. Только будь осторожен, ты на грани. Опасный путь, хоть и может оказаться самым быстрым. Отдохни сейчас, прогуляйся. Слушай себя, слушай мир, растворишься в нём. Всё уже сказано – и ты знаешь всё, только вспомни. Не спрашивай, как – у каждого своя дорога.

Это чуть раздражало. Хотя, всё верно – только ты можешь знать, что тебе надо. Сам так сам, что-нибудь – да получится. С чего всё началось? Лодер, горящая хибара... Глаза. Вот! Вот это я и хотел бы узнать: почему они мне мерещатся; есть ли они на самом деле и если есть – где находятся. Я не заметил, как дошёл до того места, где впервые появился здесь.

Полуразрушенная хижина, обгоревшие доски... Отсюда меня вытащил Лодер. Кажется, я так и не поблагодарил его за это... Почему я оказался тогда именно здесь? И мог ли умереть? Наверное, теперь не стоит думать об этом. Где-то здесь должен быть город. Но где? Отсюда ничего не видно. Присев, я оперся спиной об уцелевшую стену сарайчика. Что делать? Идти туда, куда подсказывает чутьё? Не очень-то я ему доверяю – что бы там ни говорили. Вернуться в Храм? Если уж там исполняются все желания... Почему нет? Не хочется туда возвращаться. Может, так найду? Я посмотрел вдаль, приметил ориентир и «захотел» очутиться около него: зажмурился, через секунду открыл глаза. Всё получилось – я появился там, где захотел, вдали виднелся сарайчик. Но что делать? «Прыгать», таким образом, наугад? Надеюсь, что «куда-нибудь – попаду»? Это может очень долго продолжаться. Интересно, а я могу летать? Ведь, посмотрев с высоты – можно быстрее найти город. Я мысленно «потянулся» вверх, попрыгал. Жаль, взлететь не удалось – я снова пошел, не торопясь. Бежать и даже, «прыгать» – никуда не хотелось. Просто пройтись, выкинуть всё из головы, «впитать» в себя этот мир. Макс говорил, что Миры тоже могут разговаривать... Или это говорил не он? Солнце садилось, на горизонте начали проступать очертания города.

– И что ты собираешься делать дальше?

– Спать. А потом снова в поле, тренироваться.

– Ты так и собираешься – всё делать наугад?

– А что такого? Так интереснее, пока я не вижу причин поступать иначе. Как только почувствую, что мне не хватает знаний – начну искать. Но пока я будто знаю, что делаю. Словно вспоминаю.

– Вспоминаешь? Да, конечно... Я ведь сам о таком говорил. Ну, как знаешь, я пока пойду. Ты здесь уже освоился. Кажется, даже лучше меня – не пропадёшь.

Дрон действительно освоился лучше меня, хоть находится здесь только пару дней. Зак говорил – «тебе помогли». Теперь я, похоже, знаю – кто. Никогда бы не подумал, что Дрон на такое способен. Обычный, чуть психованный парень, «со своими тараканами» – здесь сразу стал спокойнее, рассудительнее... И получил способности, которые не назовёшь иначе, как фантастические. Как будто пришёл в давно покинутый, забытый дом... Пришёл – и сразу начал вспоминать свою забытую жизнь. Что самое интересное – он не хотел, в отличие от меня, попасть в другой мир. Во всяком случае, никогда не говорил о таком. Я хотел – и попал. Но я, очутившись здесь – успокоился и начал терять интерес ко всему. Он же, наоборот: там – прожигал жизнь; а здесь – будто, наконец, нашёл смысл... Поневоле задумаешься: «на своём ли ты месте?». Может, и правда – у каждого есть своё

предназначение? Если ты нужен миру, он сам подтолкнёт тебя к действиям, если нет – ты станешь просто пешкой, сонной мухой... И ничего не изменить. Бред. Нет, не может так быть! Не должно. Не может быть одного варианта развития событий, их всегда множество. Даже если у мира есть разум... Ничего не может быть точно предрешено. «Каждый имеет только то, что заслуживает» – я ведь не раз убеждался в этом. И снова забыл, снова завяз, как когда-то – в ворохе мыслей о том, что ничего, по сути, не нужно... Ну уж нет. Я хорошо помню – так уже было: когда казалось, что никто тебя не понимает и всё против тебя. Тогда я увлёкся физикой... Мне было скучно, и я строил свой собственный мирок. Потом – встретил Дрона. Он сделал меня смелее, дал надежду – скорее, ориентир, пример того, что воля не менее важна, чем мозги. Даа... Я помню. Где-то во мне всё ещё сидит тот, четырнадцатилетний пацан, который боится всего вокруг, никуда не делся. Вот и показался снова. Что ж, здравствуй – давно не виделись. А теперь – уходи обратно. Мне ещё многое предстоит сделать, хоть не знаю пока, что. Но я найду. Всё это время я сидел в кресле, с закрытыми глазами. Я то вспоминал своё прошлое, то рисовал образы будущего... Вернее, тоже вспоминал, каким я представлял себе будущее тогда, давным-давно. Сейчас это казалось смешным. Когда я открыл глаза, напротив меня сидел Зак.

– Извини, что подслушал. Но ты так громко всё выкрикивал...

– Выкрикивал?

– Мысленно, конечно. «Громко» – не совсем правильно, у мысли нет громкости. Но можно почувствовать эмоции и их силу.

– Чувствую себя рыбкой в банке: всё вокруг непонятно, искривлено, а сам я как на ладони. Ты все мои мысли читаешь?

– Конечно, нет – только некоторые, иногда. Тебя интересно слушать – ты мне чуть напоминаешь меня самого, в юности.

– И что интересного услышал?

– Ты действительно считаешь, что каждый имеет только то, что заслуживает?

– Да, а разве ты не можешь почувствовать, как я считаю на самом деле?

– Могу, но мне хочется спросить тебя так, поговорить. Это ведь неправда – не всегда люди получают только заслуженное.

– В подавляющем большинстве случаев – это правда. Исключениями можно пренебречь. Я знаю, что некоторые мои убеждения радикальны, сам не люблю крайности, но иногда они необходимы.

– Для чего?

– Для того чтобы жить – они дают ориентиры, прибавляют сил.

– Они тебя ограничивают.

– Человек не может жить без ограничений: чтобы что-то решить, ему нужно принять определённую точку зрения, а значит отвергнуть другие. То есть – в чём-то себя ограничить.

Зак засмеялся.

– Да, Валерий... Ой, прости – Трэшк. С тобой интересно поговорить. Простые, избитые темы – но я скучал по ним. Только добавлю от себя: старайся не забывать, кто ты, зачем ты что-то делаешь. Всё, мне ещё нужно генератор настраивать, хочешь – заходи. Посмотри, кстати, раздел энергетики в библиотеке – пригодится.

—///—

Уже начало смеркаться, быстро холодало, в городе начали зажигаться огни. Я хотел посмотреть на город издалека, и поэтому просто шёл. Шёл и наблюдал, как то тут, то там – свет вспыхивает в окнах. Странно, дороги не торопились освещать. Конечно, ещё не так темно, но всё-таки... Вдруг, всё небо над городом начало светиться, будто там отменили ночь. Я сразу вспомнил, что уже слышал о таком – кто-то из наших, Земных учёных, предлагал подобное. Я не стал пытаться сразу же «прыгнуть» в город, а начал двигаться к нему рывками, по несколько километров за раз. Когда я оказался уже достаточно близко, то снова пошёл.

– Решил пройтись?

– Лодер? Как ты меня находишь? Следишь?

– Это совпадение.

– Что ты постоянно делаешь за городом?

– Мне здесь лучше.

– В смысле – лучше чувствуешь себя, вдали от города?

Или, в каком-то конкретном месте?

– Вдали.

– А живёшь ты где?

– Везде.

– То есть? Везде, где ночь застанет?

– Да.

– Как тогда на жизнь зарабатываешь?

– Рассчитываю вероятности.

– Тотализатор? Играешь?

– Нет, давно уже не играю. Но есть люди, которые готовы хорошо заплатить за то, чтобы узнать вероятность того или иного события в их жизни.

– Ты это тоже считаешь в уме? Как со временем?

– Нет, такому я ещё не научился. Но работаю над этим.

– Где этому учат?

– Нигде, ты сам находишь способ.

– В Храме?

– Я начинал с Храма – там очень просто включиться в поле. На самом деле, это можно сделать везде.

– Что ещё умеешь?

– Усыплять.

– Что?

Лодер махнул рукой, в глазах потемнело. Казалось, всё случилось за одно мгновение – я совершенно не почувствовал, что прошло несколько минут – но, когда открыл глаза, мы уже были в городе, я сидел в каком-то парке, Лодер прилежался в полуметре от меня.

– Я спал? Сколько прошло времени?

– Пятнадцать минут. Да, спал.

– Где мы?

– Парк пяти.

Интересное название... Я решил повнимательнее осмотреть это место, после чего название стало более понятно: в парке стояло пять статуй, расположившихся одним ровным рядом – «шеренгой». Одна резко отличалась от других, она изображала человека в балахоне с капюшоном. Остальные были в более привычной одежде: двое в почти одинаковой, военной форме; двое – в обычной, штатской.

– Кто это?

– Ассамблея пяти. Но их называют и по-другому: Новыми людьми, или Спасителями; Сворой, или Палачами... И все правы.

– Что они делали?

– Ничего особенного – боролись за власть, давали миру

новую идеологию, разрушали старую. Это были революционеры, лидеры сопротивления.

– Война?

– Нет, война была до этого, а восстание – почти через сто лет.

– И революция победила...

Я замолчал. Война, восстание, революция... Не хотелось об этом думать. Всё казалось таким чужим, нереальным. Хотелось забыть всё разом и проснуться у себя дома. Но что-то держало меня, будто чувствовал: где-то здесь – должна быть разгадка. Пойму, где я – узнаю, где Валера и Дрон. С чего бы, только, начать... Где искать? Просто походить, пока? Может, что и придёт в голову. В животе забурчало – вот и повод пройтись: найти, где перекусить, заодно – посмотреть город.

– Лодер, где у вас тут можно поесть?

– Здесь, недалеко. Только чем ты будешь платить?

Об этом я не подумал. Деньги у меня были, но здесь, вероятно, от них никакого толка... И ещё – до сих пор непонятно, где я нахожусь на самом деле, где моё тело?

– Да, не подумал об этом. Мне нужно домой.

Я зажмурился, представляя свой дом. Из памяти выплыл образ Оксаны, тот момент, когда она рассказывала мне о сво-

ём брате. «Отмахнувшись» от видения, я открыл глаза. Видение не ушло, оно ожило: я – будто попал в воспоминание. Вот Оксана, а вот я – сижу на корточках, держу её за руки... Чёрт, быстро отсюда! Я снова сидел в парке, только Лодера нигде не было видно. Похоже, я могу проходить сквозь время. Раньше – я обрадовался бы такому умению... Но, не сейчас – возможность запутаться во временах, из-за того, что не смог правильно представить желаемого, пугала. Спокойно... Успокоиться и чётко представить цель – вот что мне сейчас нужно. Я выдохнул, закрыл глаза, и представил комнату Валерки, постарался вспомнить ощущения, когда я был у него дома. Всё получилось – открыв глаза, я обнаружил себя на кровати у Валеры в комнате, рядом шумел компьютер. Ещё раз выдохнув, я рухнул на постель и уставился в потолок – стараясь, даже, не моргать. Закрывать глаза я уже опасался.

—///—

«Энергетика» – компьютер мгновенно выдал ответ на запрос. Топливная энергетика, бестопливная энергетика, преобразования Тика... Я бегло просматривал заголовки. Основной способ получения энергии сейчас – процесс Эльдмана, в суть которого я так и не смог вникнуть. Нечто похожее на пресловутый «холодный ядерный синтез», вода использовалась в качестве топлива. Когда-то это был идеальный способ, но, со временем, даже воды стало не хватать, а потребление

ние всё ещё росло. Сейчас люди научились экономить, энергии требуется меньше, но проблема осталась – всё ещё нужна вода и водород, которые с каждым днем становятся ценнее. Бестопливная энергетика: ветряки; солнечные батареи; канувшие в небытие ГЭСы и приливные электростанции... Всё это всегда помогало, но не могло полностью удовлетворить слишком прожорливое человечество. Старые станции доживали свой век, а новые никто уже не собирался строить. То, над чем работали Зак, СинГрид, и ещё несколько (всего – около десяти) учёных – было новыми технологиями. Основоположником указывался некто РойНидс – который утверждал, что всё пространство заполнено энергией, нужно только найти способ её добычи. О его генераторе ходили легенды, но никто так и не узнал, как он работал. В то время, когда он жил – никто не воспринимал его всерьёз, ведь острого дефицита ещё не наблюдалось. Когда же потребность появилась – никто не смог повторить его опытов, записи всех работ бесследно исчезли. «Ну, ещё бы...» – сама собой родилась мысль – глупо было бы ожидать другого. Возможность черпать энергию из ниоткуда – мечта одних и кошмар других. Впрочем, нет – от такой возможности никто бы не отказался. Другое дело – кому-то очень не хотелось, чтобы о такой технологии знали все. Я продолжал пролистывать страницы, вглядывался в строчки и пытался понять – какой сейчас толк, в прочтении всего этого. О новой энергетике почти ничего не было сказано, даже описания принципов произ-

водства, не говоря уже о схемах – только названия, которые мало о чём говорили. Или, я снова чего-то не понимаю?

– Опять в библиотеке завис! Что читаешь?

Я вздрогнул и обернулся – совершенно не заметил, как Дрон вошёл.

– Энергетику. А ты чего кричишь? Выспался хорошо?

– Отлично, давно уже так не спал. Вот у тебя – вид не важнецкий. Будто недосыпаешь уже неделю. Или месяц...

– Всё верно, так и есть – я давно перестал высыпаться.

– Так спи, кто не даёт? Сам в библиотеке сидишь.

– Сплю я столько же, сколько и раньше, просто не высыпаюсь. Да это и неважно. Ты что сейчас делать собрался?

– Поем – и на пустырь.

– Скажешь, как пойдёшь – вместе отправимся.

– Хочешь посмотреть ещё раз? Я сегодня подальше пойду, к другой аномалии.

– Хочу. Может новые мысли появятся.

– О чём?

– Обо всём.

– А-аа, так ты хандришь, паря. Прогнать тебя до аномалии бегом – отвлечёшься. Лучший отдых – смена работы, так ведь?

Дрон смеялся и беззлобно подшучивал надо мной. Нда, не так давно, всё было наоборот: он хандрил, а я «лечил его всякой чушью». Вылечил... Теперь он говорит мне то, что

говорил ему я. В этом, действительно, есть ирония.

– Так, так. Всё верно. Можно и пробежать.

– Тогда пошли, то есть – побежали.

– Ты ведь есть хотел?

– Да, но, бежать с полным желудком – затея для идиотов.

И правда... Невольно, я поставил на место идиота себя самого. Разболтался я, в последнее время – ни фантазии, ни идей... Ни внимания. Что творится? Хотел другого мира – нашёл и расслабился? Мол, цель достигнута? Нет, скорее уж – разочаровался: всё оказалось не так, как представлялось. Мне бы идти, искать дальше, но что-то держит. Что? Что за мрачное притяжение у этого мира, что я упускаю?

– Ну, чего завис? – Дрон хлопнул меня по плечу. – Побежали!

Всё верно – незачем, ни к чему эти раздумья сейчас. «Вперёд – и горе отстающим!» – когда-то, это почти стало для меня смыслом жизни. Самое время вспомнить.

– Побежали.

—///—

Несколько минут я просто лежал и смотрел в потолок. Поднявшись, наконец, я подошёл к компьютеру. По экрану бежали цветные разводы, из динамиков всё так же доноси-

лись щелчки и треск с гулом. Закрыв программу, я выключил компьютер. Медленно приходило осознание того, что произошло. Вам случалось одновременно испытывать чувство радости и страха, граничащего с паникой? Нечто подобное я ощущал сейчас. Это был шанс! Реальный шанс найти Дрона, Валерку. И не только их. Я мог получить ответы на всё. А мог и не получить. Не было никаких гарантий, что я найду именно то, что нужно – ведь я даже не мог представить масштабов всего, что мне открылось. Но понимал – я не смогу оставить всё, как есть. Я буду искать, иначе – не смогу спокойно жить. Что делать сейчас? Домой! Нет, сначала в магазин – для телефона нужна зарядка. Я быстро собрался и выбежал из дома, чуть не сбив прохожего по дороге. Кажется, я его уже видел... Завизжали тормоза.

– Ты, придурок! Куда чешешь? Жить надоело?

Теперь чуть не сбили меня. Надо смотреть за дорогой, так ведь, и правда – недолго залететь под машину.

Первый салон, где торговали мобильными телефонами, был закрыт, в магазине рядом – не оказалось подходящего мне зарядника. Не так уж страшно, по дороге к дому есть ещё несколько мест, где я могу поискать то, что нужно. Но вот то, что мои поиски начинаются с неудач – заставило насторожиться. Когда в жизни происходят необъяснимые вещи – начинаешь замечать то, на что раньше не обратил бы внимания, беспокоиться из-за мелочей. Нужное зарядное устрой-

ство нашлось в предпоследнем павильоне мобильной связи. Хорошо хоть, нашлось... Что-то не так – это чувство всё чаще напоминало о себе. Посмотрев по сторонам, я перешёл дорогу – вот и дома. На лестнице я столкнулся с Оксаной. Она спускалась, мы одновременно остановились и в один момент начали говорить.

– Привет.

– Ты ведь уехала?

– Я вернулась.

– Ты снова сорвалась, ничего не сказав. Куда ты постоянно убегаешь?

– По делам.

– Исчерпывающий ответ.

– А какой ты хочешь услышать?

– Хочу знать, куда ты пропадаешь и что, вообще, тебе нужно.

Повисла короткая пауза, Оксана почти неувлимо менялась в лице – она старалась скрыть волнение. И, будь перед ней другой – вполне возможно, что ей бы это удалось.

– Дай пройти – твёрдо сказала она и сделала шаг навстречу. В этот момент мне даже захотелось посторониться, но я только больше загородил ей путь.

– Нет, ты не уйдёшь сейчас.

Оксана удивлённо посмотрела на меня.

– И что ты собрался делать? Удерживать меня? Я думала, ты понимаешь, что это бесполезно.

– Я никогда никого не держу.

– Тогда за...

– Я только хочу знать – почему? Что не так, что происходит, в конце концов? Зачем? Или я просто конченный идиот, что не понимаю?

– Пусти.

Оксана просила – уверенность, будто бы, пропала. Я обнял её, прижал голову к себе и сам чуть склонился.

– Знаешь ведь, что не откажу... Но прошу, постой. Кто я для тебя? Только «удобный человечек»? Тот, кто всегда выслушает и не прогонит? Или, все же, больше?

Оксана отстранилась от меня. Похоже, её задело то, что я сказал. Я редко видел её такой – на лице читалась растерянность.

– Зачем... Зачем ты спрашиваешь это?

– Разве не очевидно?

– Да... Очевидно. Но я думала... Думала, ты понимаешь меня.

– Когда-то я тоже так думал.

– И что случилось?

– Ничего. Просто осознал, что ошибался. Никого невозможно понять до конца, но мне казалось, что я понимаю тебя – хотя бы отчасти. Казалось...

– Понятливый... И что решил? Порвать все отношения,

если не сможешь понимать дальше? Да ты просто зациклен.

– А ты – начинаешь уходить от разговора. Я повторяюсь, да. Я повторяюсь, у меня скудный словарный запас, не самая лучшая память, наплевательское отношение к жизни, и вообще – я мало что значу. Но речь не об этом.

– Ты хочешь знать правду.

– Да.

– И не боишься того, что эта встреча может стать последней для нас...

– Боюсь. Я не хочу этого. Но другая перспектива – мне не нравится ещё больше.

– Какая перспектива?

– Ждать неизвестно чего.

– Ты думаешь, мне это... Нравится? Не знать, что будет дальше – и бояться завтрашнего дня? Делать то, чего не хочется – и успокаивать себя тем, что «так надо»? Плевать на всё и идти дальше... Зачем? А затем – что иначе нельзя.

– Ты не на всё наплевала, раз «иначе нельзя».

– Не цепляйся к словам...

– Прости. Мне потому и казалось, что понимаю тебя – я мыслил подобным образом. Я и сейчас думаю так же. Только я знаю, что можно иначе.

– Можно, если хочешь всю жизнь сидеть в грязи.

– Ты всегда будешь в ней сидеть, только каждый раз – называться она будет по-другому.

– Конечно, конечно... Не надо демагогии.

– А вот в этом наша разница. Мы похожи – только ты, всё ещё, максималистка.

– Я реалистка.

– Всё нам только кажется.

– Да, да. Слышала, рассказывал уже. Каждому своё. Хочешь думать, что кругом иллюзия – пожалуйста. А я так не хочу.

– Вот ты и сказала то, о чём я догадывался. То, что хотел и что боялся узнать. И ещё кое-что понял.

– Что?

– Да какая разница. Это уже не имеет значения. Спасибо. Спасибо тебе, Оксана, за все. Честно... Ты долго была моим... Моей... Светом, надеждой... Воздушным замком... Жила в моих фантазиях, мечтах о лучшей жизни. Сколько времени прошло с тех пор... Глупо всё. Я не жалею, нет. Спасибо. И прости, если что не так.

– Ты никогда этого не говорил...

– А зачем? Я не люблю разбрасываться словами. Не верь словам, смотри на поступки – они скажут больше. И то – даже им, не всегда можно верить. Я достаточно долго показывал, что ты не безразлична мне. Если ты не понимала такого отношения – значит ты просто не тот человек, который мне нужен. Если понимала – всё ещё хуже.

– Так категорично...

– А что не нравится? Ты тоже категорична, только в другом. Всё правильно, все всегда идет правильно.

– Фаталист.

– Нет, я не верю в судьбу.

– А что тогда?

– Я убежден, мы сами вершим свои судьбы. Именно поэтому – всё идет, как должно идти.

– Каждый имеет только то, что заслуживает? Валера...
Гад.

– Нет, я всегда так считал, только выражал иначе, не как он. Когда-то я задавал себе вопрос: «За что?». Задавал – и не находил ответа. Я помню эту тоску и отчаяние, помню чувство, когда не хочешь, чтобы наступило завтра. И только что-то глубоко внутри – держит тебя на плаву... А потом – приходит злоба, и ты идешь дальше. Всё это не так уж плохо, но постоянно быть озлобленным... Надоедает. И однажды, почти как ты, я плюнул и пошёл дальше – но постарался забыть и не вспоминать то, что мешало, не спрашивать больше: «За что?». Этот вопрос не имеет смысла, точного ответа нет – и не может быть. Улыбнись тому, что было, скажи «Спасибо» – и иди дальше. Я и сейчас, иногда, задаю себе этот вопрос, но быстро забываю. Можно придумать много причин, оправданий и отговорок, только толку от них никакого. Спасибо – за всё. И ни за что. Какая разница? Важно, что есть сейчас и что будет потом. А что будет – во многом, зависит от тебя. Знаешь, когда я начал стараться так жить, я встретил тебя... Как я тогда радовался... Я был счастлив. Но всё проходит. Так и сейчас. И я не хочу ничего удерживать.

– Вот так, просто? Раз – и порвать?

– Поверь, это не просто. Даже странно: другой, на моём месте – и думать бы не стал.

– Откуда ты знаешь?

– Ты прекрасно понимаешь, ты ведь далеко не дура.

– На каждого из нас довольно глупости, чтобы его можно было назвать дураком – так, кажется, ты говорил?

– Да, так.

– И всё...

– Что?

– Ничего, всё правильно.

– Ну... Оксана, ты чего? Когда это ты со мной соглашалась?

– Всегда... Только не говорила.

– Почему?

– Нельзя жить одними иллюзиями – как ты. Нельзя так...

– Ах, это... Когда-то я говорил тебе, почему так считаю. Ты так и не смогла этого принять. И понять.

– Тебя невозможно понять.

– Никого невозможно понять полностью – это ведь очевидно. Но когда люди искренне хотят узнать друг друга, не бегут от непонятного, когда они готовы меняться – всё не так страшно.

– Да... Я знаю. Но так не бывает – ты обрекаешь себя на одиночество.

– Я не хочу иначе. Можешь считать меня идеалистом, ото-

рванным от жизни, или просто идиотом – я не вижу смысла в другом.

– Знаю... Но я так не могу – отказываться от всего и жить одной фантазией.

– Можешь. Только не понимаешь, или боишься... Иначе – ты вряд ли бы со мной общалась.

– Ты слишком наивен и доверчив, видишь в людях то, чего нет.

– Может быть. Все ошибаются... Ты тоже. Это нормально. Иногда мне кажется, что ты не человек: даже готов в это поверить. Люди часто видят то, чего нет... И оттого – совершают ошибки.

– Ну, молодёжь! Чего на лестнице встали? Шли бы на улицу, или хоть на площадке стояли.

– Извините, Андрей Витальевич, уже уходим! – Оксана посторонилась, и «отодвинула» меня.

Это был Дед-Витальич – старожил нашего дома. На удивление бодрый старичок: никогда не видел, чтобы он пользовался лифтом – всегда поднимался на свой, шестой этаж, пешком. А было ему, кажется, около восьмидесяти...

– Откуда ты его знаешь? Ты ведь почти не бывала здесь.

– Чтобы познакомиться с человеком, достаточно нескольких минут, – Оксана начала спускаться. – Или ты, как всегда, ищешь причину?

– Да, интересно знать.

- Мы познакомились на этой же лестнице: я споткнулась тогда, чуть не упала. Он оказался рядом и поддержал меня.
- И всё?
- А что ещё надо? Думаешь, недостаточный повод?
- Как-то всё... Надуманно.
- Так это ты нелюдим, а я общительный человек.
- Да-да... Такой я... Нелюдь.

Оксана промолчала – только улыбнулась. А раньше бы сказала: «опять ты за своё». Пока мы спускались, никто не проронил ни слова, но кажется, каждый сожалел о том, что происходит. Мы почти научились понимать друг друга – подумал я, уже на пороге. Оксана обернулась, посмотрела мне в глаза, я улыбнулся, одновременно сомкнув веки – не в силах ни отвести своего, ни выдержать её взгляда.

—///—

Что ни говори, физическая нагрузка может выбить все лишние мысли из головы. Во всяком случае, на время – пока не привык. Дрон будто не заметил нашей пробежки, разве что дышал глубоко. У меня же – бешено колотилось сердце, я мало что видел перед собой, и пока только жадно втягивал воздух, стараясь ровно и без отдышки дышать через нос.

– Ну как, отвлёкся?

– Хорошо – сказал я на выдохе, всё ещё продолжая при-

ходить в себя.

– Заняться тобой, дрыщ, подтянуть по линии физподготовки.

Дрон всё ещё подшучивал надо мной, а я, уже придя в себя, снова продолжил отмечать, как он менялся. Дрон никогда не употреблял слово «Подтянуть» – в том смысле, как сейчас. Да и «подтягивать» кого-либо – раньше такое занятие едва ли могло его заинтересовать.

– Обойдусь, спасибо.

– Как знаешь.

– Что теперь будешь делать?

– То же самое. Начну с разминки, покидаю камешки, – Дрон сделал паузу, обшаривая глазами место вокруг себя. – Только, побольше.

Найдя подходящий «камешек» (довольно увесистый валун, как минимум полметра длиной) он поднял его, резко направил вверх – настолько высоко, что тот стал едва различим – и «отпустил». Камень быстро летел вниз, Дрон, не отрывая взгляда, следил за ним. Рефлекторно, я начал пятиться. В метре от земли, камень остановился. Я предполагал, что сейчас он начнет плавиться, как в прошлый раз, но камень покрылся трещинами и разделился на множество частей, затем превратившихся в песок, который продолжал мельчать на глазах. Облако каменной пыли поднялось чуть выше, на-

чало медленно вращаться и принимать форму шара – в конце концов, Дрон аккуратно опустил его на землю. Сфера выглядела идеальной – я подошёл и потрогал ее – она была холодной и гладкой, будто отшлифованной.

– Впечатляет. А тебе, кажется, это даже не было трудно.

– Да, намного легче. Это из-за аномалии, здесь подходящая.

– Здесь? А где она?

– Ты не видишь её, но она есть, я чувствую. Аномалии бывают разные – ты сам знаешь. У каждой свой характер и особенности, каждая помогает по-своему.

– Только стоит разобраться в том, какая как помогает, и найти прикладное применение. Летать можешь?

– Здесь – нет, но знаю, где можно попробовать.

– То есть, ты чувствуешь характер аномалии и ту силу, которую она даёт? А почему здесь не попробуешь?

– Именно поэтому и не пробую – потому что ощущаю аномалию и свои возможности вблизи неё. Это надо испытать самому.

– А вдали от аномалий – ты что-нибудь ощущаешь, можешь?

– Могу, но намного меньше, по крайней мере – пока.

– Что дальше? Пойдем к следующей?

Дрон повернулся к каменной сфере, о которой я уже и забыл, пристально посмотрел на неё – и та рассыпалась в прах,

который он тут же развеял, не оставив следов.

– Пошли.

Сделав несколько шагов, Дрон остановился, будто прислушиваясь, затем присел, утянув меня с собой.

– Ты что?

– Смотри вперёд, увидишь.

Через минуту я увидел двух солдат-Гридов, показавшихся из-под обрыва.

– У них там что, военная база? Город ведь в другой стороне.

– Не знаю, ты меня переоцениваешь – я не ясновидящий.

– Похоже, они идут к нам.

– К нам, это я чётко ощущаю. Вот для чего – пока не пойму, надо ждать.

– Они идут без камуфляжа.

– Скоро включат.

– И как тогда за ними следить?

– Я смогу почувствовать и так.

– А если заметят нас? Ты можешь создать маскировку?

– Не знаю, попробую.

Ещё через несколько минут солдаты исчезли, будто растворились в воздухе – я больше не мог ничего заметить. Я вглядывался вдаль, пытаюсь предположить, где идут Гриды,

представить их – но ничего толкового из этого не выходило. Странно, всё-таки: почему Дрон так быстро освоился здесь, получил столько сил, почти ничего не делая? Какой раз я об этом задумываюсь, мысль стала навязчивой... Что это? Неужели, зависть? То, от чего, казалось, уже избавился. Или, как повторял Серёга, «всё всегда идёт правильно»? Закис – получи пинок под зад, стимул к развитию. Всё верно. Дрон слегка толкнул меня локтем в бок.

– Уснул опять? Иди за мной, только аккуратно.

– Они прошли?

– Прогнали, направляются к нам на базу, как и думал.

– А если заметят?

– Не заметят.

– Ты что делать собрался, вообще?

– Снимать штаны и бегать. Валерка, ты почему такой странный стал – что делать, что делать. Сам-то как думаешь?

– Я бы переждал.

– Действовать надо по обстановке. Я бы тоже переждал, но кто знает, что может случиться? Может быть – наше участие, очень даже пригодится. Пока ждём, аккуратно следим. А дальше видно будет.

Ну что ж, будем ждать. Я снова стал вглядывался вдаль, пытаюсь различить Гридов-невидимок, и снова поймал себя на мысли, нет, даже не мысли – чувстве, когда ничего не нужно. Я просто смотрел вперёд – то медленно перемещая

взгляд по горизонту, то переводя его на маленький мертвый городок, под которым спряталась наша база. Удивительно, я никогда его не разглядывал, никогда не бродил там – будто его и не существовало: вышел, дошел куда требуется, сделал своё дело, вернулся, сразу же спустился под землю. Что творится вокруг? Какая разница... Всё равно, там нечего делать. Какой интерес – ходить среди мёртвых камней?

– Где они, куда идут?

– Прошли вход, идут глубже, в город.

– А мы что сидим?

– Чтобы не заметили.

– На базе их уже должны заметить.

– Должны.

– Но почему-то ничего не делают.

– Значит, есть причины – поэтому и я не высовываюсь, пока.

– Так и дашь им уйти? Или – «видно будет»?

– Видно будет. Но думаю – обратно они не уйдут.

– Не дашь?

– Не дадим. За ними, ведь, следим не только мы.

– Ты это точно знаешь?

– Точно, я это чувствую.

– Быстро же ты экстрасенсом стал.

Дрон не стал ничего отвечать, а я продолжил «разглядывать пустоту». Сейчас я уже точно знал, что буду делать, ко-

гда всё закончится – я пойду в развалины города над базой и изучу там каждый закоулок, каждую стену. Когда-нибудь это пригодится, хоть и не знаю ещё, когда.

– Идут.

Я замер и снова сосредоточился, даже дышать начал иначе – глубже и реже. На несколько секунд мне показалось, что я увидел очертания солдат. Только показалось, или вправду видел? Дрон оборвал раздумья – толкнул меня локтем, резко выбросив правую руку вперёд, затем встал, сжав ладонь в кулак. Мне послышалось, как скрипят плотно стиснутые зубы, лицо Дрона начало краснеть, а тело стало бить дрожью, губы зашевелились – будто он что-то шептал. Вдалеке, там, где был ещё один вход на базу, показались две фигуры. Дрон опустил руку, присел, но всё ещё не отводил взгляда от точки, в которую смотрел с самого начала.

– Кто к нам идёт?

Дрон глубоко вдохнул и застыл. Только спустя минуту (или, сколько времени могло пройти?) – он заговорил:

– Это Зак и ещё кто-то. Кажется, обычный боец.

– Ты сейчас сдерживал Гридов?

– Да, закрыл их в кокон.

– А теперь?

– А теперь их держит Зак.

– Он идёт сюда, как ни в чём ни бывало...

– Силён. А я всё делаю в первый раз.

– Ты видел Гридов, или только чувствовал?

– И видел и ощущал. Не проси их показать, дай отдохнуть.

– Ты уже и мысли читаешь?

– По тебе и так видно – тарасился всю дорогу, будто разглядеть их пытался. Пошли, скоро увидишь.

Дрон поднялся и пошёл, я направился за ним и вскоре заметил, как начали проступать очертания Гридов, лежавших на земле. Через пару минут мы остановились, ещё через пять – подошли Зак и «боец».

– Молодец, Дрон, ты потрясающе быстро прогрессируешь.

– Что им было нужно?

– Сам хотел бы знать. Они установили следящее устройство – но это несерьёзно, причина должна быть в другом.

– Откуда ты это узнал? Из их мыслей?

– Да.

– А если они не знали, что именно устанавливают? И только считали, что устанавливают следящее? Син далеко не дурак – если верить тому, что я читал. Зачем ты покинул базу?

– Дрону была нужна помощь, иначе он мог сорваться. Восстанавливать свой потенциал ему пришлось бы долго – я сам это прошёл. А потенциал у него огромный.

– Но кто защищает базу? Зот?

– Зот.

- Нам срочно нужно возвращаться.
- Нет никакой угрозы.
- Зак, включи логику, а не только шестое чувство!

Восстановившись, и, похоже, окончательно придя в себя, Дрон, стоявший, всё это время, чуть в стороне, подошёл к нам.

– Валерка прав. Я тоже не чувствую опасности, но здесь что-то нечисто, – наконец, заговорил Дрон. – К этим волшебным силам – быстро привыкаешь. Но я ещё помню старую жизнь, и то, что раньше называл «чутьём».

- Что ж, все на базу, этим двум я уже почистил память.
- А успеем? – впервые, за всё время, заговорил «боец».

Мы переглянулись. «Боец» первым заметил угрозу: то тут, то там, будто из пустоты, появлялись солдаты-Гриды...

—///—

Неужели всё... Так просто. Оксана уходила, я смотрел ей вслед...

– Оксана!

Она обернулась, я подошел к ней и взял за руки.

– Ты хочешь этого?

– Дурак ты, Серёга. Какой же дурак... Почему ты об этом

спрашиваешь сейчас? Этот вопрос стоило задать в самом начале.

– Дурак, знаю. И ты знаешь. Я рассказал, почему принял такое решение.

– Так зачем спрашиваешь? Что это изменит?

Я чуть наклонился, поднеся её ладони к своему лицу.

– Помнишь, мы так же стояли в парке? Здесь, недалеко... Только-только познакомились тогда?

От обычно холодных рук Оксаны шло тепло, неожиданно для себя – я вспомнил тот день, тот вечер и обстановку. Будто это случилось никак не больше недели назад. Но это только воспоминания... И Оксана уже не та, хоть и похожа. Я выпустил её руки.

– Помнишь?

– Помню, хорошее было время.

– Пройдемся?

– Нет.

– Ладно, прости.

– За что?

Прикрыв глаза Оксаны одной рукой, другой я прижал её к себе, зажмурился – и постарался представить нас в Парке пяти, перенестись туда вместе с ней. Сработает – хорошо, а не сработает... Значит, так надо. Может и к лучшему. Ведь,

мало только переместиться – нужно ещё вернуться обратно. Оксана не вырывалась – это радовало, я открыл глаза. Всё удалось, мы стояли в парке. Вот они, те самые статуи – их не перепутать. Небо затягивало тучами, по парку гулял ветер – ещё не сильный, но погода, явно, портилась. Оксана с любопытством оглядывалась: подошла к одной из статуй, провела по ней рукой; посмотрела в глаза изваянию, будто пыталась узнать, кто же это; и застыла сама, казалось, глубоко задумавшись.

– Где мы?

– Парк пяти.

– Вижу, что парк. У нас таких нет.

– И ты не удивлена?

– Нет, – Оксана продолжала рассматривать статуи, медленно обходя их с разных сторон. – То есть, удивлена, но мне, почему-то, не хочется об этом думать. Просто интересно.

Такого я не ожидал, слишком уж она спокойна. Невольно, напрашивались предположения: либо она не верит в происходящее, либо наоборот – уверена, что ничего необычного не произошло.

– Ты думаешь, это сон?

Оксана, наконец, повернулась ко мне, но была по-прежнему, задумчива.

– Нет, это не сон...

– Ты помнишь, что было «до»? Десять минут назад?

– Мы стояли... Здесь.

– А ещё раньше? Помнишь, как ты сюда попала?

– Ты привёл.

– Хорошо, а раньше?

– Мы проснулись часов в восемь утра, я поела и ушла, а ты остался досыпать.

– Куда ты ушла?

Оксана снова замерла.

– Не помню. Помню, что когда мы встретились, вечером – мы о чём-то повздорили... А потом ты привёл меня сюда.

– Ты не хочешь обратно? Домой?

– Нет, здесь хорошо.

– Погода портится.

– Погода? Она не может портиться здесь.

Оксана посмотрела на небо, и, казалось, что-то прошептала – губы её едва шевелились. Она села на скамью – раскинув руки, запрокинув голову и закрыв глаза, волосы ее начали развеиваться по ветру, на лице горела улыбка. Небо начало светлеть, тучи – расходиться. Ветер стих, показалось солнце, стало заметно теплее.

– Вот видишь? – Оксана сложила руки на коленях. – Погода не может испортиться.

– Это сделала ты?

– Нет, я только попросила.

– А откуда ты знала, как надо просить? И что это случится?

– Всегда так.

– Разве?

– В этом мире – всегда.

– Ты уже была здесь?

– Была. Не помню, как и когда, но это место кажется мне знакомым.

– Знакомым – неизвестно откуда?

– Да. Такое чувство, словно здесь произошло что-то хорошее.

– А что ты ещё помнишь? Об этом мире?

– Ничего, просто чувствую себя как дома.

Я сел рядом, обняв Оксану одной рукой, она положила голову мне на плечо. Как странно... Будто и не ругались, только что. Теперь – мне и самому, не хочется никуда уходить.

– Мне нужно показать тебе ещё одно место, – сказал я, поглаживая и перебирая, свободной рукой, волосы Оксаны. – Закрой глаза.

—///—

Я бросился на базу – но натолкнулся на невидимую стену. Не будь ситуация столь напряжённой, это было бы смешно – так комично, наверное, я «стёк» по ней. Силовое поле затре-

щало в месте соприкосновения, вокруг замерцали огоньки – совсем как «птички» которые летают вокруг голов мультяшек, когда их чем-нибудь ударят.

– Не получится, Трэшк – я приказал Зоту включить барьер, в случае чего.

Я уже поднялся, Зак, казалось, хранил спокойствие.

– А как же мы?

– Выстоим.

В голосе Зака прорезался металл, он менялся: кожа темнела, вздувались вены, и сам он будто раздулся – одежда плотно впилась в тело. Казалось, Зак сейчас обернётся каким-нибудь монстром, но изменения прекратились, он остался вполне узнаваем. Если только не учитывать немного увеличившиеся размеры, коричнево-багровую, бугристую кожу, и клыки, которые ещё подросли.

– Но что делать мне? Я ведь не умею ничего из того, что можете вы с Дроном.

– Держись рядом с Анком, – Зак, наконец, назвал имя «бойца», указав на него взглядом. – С ним не пропадешь.

– Анк? – я приблизился к «бойцу». – Ты Анк?

– Да, а что тебя удивляет?

– В нашем мире это не имя, это особый символ.

– Такой? – Анк потянул цепочку на шее и достал крест, с петлёй вместо верхнего луча. – Ты ведь его имел в виду?

– Да. Значит, это ненастоящее имя?

– А какая разница? Помнишь, что означает этот крест?

– Ты бессмертен?

– Анк не бессмертен, но много раз обманывал смерть, – отозвался Зак.

– Удачлив?

Большой щит вокруг базы затрещал, посыпав искрами... И грянул гром: настоящий, порожденный молнией, исходившей от щита, направленной на пустое, казалось бы, место. Уши заложило от грохота, в земле образовалась воронка. И снова молния ударила в то же место.

– Это Зот? Что он делает?

– Создаёт аномалию, сейчас увидишь. Дрон, готовься!

Зак запрокинул голову и завыл. Всё вокруг снова напоминало сон. Или плохой фантастический фильм – так несуразно оно выглядело. Молнии, вой, Зак-оборотень... Что ещё? Вампиры? Маги? Эльфы, гномы, орки... И прочая фентезийная живность.

– Гриды! Трэшк, прекрати дурую голову забивать, смотри по сторонам. Тебе только кажется, что Гриды далеко – мы недолго ещё сможем просто так стоять. Анк, закрой его.

Анк достал из кармана маленькую металлическую сферу, и сунул мне в руку.

– Что это?

– Защита от психической атаки.

– Какая ещё...

У меня не получилось договорить – лицо свело судорогой, заломило в висках и затылке. Будто озноб пошёл вниз по позвоночнику, грудь сдавило, стало трудно дышать, а ноги я перестал чувствовать совсем.

– Теперь знаешь, какая. Не будь защиты – ты лежал бы, сейчас, без сознания.

Я молчал. Судорога отступала, боль проходила, возвращалась чувствительность. Но ворочать языком – я всё ещё не мог. Казалось, я стоял неподвижно минут пятнадцать, хотя, по словам Анка – только две минуты. По щиту вокруг базы непрерывно велась стрельба, он трещал и, время от времени, выпускал новые молнии – поменьше тех, что были вначале, но направленные уже не в пустоту, а на конкретные группы Гридов. В нескольких десятках метров от нас, снова будто из пустоты, появились солдаты. Определённо – их целью были мы, а не щит. Зак снова оскалился, Дрона было сложно узнать. Нет, внешне он не изменился, налитые кровью глаза и вспухшие вены на руках – не в счёт. От него, буквально, «веяло силой» – я не мог объяснить, но ощутил на себе: это выражение – не просто аллегория. Мурашки по коже, тяжесть во всём теле, при взгляде в его сторону, и кажется, лёгкое движение воздуха около лица. Передо мной стоял

другой человек. Если его вообще – можно ещё назвать человеком. Он приподнялся над землёй, «захватил» одного из солдат, поднял его вверх, одновременно с тем, как сам опустился обратно на землю – и закрутил в воздухе, отбросив в сторону. По нам открыли огонь, Дрон среагировал мгновенно – вскинул руки и поставил невидимый щит, похожий на тот, который окружал базу сейчас – с той лишь разницей, что он не трещал, а покрывался радужными разводами, когда выстрел попадал в него. Странно было то, что действовал только Дрон: Зак и Анк – будто выжидали что-то. «Он должен научиться» – пронеслось в голове – это говорил Зак. «А мы ему поможем» – это сказал Анк. Не знаю, каким образом, но я различал, кто именно «говорил».

– Закрой щит вокруг них.

– Купол?

– Не обязательно, – Зак встряхнул плечами и покачал головой, разминая шею. – Лишь бы выпрыгнуть не смогли.

Дрон быстро сделал так, как сказал Зак – свернул щит в кольцо и начал сжимать, будто хотел раздавить тех, кто внутри. Зак остановил его, положив руку на плечо – наверное, передавая какую-то информацию. Дрон отошел назад, Анк тоже, я потянулся вслед за ними. Расставив ноги чуть шире, Зак хлопнул в ладоши и вскинул руки. То, что произошло за щитом, я мог назвать только одним словом – мясорубка. Один за другим Гриды поднимались в воздух и на-

чинали вращаться, постоянно ускоряясь, сталкиваясь друг с другом. Тела рвались как тряпичные куклы, первую минуту (а может меньше – но мне казалось, что даже это время тянулось слишком долго) в воздухе стоял нечеловеческий крик, меня стошнило. Оправившись, я только и смог сказать, почти шёпотом, ни к кому, конкретно, не обращаясь:

– Зачем так жестоко?

– Поверь, солдаты Гридов – более жестоки.

– Для чего?

– Деморализация. На Гридов почти не действует психическая атака излучением. Но, чувство страха им оставили, хоть и сильно задавили.

– Какой смысл? Им ведь, всё равно, очистят память.

– У всех солдат повышена чувствительность, а пространство ещё долго будет хранить отпечаток боли погибших.

– Ты ведь говорил, что они, наоборот – невосприимчивы?

– Я говорил, что излучение на них почти не действует.

Их защита устроена иначе: они способны эффективно сопротивляться направленному излучению, могут определить его источник и природу.

Я посмотрел в сторону базы – атакующих было всё больше.

– А с ними что делать?

– То же самое – уничтожать. Дрон, ты чувствуешь аномалию в том месте, куда ударила молния?

– Чувствую, но не понимаю, что она может дать.

– Поймешь. Все к ней, быстро!

«Быстро», не получилось: на пути, один за другим, начали появляться новые солдаты. Первого – Зак, в буквальном смысле, разорвал, второму свернул шею. «Странно, что они выпрыгнули поодиночке» – подумал я. Ещё одну группу постигла участь первой: мясорубка. Дрон с Заком слаженно работали – похоже, чувствовали мысли друг друга. Третья партия была намного больше, теперь внутри щита находились мы. До аномалии оставалось около ста метров. Зак замер, Дрон менялся в лице: всего за секунду он побледнел и снова налился кровью. Щит затрещал: несколько выстрелов пробили его и прошли в полуметре от меня. Мы медленно продвигались вперёд, раздвигая солдат в стороны.

—///—

Мы сидели в Храме, пустом, как обычно. Казалось, что-то изменилось – может быть, освещение. Ив Макс появился не сразу, на этот раз он был не один, рядом шла девушка. «Тоже робот?» – мысль возникла сама собой.

– Здравствуй Сергей и, – Макс помедлил, – Оксана?

– Здравствуй, Макс. Я ведь, кажется, не называл тебе своего имени?

– Не называл. Ты и с Оксаной меня не знакомил.

– Да. Я забыл, что в Храме можно получить ответ на любой вопрос. Мне пока это неподвластно.

– Ошибка, думать так. Но, не стану переубеждать. Знакомьтесь: это Вэлли, на какое-то время она заменит меня. Вэлли не робот, как ты подумал. Она потомок моих создателей, расы Тонк.

– Читаешь мысли?

– Нет, о твоих несложно догадаться.

Обидно слышать, что о твоих мыслях легко догадаться – кажется, что ты примитивен и ничего не смыслишь вокруг. Если вдуматься – в этом, действительно, очень много правды. Но обычно, отгоняешь такое фразой: «другие не лучше» – и забываешь. А ведь есть над чем поработать...

– Читается по лицу?

– Можно и так сказать, если угодно. Я удаляюсь, Вэлли ответит на все ваши вопросы.

Ив Макс ушёл, но у меня осталось стойкое ощущение того, что он всё ещё находился рядом. Только кажется? Может быть. Значит, Вэлли...

– Надолго он ушёл?

– Ты ведь знаешь ответ. Или можешь узнать.

– Мне кажется, он вообще не уходил – и наблюдает сейчас за нами.

– Да, ты прав. Он всегда знает, что происходит в Храме.

– Ты тоже из девятого мира? Какой он?

– И на этот вопрос – ты можешь ответить сам. Но я расскажу, немного. Наш мир больше не существует, он потерян.

– Разрушен?

– Вернее будет сказать – развеян. Он растворён в других мирах.

– Кажется, я понимаю... Даже чувствую, о чём ты.

– Продолжай.

– Кажется, я вижу ваш мир... Вечное лето, жизнь и яркие краски на одной стороне, темнота и холод – на другой. Но там тоже есть жизнь. Я прав, это он? Ваш мир?

– Да, ты верно увидел. Это он – за год до того, как был развеян. А такой – он стал через год.

Вэлли показала мне другую картину: от лета остался только маленький зелёный островок, который обступили холод, металл, и что-то ещё, похожее на камень, или керамику. Вот он побледнел и начал растворяться – искажаясь, расплываясь в пространстве... Процесс занял несколько дней, но мне показан за минуту. Мир исчез на глазах. Без шума, без боли... Просто исчез. Но, всё равно – я чувствовал ужас от происходящего.

– Но ведь он не исчез бесследно, он просто перешёл в другое измерение? Ведь так?

– Так.

– И его можно вернуть?

– Можно, но намного сложнее. И не так уж нужно.

– Ты не скучаешь по своей родине?

Вэлли посмотрела на меня – не то с удивлением, не то с укором.

– Стремление вернуться в места, из которых ты родом – свойственно, почти всем разумным. Но мир, о котором идёт речь, умер задолго до моего рождения – ты мог бы это увидеть, если бы только захотел.

– Извини, не подумал.

– Не за что извиняться, что за скверная привычка. Думай, что говоришь – всего лишь.

Я замолчал, получилось неловко. Я часто говорю, не подумав – это правда. Часто – слишком рассеян. Я уже привык, но, отчего-то – снова стало обидно. Казалось, я уже не тот, я могу намного больше. Но, всё только кажется – я прежний. То, что происходит – скорее удача, дар. Может быть – непонятная мне закономерность. Но больше такого не будет. Теперь – нужно расти самому.

– Ты ведь тоже уже не существуешь в этом мире.

Я взял Вэлли за руку. Тёплая, совсем как человек. Я заглянул ей в глаза. Голубые, бездонные... Их невозможно назвать мёртвыми. Я вижу в них своё отражение, я могу разглядеть каждую чёрточку на радужке глаза, каждую морщинку

и волосок на лице – она идеальна... Так не бывает.

– Тебя уже нет.

Вэлли улыбнулась и растворилась, оставив только едва уловимый аромат... Розы? Нет, что-то другое, но похожее. Непонятно откуда, показался Макс, беззвучно хлопая в ладоши.

– Bravo, Сергей! Ты хорошо справился.

– Вы как-то связаны... Ты создал её сейчас. Но, вроде бы – и не ты...

– Она была моей хозяйкой, фактически – создателем и матерью, так как принимала непосредственное участие в моём программировании. Она действительно, родилась после того, как её мир канул в лету.

Только сейчас заметил: пока я разговаривал с Вэлли и Максом – Оксана задремала и уснула, скамья услужливо изменила форму, не давая ей упасть. Со стороны это выглядело необычно: парящая скамья неправильной формы – и девушка, полусидящая на ней. Похоже, её удерживали силовые поля. Неясно, для чего тогда нужна парящая доска? Разве что, с ней всё выглядело... Не естественнее – завершённое, что ли.

– Ты хотел меня испытать?

– И испытать, и обучить.

– Что ты знаешь об Оксане? Не то, что можешь сейчас

узнать, а то, что уже знал. У меня сложилось впечатление, что ты с ней встречался.

– Не совсем верно. Я встречался не с ней, а с её предыдущим воплощением.

– Ты можешь сказать, сколько жизней прожил человек?

– Нет. Люди, если и реинкарнируют, то, чаще всего – на более высоких уровнях.

– Она не человек? Иногда у меня появлялось такое чувство.

– Не человек. Она Зинк. Или, как их иногда называют – Эмотикон.

– Кто?

– Раса Зинк – очень древняя. Даже Ангелы моложе.

– Ангелы существуют?

– Конечно. Их создали Гелы – братья Зинк.

– А чем Гелы отличаются?

– Ты не закончил вопрос: от кого отличаются? Это, во-первых. А, во-вторых – поищи ответы сам. Мне ведь не стоит объяснять снова – почему?

– Не стоит.

– Я задал направление для поиска – это уже немало. Удачи, Сергей.

– Я найду.

Макс исчез. Я даже не заметил, как это произошло – едва отвёл взгляд, как он пропал.

Минут десять мы преодолевали последние метры. От солдат больше не отбивались, почти все силы тратились на поддержание щита. Когда мы зашли в аномалию – я почувствовал, будто стал легче, мир перед глазами «поплыл», захотелось спать. Спустя миг – в голове что-то «щёлкнуло», мысли и зрение обрели поразительную четкость; ещё через мгновение – я увидел всех нас со стороны. Первая мысль: «я умер» – но моё тело, по-прежнему, стояло на земле, оно не упало. Секунда – и я снова оказался «внутри себя»: похлопал глазами, посмотрел на руки – я живой! Зак, Дрон и Анк обступили меня с трёх сторон, взявшись за руки. Мир «выключился», а когда «заработал» вновь – я увидел знакомые стены.

– Мы телепортировались?

– Как видишь.

Все расцепили руки, Дрон с Анком разошлись и уселись в кресла, Зак пошёл к центральному пульту, я направился за ним. Зот что-то набирал на клавиатуре, время от времени касаясь экрана – и развернулся, когда мы зашли.

– Зак, зачем было так рисковать?

– Затем, что Гриды должны знать: голыми руками – нас не взять.

– Ты их деморализовать собрался? Не верю, ты не на-

столько глуп.

– Дрону и Трэшку необходимо обучение.

– Экспресс-методом? А кто говорил: «им нельзя перенапрягаться»?

– Анк с нами, всё продумано.

– Анк вернулся?

– Нет, просто помог мне сегодня.

– Он ничего не делает просто так, как ты мог притащить его к нам? Анк – тёмная лошадка, ты лучше меня это знаешь.

– Результат того стоил, скоро увидишь.

– Я видел, что вы вытворяли.

– Трэшк тоже раскрылся.

– И как?

– Расскажи, Трэшк – не всё же мне говорить.

Чуть смутившись, я ответил:

– Я выходил из тела.

И помедлив, добавил:

– Кажется.

– Кажется, кажется, всё только кажется, – Зак, то ли с на-смешкой, то ли с некоторым разочарованием, озвучил одну из моих мыслей. Я уже привык к подобному, но, всё равно – каждый раз, невольно, «ёжился». Неприятно, когда к тебе лезут в голову.

– А как это проверить? Чтобы точно знать?

– Создать те же условия, что и в первый раз, или похожие.

– Ещё раз влезть в такую же драку?

– Достаточно попасть в похожую аномалию.

– Теперь это, наверное, будет не так-то просто. Что с Гридами? Мы в осаде?

– Да.

– Но как тогда? Нельзя ведь просто выйти и незаметно прокрасться.

– Мы можем создавать аномалии самостоятельно.

– Пускать молнии на внутреннем полигоне?

– Есть разные способы. Сегодня ты видел только один из них, почему решил, что он единственный?

– Я так не думал, просто спросил.

– Учись контролировать свои мысли: это умение тебе потребуется, если захочешь преуспеть в своём развитии. А уж язык – и подавно, не должен бежать впереди.

– Стараюсь.

– А Гриды не пробьются: скоро их отзовут, уверен.

– Почему?

– У них большие потери – выгоднее восстановиться и вернуться ещё раз, чем тратить силы на прорыв.

– Но что им нужно? Технологии? Оборудование?

– Да. И, в следующий раз, нам будет куда сложнее – сегодня, считай, была репетиция.

– Куда делся Анк?

– Не знаю, я не могу его отследить.

– То есть, нас телепортировал не ты?

– Тебя и Дрона – я. Анк ушёл сам. Сейчас он может быть где угодно.

– Кто он такой?

– Один из сильнейших психокинетиков.

– Он с нами?

– Анк сам за себя. Никто не знает точно, что у него на уме, даже я.

– Почему тогда...

– Он мне обязан, – не дав мне договорить, перебил Зак, через секунду добавив: – Жизнью.

От последней фразы – у меня побежали мурашки по спине. Не знаю, только ли в голосе дело, или Зак специально создал такой энергетический всплеск, но отпало всякое желание задавать вопросы. Искать ответы на оставшиеся – я, как обычно, отправился в библиотеку.

—///—

Чем дальше, тем занятнее – оказывается, Оксана не человек. Интересно, она сама об этом знает? И как теперь воспринимать её слова, которые она не раз говорила, будто бы в шутку: «Я не человек». Знала? Догадывалась? Каждому, наверное, знакомо состояние, когда всё кажется чужим и

неправильным – какие только мысли не приходят, в такие моменты. Что ты лишний в этом мире, что тебе надо было родиться в другое время, или на другой планете... А может, кажется – что ты призван изменить этот мир, что точно знаешь, как будет лучше, вот только (какая жалость!) – сил маловато, не можешь. Сколько таких, депрессивных «спасителей человечества»? Если бы можно было их сосчитать – наверняка, цифра бы ужаснула. Да... Так, а мне-то, теперь, что делать? Эмотиконы, Ангелы... Всё это, конечно, интересно, но какой мне с этого прок? Оксана всё ещё мирно дремала, я сел рядом, осторожно погладив её по щеке, отведя прядь волос в сторону. Я всматривался в её лицо и вспоминал, как хотел её увидеть, как ждал, что она, наконец, перестанет убежать, прыгать с места на место – и останется со мной. Вспоминал нашу последнюю встречу и ссору, свои глупые попытки удержать то, чего уже нет – думая, что всё ещё можно повернуть вспять. Теперь я видел чуть больше. Оксана не принадлежит сама себе. Она просто не могла иначе. Все Эмотиконы рождаются с чёткой миссией, и каждый из них – действительно, меняет мир, прямо или косвенно влияя на него. Не знаю, была ли это догадка, или точное знание, пришедшее ко мне из невидимых глубин миров. Сложно разобраться, когда всё вокруг оказывается не тем, чем считал раньше, а то, что ты узнал – в обычном состоянии, иначе как бредом, не назовёшь. Если сейчас я перенесусь домой, то можно будет убедить Оксану в том, что всё было сном, пусть и даль-

ше считает себя странным человеком, выполняя свою миссию. Я не буду мешать – раз уж, «уровень» со мной, она уже прошла. Но что, если она узнает, кто она, или начнёт вспоминать? Впрочем, не оставлять же её здесь. Лично я – не хотел бы узнать о себе такого. Пусть даже, после этого, границы моего мира сильно расширились бы. Во многом она человек, а людям нужны рамки, чтобы жить. Иначе мы просто не понимаем, где верх и где низ. Узнаешь слишком много – сойдёшь с ума. Это не сказка, это – правда: знание, лежащее далеко за пределами мировоззрения – может повредить рассудок. У большинства, впрочем, срабатывает защита – и они отсекают всё непонятное, порою, даже, слишком агрессивно. Подсознание жестко контролирует границы сознания, не давая ему зайти слишком далеко и выйти «за рамки». Всему своё время – может быть, мы сюда ещё вернёмся. А пока – домой. Я взял Оксану на руки и закрыл глаза, снова представляя себя в своей комнате. Ничего не происходило, я поморгал, пытаюсь освободиться от лишних мыслей. Сосредоточься, сейчас только одна цель, поехали! Я снова закрыл глаза и тут же открыл – мы снова стояли дома. Ффф... Облегчённо выдохнув, я аккуратно уложил Оксану на кровать. Стоит ещё потренироваться, прежде чем мы снова туда отправимся – я уже не сомневался в том, что это произойдёт. За окном чернела ночь – я укрыл Оксану пледом, а сам, бросив рядом старое одеяло, улегся на полу. Раздеваться не стал, только взял подушку. Теперь нужно узнать, где ребята, что с

ними... Сон пришел быстро, но отдохнуть не получилось – я очнулся от удара. Вскочив, и слабо ещё представляя, где я – схватил первый увиденный силуэт, спустя мгновение, поняв, что держусь за горло человека. В следующую секунду меня оглушил резкий удар по ушам: в голове зазвенело, я осел на землю. Всё, что успел разобрать – как некто в камуфляже, с перепачканным лицом, вскидывает винтовку...

—///—

Фаза 3, перекос

В этот раз я не стал изучать историю, набрав в строке поиска: «Аномалии, виды», я откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Интересно, то, что произошло – случайность? Или у меня тоже есть способности психокинетика? Взглянув на монитор, я скривился в саркастической усмешке: первыми найденными строками были «аномалии зубов», затем – «аномалии в развитии человека», фото различных уродств и т.п.. Не став смотреть дальше, я добавил в начало строки: «Природные» – и запустил поиск. Вот, теперь то, что надо! Почитаем... Потратив час на изучение аномалий, но не найдя ничего, что могло бы объяснить их устройство – я закрыл окно и снова откинулся на спинку стула, глядя в пустоту. Иногда я забываю о том, что уже не дома... Порою кажется, что прошло уже несколько лет – так привык. Может, здесь мыслительные процессы идут быстрее? Надо, всё же, поговорить с Заком. Или с Зотгаром... А, впрочем – зачем с ними? Почему бы не спросить у других? Редко общаюсь с кем-то ещё, но, похоже, скоро мы выйдем наружу – все вместе, одной армией. Маленькой такой – армией, из ста человек. От этой мысли меня передёрнуло: всего сто, это ведь ничтожно мало... Не у всех есть силы, как у Зака или Анка. Даже – как у Дрона. Или Зак

придумал что-то, что не укладывается у меня в голове? Для чего не нужна армия? Для чего и сотни будет много. Может быть... Я поднялся и вышел из библиотеки. На внутреннем полигоне сегодня тренировалось только пять человек. Интересно, а где остальные?

– Привет всем!

Несколько ребят посмотрело в мою сторону.

– О! Пришелец! Привет, ты почему не в библиотеке?

– Не вечно же там сидеть.

– Надоело? Правильно, давай к нам – только в оба гляди, чтобы ничего в тебя не прилетело.

– Ладно, ребята, я по другому делу. Кто что знает об аномалиях?

– Да ничего, особенно. Аномальные зоны, с непонятной природой и действием. Разные люди по-разному на них реагируют. Те, кто умеет их использовать – обычно не могут ничего объяснить, говорят, что нужно самому почувствовать. А почему у нас спрашиваешь? Зак тебе больше бы рассказал.

– Мимо проходил – вот и зашёл. Вас мало сегодня, где все?

– В поле, на тренировку вышли – как раз, по аномалиям работать. Там их много после боя. Гриды уже ушли, раньше, чем через пять часов – вряд ли появятся. А здесь, как видишь – никого из кинетиков нет.

– Понятно. Ну, спасибо, скоро, наверное, всех вместе на

тренировку погонят, пока.

С полигона я вышел со смешанными чувствами. Зак говорил, что они сами могут создавать аномалии, но люди ушли тренироваться «в поле». Почему? Ещё не всё готово? И когда будет новая волна Гридов? «Не раньше, чем через пять часов» – а потом? Нас снова могут начать осаждать? И как справляться будем, если их придёт намного больше? Странно это. Пребывая в раздумьях, я столкнулся с возвращавшимся из «поля».

– Привет, пришелец. Чего не в библиотеке?

– Да с чего вы все взяли, что я постоянно там нахожусь?

– С того и взяли – ты всегда там сидишь.

Смешок прошёлся по коридору.

– А вы чего так рано вернулись? – Сказал я, уже вслед.

– Незапланированная ситуация, приказ – возврат, – Ответил кто-то.

Вся компания скрылась на внутреннем полигоне. Ладно, узнаю ещё, что за ситуация. Спрошу, сначала, у Зотгара – лишь бы, на месте был. Зот оказался у себя: он лежал на кровати, закинув руки за голову – и смотрел, не мигая, в потолок.

– Зот, ты живой?

Зотгар поднял голову, посмотрев на меня.

– Живой. Заходи, Трэшк.

– Зот, ты видел, что происходило в аномалии, перед нашей телепортацией?

– Видел. Вы стояли, взявшись за руки, а потом исчезли.

– И всё?

– Все. Должно быть что-то ещё? Или думаешь, что я видел, как ты выходил из тела? Так это не по моей части. Я и с аномалиями не особо дружу, и с парапсихологией.

– А Гриды? Что это, вообще, было? Демонстрация силы?

Прощупывание почвы?

– Всё вместе, скорее всего. Возможно – присматриваются, где ударить.

– Как быстро они могут вернуться?

– Не знаю. Раньше бы сказал – через сутки.

– А теперь?

– Теперь непонятно, что они уже могут, а что ещё нет.

Быстро прогрессируют – освоили невидимость, телепортацию. Раньше у них был только один козырь – генетика. Ну, ещё техника. Сейчас – не знаю.

– И ничего не предполагаешь?

Зот лёг на бок, повернувшись в мою сторону.

– Предполагаю. Но это только догадки, таким не делятся.

Понимаешь, почему – или объяснить?

– Догадываюсь.

Зот улыбнулся и снова лёг на спину.

– Зак знает намного больше нас всех – единственное, что я могу тебе сказать. А загадывать на то, что будет, я не хочу – не вижу смысла. В этой жизни у меня осталось только одно – война. Больше – я ничего не умею делать. Зато, когда будет нужно – я сделаю все, что смогу, и никто меня не остановит.

– Мы всегда можем больше.

– Трэшк, с такими беседами – лучше к Заку. Это он – любитель промывать мозги. Хорошо хоть, не навязывается никогда.

– Да, ты прав. С ним, на такие темы, говорить лучше. Ну что ж, спасибо. Пока, Зот.

– Пока.

Да, с Заком говорить лучше... Вот только он слишком умён, чтобы сказать лишнее, вряд ли я узнаю от него хоть что-то новое. Ну да чёрт с ним! Кое-что я уже понял, с остальным тоже разберусь. Учиться можно не только в библиотеке, практику никто не отменял.

—///—

Я вскочил посреди комнаты: одеяло валялось в стороне, Оксана всё так же мирно дремала на диване. Опять другой мир? Кажется, обычных снов мне больше не увидеть. Тогда,

где я был? Перемещаться сейчас в Храм я не собирался, мне хотелось просто отдохнуть. Я пошёл на кухню, сделал кофе и уселся за стол. Организм требовал сна, но вот я засыпать не желал. Хватит с меня путешествий на сегодня. Кофе уже остыл, вяло размешивая его, я глупо таращился на стену, иногда поглядывая в окно. Надо что-то с этим делать... Сон морил, я «клевал носом», время от времени отхлёбывая из чашки и медленно моргая – пока не заметил, что уже начало светать. Встав и умывшись холодной водой, я подошел к холодильнику, достал кубик льда и закинул его себе за шиворот. Брр... Противно. А спать, если честно – мало хотелось. Бросив нерастаявший ещё кубик в раковину, я снова сел за стол, положив голову на сложенные руки. Опомнился я слишком поздно – стоя посреди большого зала. Всё-таки, уснул... Интересно, перемещается только сознание, или тело тоже? Да, мне ещё не раз придётся наведаться в Храм. Хочешь или не хочешь – нужно учиться управлять этим. Серые стены без окон удручали, высокие потолки, хоть и не давали развиваться приступу клаустрофобии – придавали всему зловещий вид. Ну, посмотрим, где я, проверим, есть ли у меня тело. Подойдя к одной из стен, я попытался пройти сквозь неё. Ничего. В смысле, наоборот – всё на месте. Я ощущал шершавый и холодный камень, в который упирался всем телом. Жаль, мне нередко хотелось научиться проходить куда угодно. А может, всё-таки – есть способ? Если я могу пройти между миров, почему бы не пройти сквозь стену? Набив

несколько шишек, я добился своего: больше для меня не существовало преград. Быстро освоившись, я бегал по пустым коридорам – пока не заметил свет в одной из комнат. Направляясь туда, я думал, что проясню для себя хоть что-то, но, видимо, не суждено. В зале никого не оказалось, только большой стол и несколько панелей-мониторов. Похоже, это центр управления. Или слежения. Или – что-то в этом роде. Зашло два человека, но они будто не заметили меня. Я что, невидимый? Я замер – отойдя, на всякий случай, подальше.

– Трэшк всё бегаёт, выпрашивает, а к тебе идти, как я понял, не хочет.

– Он ко мне заходил, спрашивал про аномалии – пытается понять, что с ним происходит.

– Мне кажется, он пытается понять не только это.

– В мыслях у него не было ничего другого.

– Серьёзно? А мне показалось, он пытается разобраться, что происходит снаружи.

– Ничего удивительного.

– А то, что ты это даже не заметил? И то, что он, похоже, тебе не доверяет.

– Это нормально.

– Он учится, ты же лучше меня это должен видеть. На что он уже способен? Ты уверен, что не пропустишь нужный момент? Не вырастишь у себя под носом ещё одного контролёра?

– Может быть, ты прав. Я слишком привык читать мысли,

не обращая внимания на другие источники. Я проверю его.

– Ты теряешь хватку, Зот.

– Не настолько.

– Думаешь, если он новичок – то от этого менее опасен?

Забыл, как начинал сам?

– Помню, а что ты мне предлагаешь? Убирать всех новичков? Тогда лучше сразу сдать Сину и не брыкаться.

– Я предлагаю тебе быть внимательнее. И хоть иногда заниматься с новями самому – проверяя, что они уже могут, что у них на уме. Иначе ты можешь получить ещё одного Сина – который сожрёт тебя, с потрохами. А может – сразу нескольких.

– Подавятся.

– Да ну? Вспомни-ка, да сравни: сколько времени учился ты, и как быстро прогрессируют эти двое?

– Только один.

– Достаточно и одного. Но если ты недооценишь второго, хуже от этого будет только тебе.

– Ты меня что, учить собрался?

– Нет, конечно. Просто не пойму, что ты делаешь. У тебя под носом растёт опасный психокинетик, который учится всему сам, а другой, потенциал которого ещё неизвестен, ему помогает. И, очень может быть – направляет.

– Зотгар, давай закончим этот разговор, нам ещё нужно отладить всю структуру защиты.

Слушать, и наблюдать за тем, что происходило дальше, я не стал – вышел, отправившись осматривать лабиринты комнат. Большинство помещений пустовало, люди попадались редко. Только в одном, похожем на спортзал – нашлось около десяти человек. Блуждание по бесконечным коридорам быстро надоело, «пора возвращаться» – подумал я. Но сделать этого не получилось: зажмурившись, как обычно – я остался на том же месте, где и стоял. Сколько ни пытался – всё без толку. Врут, что можно проснуться, ущипнув себя: синяк заработать – запросто, а проснуться – нет. Хотя, это ведь не совсем сон. Выйти наружу тоже не получилось, даже способность проходить насквозь не помогла: за последней из стен была только земля. Да, по отсутствию окон можно было догадаться, что я не на поверхности. Это катакомбы. Или бункер... Какая разница? Мне нужно наверх. Я пошел туда, где видел людей – должны же они, когда-нибудь, выходить наружу? Тогда и я с ними выберусь. Или проснусь, раньше... Быстро придя обратно, я начал следить, кто куда ходит, но, безрезультатно проведя за этим занятием полчаса – сел у стены, вытянув ноги вперед. Интересно, а здесь я могу уснуть? Смешно получилось бы. Я закрыл глаза, ещё раз представив себя дома. На то, что метод сработает, я уже и не надеялся – но вдруг? Услышав шаги, я пересел на корточки. Когда звук стал еще громче – поднялся полностью, непроизвольно затаив дыхание. Вот кто-то вышел из-за угла и пошёл дальше, теперь уже удаляясь. Побежав за ним,

надеясь, что хоть он выведет меня наружу, я чуть не крикнул – узнав, «со спины», Валерку. Опередив его на несколько шагов – я убедился, что не ошибся. Он изменился: лицо стало каменным, непроницаемым; взгляд – тяжёлым; вечная задумчивость испарилась.

– Валера!

Он меня не слышал и не видел. Да что ж такое? Почему кто-то меня видит, а кто-то – нет? Я встал перед ним – но он, не замечая меня, шел дальше, а я скользил по полу. Пропустив его через себя, я развернулся, и крикнул ещё раз, вслед:

– Валерка!

Он обернулся, посмотрел сквозь меня – и снова пошел.

– Валерка! Я здесь! Да стой ты!

Он опять обернулся. Я подбежал к нему: схватил за плечи, безуспешно попытавшись тряхнуть.

– Я здесь! Ау! Слышишь? Валерка, я здесь!

Неожиданно, мне удалось сдвинуть его с места. Валерка отпрянул, всматриваясь, как ему, наверное, казалось – в пустоту.

– Серега?

– Я.

– Ты где?

– Здесь, перед тобой.

– Не вижу тебя.

– Зато слышишь. Подожди, может – получится показать-ся. Ты совсем ничего не видишь?

– Только странное марево и чуть тумана.

– Сейчас. Ты тоже – попробуй увидеть.

– Как?

– Не знаю. У меня ведь получилось, чтобы ты меня услышал.

Почему меня видел тот солдат? Я постарался расслабиться, вспомнить ситуацию. Перед глазами появился белёсый туман, я зажмурился. Когда же открыл глаза, то чуть не начал биться головой об стол: я снова сидел на кухне у себя дома, из ванны доносился шум воды; часы показывали половину девятого утра. Супер! Как вовремя-то всё. Ну, ладно: один раз получилось, сумею и ещё. Я поднялся, пошёл в комнату и бухнулся на диван, уткнувшись взглядом в потолок. Ничего не хочу... Достало уже. Чуть что-то начинает проясняться и получаться, так сразу – чик! Дубиной по башке – и в сторону, разбирайся заново. Ладно, хоть – не с начала.

—///—

Я шел по коридору, судорожно соображая, что делать дальше. Давно уже я не помнил себя в таком взвинченном

состоянии: когда не понимаешь, что происходит вокруг, не знаешь, что делать и хочется кого-нибудь прибить. Надо сказать, что «просто ничего не понимал» я уже несколько месяцев, но держался на старых привычках, относительно спокойно переживая подобное. Сейчас – снова сорвался. Бесило всё: своё непонимание, отношение окружающих, подземелье, с его бесконечными коридорами. Даже Дрон (казалось бы, можно только порадоваться!) – он освоился здесь так, будто в летний лагерь, отдохнуть приехал. На секунду я остановился от странного чувства «взгляда в спину», ощущения чужого присутствия. Конечно, позади никого не было. Осмотревшись, я пошёл дальше, но снова остановился, посмотрев назад. Я здесь не один, точно... Отчего-то я был уверен, что рядом есть ещё кто-то: невидимый, но вполне реальный. Я стоял, всматриваясь в глубину коридора, чувствуя движение воздуха, мысленно крича: «Где ты?! Покажись!». Казалось, я начал видеть непонятные очертания, легкий мурар или туман, слышать невнятную речь. Либо у меня начали проявляться паранормальные способности, либо я схожу с ума. Хотев было развернуться, чтобы идти дальше, я почувствовал толчок: будто кто-то взял меня за плечи. На мгновение, прямо перед собой я увидел лицо Сергея: он что-то кричал, слов я не слышал – неясные мысли, похожие на голос, возникали в голове, сами по себе. Я пытался их понять – и скорее угадывал, либо придумывал вопросы, на которые отвечал в пустоту. Всё закончилось так же быстро, как и на-

чалось – я больше не чувствовал ничего необычного и постепенно приходил в себя. По телу прошёл озноб, кожа покрылась мурашками. Встряхнув головой, хлопнув в ладоши и растерев руки, я быстро пошёл к себе. Что это было? Не знаю. Но эта встреча с неизведанным, странным образом дала мне силы и понимание: теперь я знал, чем займусь. По памяти, детально – я восстанавливаю все чувства, которые испытывал, когда писал и тестировал программу, когда перемещался сюда, когда мы телепортировались с поля; я найду общее и различия, объединю всё в одну систему – и снова испытаю. Я добьюсь результата – так же, как и всегда добивался. Жаль, что здесь у меня нет ни моих наработок, ни инструментов, но это, возможно, даже к лучшему. Не будет зависимости от прошлого опыта, – который, кстати, здесь может и не работать. На чистом листе – рисовать проще. Зайдя в комнату, я поудобнее расположился на кровати, закрыл глаза и постарался выкинуть все лишние мысли из головы. Несколько минут внутренней тишины – и перед глазами появились знакомые образы: радужные разводы моей программы изменения сознания. Дыхание стало неровным: то глубокий вдох и несколько частых вдохов-выдохов; то несколько порывистых вдохов – словно, хватая недостающий воздух – и один долгий выдох. Когда же всё стабилизировалось – перед глазами повисла темнота. Я моргнул, ещё секунду сидя с опущенными веками. Тьма казалась живой: обволакивающей, входящей, вместе с воздухом, внутрь. Я снова увидел

себя со стороны – и тут же открыл глаза, начав оглядываться. Я вышел из тела, и висел сейчас, где-то под потолком. Странно, если у меня нет тела, почему я упёрся в потолок, а не прошёл, насквозь? Или мне необходимо видеть себя? Толку-то тогда, от такой способности. Что я могу делать? Хорошо бы... Не успев додумать, я оказался в зале, где беседовали Зак и Зот.

– И что ты собираешься делать?

– То же, что и всегда – держать оборону.

– И всё? Зак, ты не сможешь делать это вечно.

– С новым генератором – смогу. Не вечно, но, пару месяцев – точно. Скорее всего – полгода.

– А потом?

– Мощностъ, вырабатываемая сейчас – далеко не предел. За несколько месяцев я построю ещё один генератор – и тогда никто даже близко не подойдёт. А потом, думаю, я окончательно разберусь с аномалиями и смогу создавать их в любом месте, где захочу.

– Здорово. И что? Син так и будет сидеть у себя в кабинете?

– Пускай сидит. Мне он не мешает.

– Ты думаешь, что он ничего нового не сможет? А ты не зарвался, часом?

– Нет. А Син – действительно, не сможет придумать ничего нового, не допустит, чтобы рядом появился кто-то, ум-

нее его.

– Понятно. Удачи, я спать.

– Спокойной ночи.

Зотгар поднялся и вышел, а я остался наблюдать. Да, неважно у них дела идут. Умел бы я читать мысли... Зак сидел в кресле и смотрел в пустоту. Минута, другая – ничего не менялось. Я смотрел на него, пытаюсь понять, или, хотя бы, представить, о чём он может думать. Конечно, ничего не выходило. Решив было прекратить этот бессмысленный осмотр и вернуться обратно – я услышал: «Стой!» Зак повернулся ко мне и посмотрел прямо в глаза. «Да, Валерий, я тебе» – слова снова звучали у меня в голове. Или что там у меня сейчас?

– Ты меня видишь?

– Да. И вижу и слышу. И чувствую, что ты на стороне Зотгара – тоже считаешь, что я зарвался.

Если бы я мог, то, наверное, упал бы сейчас. Действительно, Зот был мне более симпатичен, а Зак казался слишком самоуверенным. Но я даже не успел подумать о таком – Зак чувствовал эмоции, которые я сам ещё не осознавал. Его возможности пугали – тем, что не было известно, где у них граница.

– Достоверно – я сам не знаю. Как ты уже должен был понять, способности проявляются и развиваются внезапно.

– А сам я, разве, не влияю?

– Влияешь, но, случайности – везде есть место.

– Раз способности появляются внезапно, значит – и исчезнуть могут так же?

– Вероятно. Но подобного никогда не происходило.

– Неужели вам всё равно, что происходит в государстве Сина?

– Всё равно.

– Но ведь там людям промывают мозги!

– И что? Иначе нельзя – стаду нужен пастух. И для всех лучше, когда пастух этот – привитые принципы поведения, а не надзиратель снаружи. Думаешь, люди там несчастны?

– Да.

– Поверь, несчастных там не больше, чем где-либо ещё. Людям всегда чего-то не хватает. А если их предоставить самим себе – несчастных будет только больше. Промывка мозгов необходима. В первую очередь – им самим.

– То есть, люди не способны к самоорганизации?

– Способны, ещё как. Но их цемент – ненависть, страх, фанатизм. Как правило – мы объединяемся, только ради защиты себя. Или уничтожения других.

– И всё?

– Нет. У каждого может быть ещё много других целей. Скорее всего, так оно и будет. Я назвал лишь основные мотивы.

Я пожевал губы. Вернее, подумал об этом – нельзя ведь дотронуться до того, чего не существует, в привычном понимании? Зак улыбнулся – наверное, снова читал мои мысли. Я же оказался окончательно сбит с толку, и с трудом определялся сейчас: где я, вообще, нахожусь? Там, где осталось мое тело, или там, где мой разум? Что более реально? Что вообще такое – «реальность»? То, что я чувствую, или нечто, лежащее за пределами понимания? Настолько огромное, что сознание, попросту, не способно его вместить. Что происходит? И кто, черт побери, этот Зак!? Что он знает, что может, что собирается делать?

– То есть, люди не способны объединяться ради высоких целей?

– Почему? Разве защита своего дома, себя и своей семьи – низкая цель? Я говорю о том, что люди деструктивны по своей природе, склонны к саморазрушению и самоуничтожению, вот и все. Такими нас создали, эту природу не изменить. Мы полны парадоксов: слишком много хаотичности нам дали – настолько, что даже слаборазвитых индивидов, порой, трудно предсказать. Люди могут объединяться ради того, что ты называешь «высокими целями» – они достаточно развиты для этого. Но масштабность таких объединений – не идёт ни в какое сравнение, с первыми.

– Значит, мы обречены?

– На что? Смерть? Да. Самоуничтожение? Нет, это наиболее вероятный исход. Обреченности, как таковой, не суще-

ствует. Есть лишь законы мироздания.

– Но ведь есть. А значит, и обречённость – тоже есть.

– Как пожелаешь. Всё лишь в твоей голове – можешь считать себя обреченным, никто не запрещает. Но помни: слишком часто люди видят обречённость там, где её нет – и оправдывают, таким образом, собственное нежелание развиваться. Это ещё один дефект, оставленный нам создателями.

– Кем? Кто нас создал?

– Это спорный вопрос. Как и «зачем?», «когда?». Есть версия, что люди одна из самых древних рас, которая была уничтожена, а затем восстановлена, но с подсаженными изъянами.

– А ещё?

– Есть и такая, по которой мы – молодая раса, созданная в результате эксперимента. Универсальные единицы, пригодные как для работы, так и для войны, почти равные своим создателям, но с заблокированными психическими возможностями, из-за чего большая часть нашего потенциала скрыта в подсознании и неподвластна контролю.

– И какая из них ближе к истине, ты считаешь?

– Предпочитаю не думать об этом. Я знаю одно: внутри меня, в моей основе – сидит зверь. Но, сверх того – у меня есть разум, я могу решать, кем мне быть, в итоге. Будет ли зверь вести меня, куда ему заблагорассудится, или я буду им управлять.

– Приручить зверя?

– Не совсем, скорее – научить. Приручив, забив, усыпив или посадив зверя в клетку – ты лишишь себя силы. Научившись действовать слаженно – обретёшь всю её полноту.

– Так уж и всю? Может только силу своей животной части?

– Вначале – да. Но стоит понять механизм её обуздания – как, один за другим, ты начнешь снимать психические блоки. Пример перед тобой.

– Мне кажется, ты не человек.

– В каком-то смысле – да.

– Так что ты хочешь делать? Отгородиться ото всех – и только набирать силу?

– Нет, ещё наблюдать за Сином.

– Тебе же всё равно?

– Мне всё равно, как Син проводит свою политику, но интересно то, как люди, при этом, себя ведут. Я смог измениться сам, но, заставить измениться других – совершенно иная задача. Не просто промыть мозги, нашпиговав нужной тебе информацией, а запустить процесс изнутри, научив держать свои страсти под контролем и вырвав деструктивность. Если же людям только «открыть глаза», дав свободу – они, скорее всего, снова уничтожат себя.

– И как? Много уже узнал?

– Нет. Пока лишь убедился: Син всё правильно делает.

– Правильно?

– Да. Син создал государство, и, какое бы ни было – оно

функционирует, медленно развивается. Не сделай он этого – люди разбились бы на группировки, и даже если бы не стали воевать друг с другом, то вряд ли продолжили развиваться. Топтаться на месте – возможно. Но, скорее – начали бы деградировать.

– А если нет?

– А если – да? Я говорю о наиболее вероятном исходе: людей оставалось слишком мало, чтобы они могли создать что-либо стоящее, не имея, при этом, сильного лидера. Ты знаешь, что за пятнадцать лет – Син увеличил численность населения в пять раз?

– Каким образом?

– Демографическая политика, клонирование, генетические технологии, которые ускоряют физическое развитие. Не будь у людей твёрдого руководства – смогли бы они достичь таких успехов, как думаешь? Тирания, порой, необходима.

Безумие, казалось, заполнило всё моё фантомное тело. Я не мог не согласиться с Заком – всё, что он только что сказал, было мне очень близко. Ведь и сам я – нередко думал о подобном, приходя к похожим выводам. Но, перейти на его сторону – я не мог. Даже не осознавая до конца, что меня удерживает. Может быть, это страх – я не понимал, чего Зак хочет и что способен сделать, но чувствовал, что он не остановится ни перед чем. А сделать он может очень и очень

многое.

– Пожалуй, – Зак помолчал пару секунд, и снова посмотрел прямо на меня. – Мне не нужно, чтобы ты переходил на мою сторону, не нужно, чтобы ты верил. Достаточно – не мешать.

Зак встал и направился к выходу, он уже вышел из комнаты, когда в голове снова раздались его слова: «Захочешь присоединиться – буду рад, будешь мешать – раздавлю». Я закрыл глаза и «отключился» на миг – представив, как меня вытягивает обратно в тело. Казалось, всё происходило физически ощутимо – до звона в ушах. Не без труда поднявшись с холодного пола коридора (всё тело затекло) – я ещё минуту стоял неподвижно, привыкая к темноте. Сориентировавшись, наконец, я пошёл к себе в комнату – всё ещё не веря в происходящее, слегка надеясь, что мне всё приснилось. Стараясь выбросить все мысли из головы, я шагал – немного прихрамывая, как вдруг снова услышал: «Валерка!». Вздвигнув, я остановился и обернулся, увидев уже знакомый муар.

– Серега?

– Я.

Словно из тумана я начал выхватывать знакомые очертания. Видел ли я их на самом деле – или образы, снова, строились только у меня в голове? Медленно осознавая, что сейчас не могу верить даже себе, я надавил на один глаз, попы-

тавшись убедиться, что действительно вижу то, что передо мной. Картинка раздвоилась. Значит, правда? Должно быть так. Но сейчас и этот, надёжный, как казалось, тест – не внушал большого доверия. Сергей подошёл и взял меня за плечи, посмотрев в глаза. Прикосновение ощущалось вполне реальным, а вот сам Серега – виделся мне полупрозрачным. Это забавно: через его голову проглядывался коридор позади. Вяло улыбнувшись, я закрыл глаза, помотал головой. Тело стало ватным. Казалось, ещё немного – и я потеряю сознание. Серега меня тряхнул, дал пощёчину – это чуть-чуть отрезвило. Оттолкнув его, я отступил на пару шагов назад – сразу же стало легче. Серега снова подошёл.

– Валерка, это ты? Живой? Что с тобой?

– Не подходи! – Я снова отступил. – Живой, пока ещё.

– Что с тобой?

– Не знаю. Перестройка организма. Или сознания. Всего сразу.

– В смысле?

– Только что – я выходил из тела. Перевариваю, теперь, случившиеся.

– И как?

– Никак. Пока ничего не понял, буду осваивать.

– Ты знаешь, где Дрон?

– Здесь. Он пришел позже, но освоился намного лучше меня. Такое уже творит...

– Что?

– Камни ворочает, силовые поля ставит. Он телекинетик, причем сильный. Я не знаю, что он ещё может и чему научится, но говорят – у него огромный потенциал.

– А у тебя? И кто говорит?

– У меня – не знаю. Свою способность я открыл только сегодня. А говорит... Как бы объяснить... Считаю, местный начальник. Он тоже сильный телекинетик. И телепат, в придачу. И ещё – неизвестно кто.

– Здесь что, у всех способности?

– Не у всех, но у многих. И много аномалий – похожих на ту, которая была у нас, на пустыре. Ты через неё сюда попал?

– Нет.

– А как? У тебя тоже открылась какая-то способность?

– Открылась. Помнишь, я рассказывал про свой необычный сон?

– Помню.

– Так вот, ты был прав. Оказалось, что это не совсем сон.

– И?

– И теперь я могу переходить из одного мира в другой.

– Когда спишь?

– Уже нет. Не понял пока, как же именно я это делаю, но что-то уже получается.

– Непонятно, что именно переходит между мирами: твоё тело, или только проекция. Я вижу тебя полупрозрачным и чувствую прикосновение, но ты вытягиваешь силы. Когда ты меня схватил – я чуть в обморок не упал.

– Да? А в первый раз – ты ничего не почувствовал?

– Когда? А, понял. Почувствовал, но совсем слабо. Скорее всего, ты тогда слишком мало проявился в этом мире – и не мог ничего сделать.

– Может быть... Как бы понять, что делать дальше? Меня, честно говоря, немного достало то, что я перемещаюсь не всегда по своей воле.

– Учиться управлять своими силами, что же ещё. Методом проб и ошибок, по-другому – никак.

– В одном из миров, есть такое место – Храм. Знания там приходят сами собой, нужно только научиться их доставать. Но что-то мне там не нравится...

– Что? Разберись! Глупо отказываться от такой возможности – просто потому, что «не нравится». Может, выдумываешь на пустом месте. Как там – в этом, «другом мире»?

– Непонятно, как и везде. Там случилась глобальная война: государств не осталось – есть только города. Там есть люди, пришельцы, полуроботы. И роботы, которых не отличить от людей.

– Здесь тоже была война. Гражданская, как я понял. И, до сих пор ещё – идёт. Здесь есть государство «ГРИД», которое построило общество с тоталитарным контролем. А есть мы – те, до кого они ещё не добрались.

– Вы воюете с целым государством?

– Фактически – это один город.

– И больше ничего нет?

– Не знаю – я так и не нашел в библиотеке ничего внятного, на эту тему.

– Понятно. Ты хочешь вернуться домой?

– Хочу. И не хочу, одновременно. И здесь и там – я лишний. Но сейчас у меня появилось, над чем работать. Дрон, скорее всего, останется.

– Почему?

– Он здесь как рыба в воде.

– Где он, кстати? Пойдём к нему.

– Пошли. Только постарайся сделать так, чтобы тебя не видели. Можешь ведь?

– Попробую.

—///—

Дрон спал, когда мы зашли.

– Первый раз вижу его спящим, здесь – я уж думал, он разучился это делать.

– Ты так о нём рассказывал, будто он суперменом стал.

– Как есть – так и рассказывал.

Дрон открыл глаза и поднял голову, посмотрев сначала на меня, потом на Серёгу. Ни следа усталости – будто и не спал только что. И наверняка – слышал нас. Серёга подошёл ближе.

– Привет, Дрон! Видишь меня?

- Нет. Но слышу.
- Совсем не видишь?
- Плохо, неясно. Подожди.

Дрон сел, потянул шею, помял виски, встал, снова потянулся и опять сел. «Всё-таки спал» – подумал я – «не разучился, пока ещё».

– Теперь вижу. Привет, Серега. Дрон подошёл и протянул руку.

– К нему лучше не прикасаться, он выкачивает силы.

Проигнорировав мой совет, Дрон взял Серёгу за руку и на секунду переменялся в лице – будто окаменел. Слегка пошатнувшись, он отпустил руку.

– Да, ты прав.

– Тоже почувствовал? Я чуть в обморок не упал.

– Не настолько, но чувствуется.

– Уж простите, как могу, – Серёга снова заговорил. – Пока вы тут обживались, я с ума сходил, думая, где вас искать.

– С ума мы все посходили. Причём давно. Чего стоите, кстати? Рассаживайтесь.

– Куда?

Дрон отвёл взгляд в сторону, лицо его снова «окаменело». В комнате появились два кресла.

– Сюда.

Мы расселись, я снова поймал себя на зависти. Обидно: Дрону всё давалось слишком легко. Мысленно, я врезал себе по морде: не хватало ещё – всерьёз начать так думать. «Не смей себя жалеть! Это мерзкое чувство съедает и душу, и волю – делая тебя, действительно, никчёмным». Откуда эта фраза? Однажды я так крепко вбил её себе в голову, что теперь уже не понимал: то ли выдумал её сам, то ли прочитал где-то.

– Растёшь! А что ещё можешь?

– Не знаю. Я постоянно узнаю новое о себе.

– Ты собираешься возвращаться, или останешься здесь?

– Собираюсь. Попозже...

– Когда? Скоро война начнется.

При мысли о войне я заерзал в кресле: в своем желании оставаться здесь – я был уверен далеко не так, как Дрон. Мне хотелось уйти и остаться – одновременно.

– Представляешь, чему я могу научиться – с таким стимулом?

– Нет. Я не знаю даже, что ты можешь сейчас. Кстати, как ты собрался возвращаться? Я вот, хоть и многое уже узнал, но, как перейти в другой мир – ещё не понял.

– Сергей нам поможет, так ведь?

– Чем? Я сам не знаю, как это делаю.

– Узнаешь. Тебе это, все равно, легче. Ты никогда не про-

бывал захватить что-нибудь с собой из другого мира?

– Один раз я переместил человека. И себя, вместе с ним.

Туда и обратно.

– Так почему молчал? Попробуй переместить меня.

– Я ведь даже не знаю – целиком перемещаюсь, или частично. А ты не можешь ко мне прикасаться.

– Я могу, это Валера не может.

– Разве? Я же видел, что на тебя – тоже влияю.

– Не так сильно. Немного времени, и я подстроюсь.

– Ты – подстроишься? Я глупо хихикнул, и, тут же – внутренне осёкся.

– Да, а что смешного?

– Помнится, ты говорил, что никогда и ни под кого подстраиваться не будешь.

– Ты прекрасно понимаешь, о чём я. И о чем говорил тогда – тоже знаешь. Но цепляешься к словам. Серьёзно, Валера – я тебя не узнаю. Мелкий ты, какой-то, стал, что ли...

– Нервный я стал, нервный... А может и мелкий. Со стороны виднее.

– Так, стоп, – Сергей помутнел, став менее заметным. – Ты это, Валерка, брось. Самобичевания здесь не нужно устраивать. У всех нервы, всем думать надо – как и куда дальше выбираться.

– И не собирался.

– И не надо. Дрон, в общем-то, дело говорит – нужно будет постараться перенести кого-нибудь из вас, потренироваться.

И я большему научусь, и он, и ты.

– Может, прямо сейчас начнём?

– Я «за». А ты, Дрон?

– Я тоже, не против.

Сергея с Дроном встали и взялись за руки, глядя в глаза друг другу. Со стороны – это выглядело забавным. Особенно – их «серьёзные» лица. Первое, что приходило на ум: «парочка» прощается. Если бы Сергей и Дрон не были мне знакомы, и не выгляди сейчас Сергей как призрак, который то появляется, то исчезает в никуда, я бы так и подумал, наверное. Минут через пять – Дрон начал пропадать из виду, как и Сергей. Это уже интереснее: быть может, им действительно удастся переход? Все ведь может быть. Жаль, я так и не понимаю, что дальше: начнется ли открытая война, или будут продолжаться локальные конфликты, стычки. Что задумал Зак, и почему Син не пытается нас уничтожить? То, что он в силах сделать это – я уверен. Кучка повстанцев, которых, едва ли, сотня – не может противостоять целому государству. Даже если оно – размером с город. Здесь далеко не все обладают сверхспособностями, больше половины – «пушечное мясо», никак не спецы. А ГРИДы – ребята не слабые. К тому же – намного превышают нас числом. Есть то, чего не я не знаю – что хочет узнать, или заполучить, Син. Нужно ли мне знать – что? Возможно. Но первое, что необходимо – выжить. А потом уже – все остальное. Поможет ли мне выжить

знание того, что будет дальше, или наоборот? Вопрос спорный. Лучше уж заняться тем, что удастся. А ещё, неплохо бы научиться ставить силовые поля, как Дрон. И, всем вместе – постараться освоить переход. Уже около минуты я находился в комнате один. Удалось? Или только невидимость? Сдержав желание спросить – вслух позвав Серегу или Дрона – я вышел из комнаты.

—///—

Холод пробежал по рукам, Серега смотрел мне в глаза. На несколько секунд, я, кажется, потерял сознание, или впал в транс. Комната вокруг поблекла и посерела, стала размытой, вскоре я перестал её замечать. Холода уже не чувствовалось, ладони будто примерзли и онемели – разжать их, все еще, не удавалось. Мысли тоже остановились: я не просто не мог двигаться, я не хотел. Появилось знакомое чувство: будто меня окунули в густой, вязкий кисель. Серега пропал, а я, как пустая, но тяжелая болванка – плавал в океане чего-то вязкого, теплого, пахнущего... Ванилью? Бред... Надо, надо возвращаться... Как? Надо... Меня «выдернули», окатив холодной водой. Очнулся я на каменном полу. Капли скатывались с волос, падая вниз, громко стуча по каменному полу; я приподнялся на одной руке, вытерев лицо второй, свободной. Серега стоял рядом.

– Где мы?

– В Храме.

– Полотенце есть?

– Нет, зачем?

– Сам водой окатывает – и спрашивает, ещё...

Я поднялся и осмотрелся. Какой же это Храм? Просто пустой ангар. Только неестественно светлый. Провёл рукой по волосам – они чудесным образом стали сухими. На полу – никаких капель... Что за чёрт? Мне что – почудилось? Грудь сдавило, сердце бешено колотилось – не так уж просто, оказалось, путешествовать между мирами. Неизвестно откуда, к нам вышел человек.

– Здравствуй, Сергей. Ты привел друга?

– Здравствуй, Ив. Да, это Дрон. Помоги ему освоиться, пожалуйста.

Тот, кого Серёга назвал «Ив», подошёл ко мне. Странно, но первое, на что я обратил внимание – его тонкие и очень длинные пальцы. У людей, я, пожалуй, никогда не встречал подобных. Это должны были быть руки фокусника, ну, или – пианиста, утончённой натуры. Они совершенно не вязались с его внешностью: он был крепко сбитым, коренастым мужчиной – не амбал, но и, явно, не дохляк.

– Приветствую тебя, Дрон. Меня зовут Ив Макс, я помогаю вновь прибывшим освоиться в нашем мире; ты можешь задать мне любые вопросы – и я отвечу.

Голос был неестественно чист – недостижимо, для человека. Я постепенно приходил в себя и начинал ощущать что-то, похожее на большую аномалию неподалёку. Дышать стало легче, грудь больше не сдавливало.

– Где я? Сергей сказал, что это Храм.

– Многие так называют это место, вскоре ты сам поймёшь, почему. Наиболее близкое, хоть и неверное объяснение – здесь возможны чудеса.

– А в других местах они невозможны?

– Они возможны везде. Но здесь им легче произойти. Да и то, что вы называете чудом – не есть осуществлённая невозможность, это всего лишь непознанная закономерность. Но, ты ведь, кажется, и сам так считаешь?

– Да. Вы тоже читаете мысли?

– Я могу это делать, но сейчас мне достаточно посмотреть, откуда ты пришёл. Ведь ты и Сергей – из одного мира, не так ли?

– Да.

– Я вижу, что в твоих руках сила, которую ты ещё не понял: опасная, почти неподконтрольная тебе и рвущаяся наружу.

– То есть, как? Как сила может рваться наружу – сама?

– Через твоё подсознание. Сейчас, например – ты очень хочешь понять, что происходит вокруг. Я, как вы любите выражаться, «буквально вижу» её шупальца, которые проника-

ют повсюду – хоть ты этого не замечаешь.

– И что?

– Ничего. Вскоре ты начнешь понимать, где находишься, и то, что всё можно сделать намного легче. Не ломиться сквозь стену – а пройти через дверь.

– Я и так это понимаю.

– Не сомневаюсь.

– Так почему же...

В такие моменты говорят: «в голове что-то щёлкнуло». Действительно: я будто искал выключатель в тёмной комнате, и, найдя, наконец – «зажёл свет». Я понял, что это никакой не Храм, а, скорее, просто огромная библиотека. Всё это место – большая аномалия, которая находится везде. И нигде, одновременно... Справочная, перевалочный пункт, между мирами – в котором можно получить ответ, на любой вопрос. Стоит только понять, как спросить. Понял я и фразу Ив Макса о подсознании: я настолько сильно пытался вникнуть, разобраться в происходящем, что «проламывал стены», вместо того чтобы спокойно найти вход. Но как искать – когда ничего не видишь? Особенно, когда стен нет. А есть только непонимание, границы собственного восприятия. Остаётся либо смириться, либо перебирать – искать выключатель, в тёмной комнате... Я вложил в поиск слишком много силы: в этом и была опасность. Попадись мне что-то непонятное, я смог бы разобрать это на элементарные части-

цы. Но здесь – ничего нет... И я, и Серега, и Макс – растворены сейчас, в «великом ничто». То, что я вижу – «мгновенная картина», которая приобретает очертания, едва об этом подумаю. Не исключено, что каждый видит Храм по-разному.

– Ты близок к истине, Дрон. Однако сейчас Храм полностью проявлен в этом мире. И вполне материален, в привычном смысле.

– Тогда как понять то, что я увидел?

– Возможность. Ты всё верно понял, но не учёл того, что не только ты делаешь Храм реальным, а ещё очень и очень много других разумов.

– По вере да воздастся?

– Грубое сравнение, но суть верна.

– Когда мы появились, мне показалось, что меня окатили водой. Что это было?

– Очевидно, Сергей. Так он привел тебя в чувство – хоть и не понял, не заметил, что сделал. Подсознание – я уже говорил.

– Что это за мир?

– Задай вопрос – получишь ответ. Ты ведь уже понял, как это происходит.

– Ты не человек?

– Да. А, твое настоящее имя, на самом деле – не «Дрон».

– Как же, тогда?

– Ты знаешь ответ. Вернее, можешь узнать сам.

– Да, спасибо... Я понял.

– У тебя ещё остались вопросы?

– Нет.

– Тогда я вас покину. До встречи, Сергей.

– И тебе, до встречи... Ив, – чуть помедлил Дрон.

– До свидания! – сказали мы, в один голос.

Ив ушёл. Чуть позже я понял, что совершенно не помню, как это произошло. Он будто растворился, но я не заметил момент, когда именно.

– У тебя есть другое имя?

Я сбросил оцепенение, слегка встряхнув головой.

– Да, мать рассказывала. Но его не знаю даже я.

– Можешь узнать?

– Могу. Но не хочу. Попробуй сам, если интересно.

– Я уже попробовал – не выходит.

– Значит и не надо.

– Что ты видел?

– Я узнал, что представляет собой это место.

– Что?

– Библиотеку, рассеянную по всем мирам.

– То есть?

– Эта область, пространство – существует во всех мирах.

Храм может быть везде и нигде – одновременно; может прожить себя в любом из миров. И здесь, действительно – воз-

можно чудеса: я не чувствую предела своим силам.

– Обычно чувствуешь?

– Да. Обычно – я, приблизительно, знаю, на что способен.

– А теперь не знаешь? Так с чего ты взял – что можешь всё?

– Чувствую.

– Чувства могут обманывать. Если ты чего-то не видишь – не значит, что этого нет. Возможно – ты просто ослеп.

– Возможно.

Дрон выглядел задумчиво – настолько, что напоминал мне Валеру: так же смотрел в пустоту, и едва заметно шевелил губами. Он изменился: теперь уже не такой вспыльчивый, как раньше; непривычно рассудительный. Даже речь преобразилась – став более спокойной, почти без слов-паразитов. Странно было наблюдать такую метаморфозу. Особенно сейчас, когда обстановку никак не назовёшь спокойной. Храм умиротворяет, это правда. Но точно так же Дрон вёл себя и там, в этих странных катакомбах. Люди не меняются – они лишь меняют своё поведение, оставляя суть на месте, я твёрдо усвоил эту истину ещё давно. Как же тогда объяснить происходящее? Кто мы, на самом деле? Где та сердцевина, на которую наслаиваются воспитание и привычки? И как далеко могут зайти перемены? Или... Всё снова не так, как казалось, а я верил в то, чего нет?

Я вышел наверх и отправился к ближайшей аномалии, о которой знал. Внутри всё кипело – и мысли и эмоции, сложно было сосредоточиться на чём-то конкретном. Злоба на себя, на мир, на всё происходящее – усиливалась, с каждой секундой. Как давно я не испытывал подобного... Казалось, я научился держать себя в руках. Казалось. Как обычно: всё только казалось... Я думал, что это правильно. Но – верно ли это теперь? Нужно и можно ли быть мирным там, где идёт война? Где каждую минуту тебе грозит смерть? Я всегда боялся сорваться: знал, что лучше управлять, чем сдерживать. Я боялся себя: зная, что, при желании – могу наломать дров. Мог... Здесь у меня не осталось ничего, что было в том мире; всему нужно обучаться заново, и я пока ничего из себя не представляю. Там – мне были нужны инструменты; здесь – есть возможность обходиться без них, здесь другие законы. Так почему же – я всё ещё боюсь? Слишком долго... Да. Я слишком долго сдерживал себя. Хватит. Вот и аномалия – проверим, что я могу. Я встал прямо, поставив ноги чуть шире плеч и раскинув руки. Ничего... Почему я ничего не чувствую? Я посмотрел вверх, в пурпурное небо. Грязно-серые облака медленно ползли, безразличные, ко всему. Что я сделал не так? Почему – снова всё с нуля? Почему???

– Ну, что тебе ещё надо?! Вот он я! Смотри, если ты есть! Что! Тебе! Надо!?

Я кричал несколько минут, ничего не замечая вокруг; смотрел в небо, пока на лицо не начали падать капли дождя. Я закрыл глаза. Дождь... Когда-то я любил тебя. Не знаю, почему. Не знаю – почему ты мне разонравился... И отчего я снова радуюсь, когда твои капли падают с небес на землю. Гроза... Стихия... Сила. Я один. Мне – всё равно. Нет границ, нет авторитетов. Я ничтожен, но свободен. И лучше умереть, чем снова загнать себя в клетку. Казалось, я вернулся в прошлое, когда ещё ничего умел и не знал, когда думал, что передо мной открыт весь мир. Так и было. Но я перестал верить, и всё стало иначе. Реальность, фантазии... Слова. Никто не может всего. Но никто и не делает всего, что может. Стало холодно. Стихия... Как бы не хорохорился – ты всего лишь человек. Я опустил голову, вытерев лицо ладонью – и ощутил чужое присутствие. Резко развернувшись туда, где, как мне показалось, кто-то есть – я снова «вышел из тела». Ненадолго, всего на секунду, но успел увидеть все окрестности и находившегося неподалёку Грида. Меня ещё не заметили. Оказавшись на земле, я опять впал в ступор. Способности проявляли себя неожиданно, хоть и в нужный момент. Давали бы ещё понимание того, что делать. Бежать? Заметит. Бой? Что я могу сделать – без оружия? Если и могу, то не умею, пока что. Прятаться негде... Меня обнаружили, когда я ещё и шага не сделал с того места, где минуту назад стоял и, как идиот, кричал в небо. Да, идиот – это неизлечи-

мо...

– Стоять! Руки на голову! Ты пойдешь со мной.

– А почему бы тебе сразу меня не убить?

Грид подошёл ближе: ничего не говоря, что-то переключил на своей винтовке и нажал на спуск... Я оказался в десяти шагах у него за спиной. Не понимая, что делаю, вместо того, чтобы бежать – я бросился вперед: дернул Грида за ноги, прыгнул сверху, изо всех сил ударил по голове... Шлем треснул. Поднявшись, я перевернул Грида и безуспешно попытался снять расколотый шлем. Убил? Как такое возможно? Хотя, телепортация и выход из тела – тоже «невозможны». Знать бы, как управлять этим. Похоже, способности у меня проявляются только тогда, когда я сильно нервничаю. Классика, прям. Я забрал винтовку, зашвырнув её подальше (всё равно, у меня бы не получилось её использовать), и вытащил нож из ножен на поясе Грида. Может, тоже выкинуть? Боец из меня никакой, много ли от него будет пользы? Скорее – сам себя порежу, чем кого-то... Грид зашевелился: у меня по спине пробежали мурашки, рука судорожно сжала рукоять. Как бы то ни было – двадцатипятисантиметровый тесак в руках давал призрачную иллюзию силы. Пусть и без оружия – Грид не превратится в беззащитного котёнка, а я не намерен сдаваться «просто так». Солдат поднялся на удивление проворно, будто ни в чём не бывало – посмотрел на меня и спокойно сказал:

– Опустит нож. Ты не сможешь пробить им мою броню.

Меня разбивала предательская дрожь – но я постарался, так же спокойно, ответить:

– Я расколот твой шлем голыми руками. С чего ты взял, что я не вскрою тебя как консервную банку?

– Это невозможно.

– Хочешь проверить?

Грид твёрдо шагнул вперёд, будто собирался меня раздавить. Рука сильнее впиалась в нож, а я, что есть мочи, рывкнул:

– Стоять!

Грид замер. Он стоял в неестественной позе – будто ожидая следующей команды. Вспомнилась детская игра «Море волнуется», и, невольно – стало смешно. Я обошел Грида со всех сторон. Может, они и вправду – роботы? Или у меня такая способность? Интересно, она на всех действует? Я отошёл подальше и сказал:

– Отомри.

Грид сдвинулся с места, заканчивая шаг, и снова остановился – теперь уже сам. Покрутив головой и найдя меня – опять двинулся вперед.

– Стой!

Грид остановился.

– Иди!

Шаг вперёд.

– Стой!

Остановился.

– Иди!

Ещё шаг.

– Стой!

Всё верно: я, каким-то образом, взял его под контроль. Неизвестно, как именно, неизвестно почему, но я могу приказывать чужому разуму. А ведь Зак говорил, что Гриды почти не поддаются психическому влиянию...

– Кто ты, что делаешь здесь?

– Виктор Разряд, пятьсот седьмой, вооружённые силы ГРИД, провожу регулярный обход местности.

Имя у него – вполне человеческое, а вот фамилия... Впро-

чем, она не лишена смысла. Наоборот: странно то, что в чужом мире – встречаются имена из нашего. Или, мне только слышится наиболее привычный вариант? Я как-то позабыл о своём первом знакомстве с языком – когда непонятные и бессмысленные буквы превращались в известные мне слова.

– Зачем?

– Для выявления и устранения потенциальных угроз.

– Ты человек?

– Да.

– Почему ты подчиняешься ГРИД?

– Долг каждого гражданина Республики рабочих идеалов – соблюдение установленных норм и порядков. Я призван помогать гражданам и защищать от всего, способного повредить идеалам ГРИД.

Человек... Робот ты, с промытыми мозгами.

– Я ничем не угрожал вашему государству, зачем ты хотел увести меня с собой?

– Ты нарушил границы.

– А почему ты мне об этом не сказал? Я бы ушёл.

– Я действовал согласно инструкции. После допроса – тебе предложили бы стать гражданином Республики.

– А если бы я не захотел?

– Зависит от результатов допроса.

– Граждане Республики свободны в выражении личности?

– Да, в соответствие провозглашённым идеалам.

– А если я привержен другим идеалам? Которые отличаются от ваших?

– Твои идеалы будет рассматривать Верховный совет.

– Что будет, если они посчитают их противоречащими нашим?

– Тебя убедят в необходимости изменения.

– Что будет, если не получится меня убедить?

– Это невозможно, сила убеждения Верховного совета действует на всех.

– Нет ничего невозможного.

– Ты заблуждаешься.

– Недавно ты говорил, что твою броню невозможно пробить. Проверь свой шлем, он расколот.

Солдат легко снял шлем и осмотрел его. Рыжие волосы, голубые глаза, бледная кожа, потрескавшиеся губы... Выглядит как человек. Разговаривает – как робот. Что нужно сделать, чтобы так изменить психику? Не я ведь заставляю его говорить так, будто он читает мне строчки из учебника? Или я? Помню, как сам долго привыкал не выражаться «казённо». Но, всё равно ещё – нет-нет, да и проскочит фраза, в которой есть смысл, но нет жизни. Только сухой, раздутый канцеляризм.

– Убедился?

– Да.

– Всё ещё считаешь невозможным его разрушение?

– Я говорил, что ты не сможешь пробить мою броню этим ножом – металл, из которого он изготовлен, недостаточно прочен.

– Тогда, как мне удалось это?

– Не знаю, мало информации. Это подтверждает опасность, и то, что ты можешь являться потенциальной угрозой Государства рабочих идеалов.

Всё же, он не всегда говорил одинаково: называя ГРИД то «Республикой», то «Государством рабочих идеалов». Что-то от человека в нём осталось. Шальная мысль пронеслась в голове: что, если попробовать снять с него внушение? Или, дело ещё и в генетике?

– Что ты будешь делать, если Республика исчезнет?

– Исчезну вместе с ней.

– А если не получится?

– Невозможно. Республика может погибнуть только в результате войны. Я солдат и буду сражаться до последнего.

Мне показалось, или в голосе Грида появились эмоции? Даже мимика стала живее, появился слабый румянец, блеск в глазах.

– В войне могут быть выжившие. Что, если одним из таких станешь ты?

– Долг каждого – соответствовать идеалам Республики. Если я выживу, то продолжу служить им – и распространять

эти идеалы настолько широко, насколько будет возможным.

Уже интереснее. Система самовосстанавливается. Он не стал бы себя убивать – как я подумал вначале. Это и радует – значит, Син оставил своим солдатам хоть немного воли, и пугает – возможно, всё намного сложнее.

– Но другим могут быть чужды твои идеалы – что тогда?

– Я буду стоять на своём.

Ну что ж, раз так – попробуем «клин клином». Если я могу его контролировать, значит – и внушить, смогу. Наверное...

– Ты сам – волен выбирать свои идеалы, никто не вправе – устанавливать закон, для твоей души. Повтори.

– Ты сам волен выбирать свои идеалы, никто не вправе устанавливать закон для твоей души.

– А теперь – ещё раз, то же самое. Только замени «ты» на «я» и «твоей» на «моей».

– Я сам волен выбирать свои идеалы, никто не вправе устанавливать закон для моей души.

– Повторяй, пока я тебя не остановлю.

Грид начал повторять только что сказанное – механически, без какого-либо намёка на эмоции. Зачем я это делаю? Всё равно, свободным он не будет – это только ещё одна программа, которую я закладываю ему в мозг. Может, лучше

внушить, что теперь он подчиняется мне? Зак прав: нельзя давать людям свободу – они, попросту, себя уничтожат, когда возникнет множество противоречивых интересов, загонят себя в ловушку страстей. Все жаждут свободы – не понимая, что она такой же призрак, как и желание «жить вечно». А вечен – только Абсолют. Только он и свободен. У всего остального есть границы – неважно, насколько великие. Но мне, отчего-то, хотелось дать ему, хотя бы, призрачное стремление. А ещё – я постарался «вырвать» из его состояния всю агрессивность, которая была сейчас. Не способность злиться – а память, о его нападении на меня. И заодно – «инструкцию» о том, как поступать с «нарушителями».

– Достаточно, ты можешь быть свободен. Иди домой, если хочешь.

Грид встал как вкопанный, потёр рукой лоб.

– Я на посту.

– Тогда – делай, что должен.

– Я не помню, что делать.

– Сколько ещё человек на посту?

– Ещё пять.

– Спроси у них.

– Где моя винтовка?

– Не знаю, ищи сам. Те, другие – могут появиться здесь?

– Нет, этот район патрулирую только я.

Странно, всего один... Впрочем, и пять, то есть, шесть человек – маловато будет. Видимо, Сину не так уж важны границы его владений. Хотя... Я вспомнил, как солдаты Грид выныривали из пустоты. Если они умеют телепортироваться – то достаточно одного сигнала, чтобы здесь была вся армия.

– Тогда найди оружие и продолжай патрулировать.

– Спасибо.

– Не за что, будь здоров!

Я похлопал Грида по плечу – мне было смешно и немного жалко его. Как он назвал себя? Кажется, Виктор. Может, вернуть всё как было? Приказать замереть на несколько минут – и уйти? Нет, не для того – я выворачивал, сейчас, ему мозги.

– Виктор, ты должен отвести меня к себе, в вашу часть.

– Зачем?

– У меня есть важная информация для Верховного совета.

– Хорошо.

—///—

– Ну как? Всё понял?

– Всё, что мог.

Я взмахнул рукой, и мы оказались на пустыре – том самом, с которого всё началось. Вдалеке виднелся город.

– Ты что, перенёс нас обратно?

– Мы всё ещё в Храме, не замечаешь?

– Нет. То есть, Храм и пустырь – одно место?

– Они связаны. При необходимости, Храм может появиться в любом месте – но здесь это сделать легче всего.

– Ещё один переход?

– Можно и так сказать.

Мы снова стояли в Храме.

– Так ты просто создал иллюзию?

– Да. Вспомнил и нарисовал. Хочешь город посмотреть?

– Там есть что-то интересное?

– В общем, нет.

– Тогда обратно.

– Сам не разобрался ещё?

– Нет. Кое-что смутно вырисовывается, но этого мало.

– Так можешь попробовать.

– Нет, давай ты. Мне нужно переварить всё, что узнал.

– Ну, держись тогда.

Дорога обратно показалась мне легче – да и Дрон выглядел лучше, по сравнению с первым разом. Мы перенеслись в ту же комнату, из которой ушли, Валерки не было.

– Сейчас у тебя лучше получилось.

– Я заметил.

– А заметил, что ты больше не прозрачный?

Я осмотрел себя, прошёлся, потрогал стену, мебель. Когда я появился здесь в первый раз – то, как призрак, не мог ни к чему прикоснуться, сейчас же всё стало осязаемым. Пережёсся полностью? Интересно, кто, или что – осталось у меня на кухне... И осталось ли. Я представил, как меня забирают и везут в больницу, чтобы «откачать», или как я растворяюсь в воздухе, на глазах у Оксаны... Знакомое чувство тревоги начинало сверлить сознание, не давая сосредоточиться.

– Не заметил, теперь вижу. Мне пора домой.

– Бывай.

Я замер и закрыл глаза. Домой. Домой, быстро! Моргнув, я увидел, что всё ещё нахожусь в катакомбах. Беспокойство нарастало, вот-вот обещая превратиться в панику – я стиснул зубы и сильнее зажмурился.

– Не выходит? Может, силы не хватает? Давай подтолкну.

Дрон положил мне руку на плечо – от неожиданности я подпрыгнул, чуть не упав с табуретки. Я снова сидел за столом своей кухни. Медленно поднявшись, я открыл холодильник и достал бутылку воды. Последние слова Дрона вспоминались как обрывки сна, но остальное я помнил хорошо. Интересно, я когда-нибудь привыкну к этим переходам – и научусь, наконец, нормально перемещаться? Без мысли: «А, получится?». Сегодня вышло, завтра нет. Хорошо, хоть,

Дрон помог. Понимаю теперь, почему он сам не хотел пробовать. Он не понимает, как это делать. И не рискует. А я и не понимал никогда, всё «на авось». Странно только: отчето Дрон стал таким рассудительным? Появилось, что терять? Так у него только способности появились. Или нет? Из ванной – по-прежнему, доносился шум воды. Приоткрыв дверь, я заглянул внутрь – и тут же получил «заряд» пены, в лицо. Сдёрнув полотенце с крючка, я закрыл дверь. Бесят такие «шутки»... Обычно я отвечаю, но сейчас не до того. Сколько я провёл в отключке? Складывается впечатление, что «там» и «здесь» время идет по-разному. Или – неосознанно, я возвращаюсь примерно в тот же момент, когда «ухожу» из одного мира в другой. Интересная была бы особенность – не пропускать ни одного важного, для тебя, события. Я развалился в кресле и закрыл глаза. Когда же я нормально отоплюсь... А не буду проваливаться неведомо куда, с риском не вернуться. Вышла Оксана: в халате, с растрёпанной, ещё мокрой, головой. Вот, что мне нравилось – так это то, что она никогда не накручивала себе «тюрбан» из полотенца. Сушила волосы феном, тщательно промокнув, прежде. Оксана улыбалась, напевая знакомую мелодию, и вообще – казалась «свежей», неомрачённой ничем, ничуть не уставшей. Чего, наверное, нельзя сказать обо мне: я чувствовал себя как выжатый лимон.

– Ты что, уснул? Я же тебе кричала.

– Не слышал. Зачем звала?

– Шампунь нужно было достать, с дальней полки – забыла с собой взять. Пришлось так из ванны вылезать, мокрой. Иначе не дотянуться.

– Прости, я действительно заснул. С лёгким паром!

– Спасибо.

– Оксана, что ты помнишь?

– В смысле?

– Как прошел сегодняшней день?

– Нормально. Встала, поела, ушла по делам, вернулась, тебя не было, вспомнила кое-что, пошла обратно. На лестнице – встретила с тобой. Ты опять пристал ко мне с какой-то ерундой: мол, где была и т.д. Потом мы пошли по моим делам, ты меня не отпустил. Помирились по дороге, вернулись. Я пошла в ванную, а ты здесь остался. Вроде так. Кстати, а ты точно здесь сидел? – Оксана ухватила меня за шею и села на колени. – А то, до меня допытываешься, а сам пропадаешь, неизвестно где.

– Точно, точно.

Я перехватил ноги Оксаны, усадив её поудобнее. Перемены были разительны: всё напряжение, между нами – куда-то ушло, Оксана ничего не помнила. Действительно не помнит? Расспрашивать о подробностях я не хотел – опасаясь, что это приведёт к новому конфликту. Если она не помнит – её будет раздражать мой интерес, а если помнит... Тоже, ничего хорошего. Рано или поздно всё выяснится, а я теперь знаю,

чем всё закончится. Вернее, догадываюсь. И это меня вполне устраивает. Как ни странно, Оксана лучшая из тех, кого я знал, несмотря на всё недопонимание между нами. Не человек – вот в чём дело. Не из этого мира... Только поэтому я и мог с ней общаться: других – не понимал, ещё больше. Удивительно: столько разных, непохожих характеров, столько нюансов... Но одинаковая суть: тебя пытаются подмять под себя, сделав «удобным» и «нормальным» – в своём понимании. Ты либо подчиняешься – либо подчиняешь. «Равных» нет, что бы там ни говорили. В группе не может быть двух лидеров – это закон. Вечный парадокс: люди слишком слабы, чтобы выносить одиночество, но слишком эгоистичны, чтобы быть вместе. Потому и распадаются «семьи», которые едва успели появиться. А те, что остались, договорились называть постоянную войну, меж собой – «притиркой» и «семейными отношениями». Всё это настолько привычно, что считается нормой. Даже необходимостью. Конечно, в противостоянии человек развивается... Только о каком, к чёрту, «священном союзе» – может идти речь?

– О чём задумался?

Оксана погладила меня по щеке. Как странно... Совсем недавно – всё было кончено. И вдруг – началось снова. Будто перезагрузили зависший компьютер. Невольно, в памяти воскресали старые чувства, ощущения. Уже не те, но похожие. Мурашки от прикосновения, детская робость... Только

теперь, скорее – от желания всё рассказать. Понимания, что в этом нет смысла.

– Так, ни о чём. Просто устал.

– Отчего?

– От всего, ты же меня знаешь. Находит, временами...

– Знаю.

Оксана прижалась ко мне, и, зевнув, закрыла глаза.

– Я люблю тебя.

– А я тебя – нет.

Надо же... «А я тебя – нет» – даже эта фраза вернулась. Оксана всегда произносила её, словно шутя. Скорее всего, так оно и было – она шутила. И даже не подозревала, что говорит правду. Эмотиконы не принадлежат себе – они живут, четко выполняя миссию. Почти как люди, но не так – им дано меньше воли. Их эмоции – способ понимать и менять других, а наши – способ оправдания звериной природы. То, что мы называем любовью – не более чем её отголосок. И нам всегда мало... Так любят люди. А эмотиконы?

– Оксана, как у тебя дела с братом?

– Нормально, давно его не видела.

– Скучаешь?

– Немного, а что?

– Так, ничего...

А эмотикины – любят безусловно: всех и никого. Они могут обижаться, но когда обид накопится слишком много – «обнуляются»: забывают всё, приходят к началу и продолжают свою миссию. Я вздохнул. Жаль её... Она, наверное, счастливее многих из нас, но – всё равно, жаль. Отчего-то, я воспринимал свою догадку как истину. Видимо, сказывается легкое получение информации в Храме: заставляет думать, что всё, приходящее в голову – правда. Опасная иллюзия – к ней легко привыкнуть. Всё может оказаться куда сложнее.

—///—

Чем дальше мы уходили, тем больше я узнавал местность вокруг – именно этой дорогой мы шли, когда я только угодил в этот мир. Похоже, туда же и направляемся. И, может быть – меня ведёт тот же самый Грид.

– Эльдар! Я ещё одного привел.

– Зачем сюда? Вёл бы его напрямиком в отстойник.

– Говорит, что у него есть важная информация для Верховного совета.

– Что? Ты с ума сошёл? Откуда он, вообще, знает про Совет? Сюда его, быстро!

По спине пробежал холодок: а вдруг, не получится? Внутренне подобравшись, я шагнул в комнату.

– Я здесь.

Эльдар меня узнал – это было ясно по его ошарашенной физиономии. Очевидно, что встретить меня здесь, снова – он не ожидал. Всё же, это не биороботы, как показалось вначале – подумал я – эмоции у них, явно, в наличии. Разговаривая громко и живо минуту назад – теперь, резко изменив тон и делая большие паузы между словами, Эльдар выдавил из себя:

– Как ты здесь оказался?

Такая реакция, поначалу, сбила с толку меня самого – складывалось впечатление, что он испугался. Но я, едва ли, мог так его напугать.

– Пришёл.

Эльдар вскочил и крикнул:

– Вяжи его! Ты что, ориентировок не помнишь?!

Я вздрогнул, но, тотчас опомнившись – резко сказал:

– Всем оставаться на месте!

Эльдар замер, едва шевеля губами. Он ещё не был под моим контролем – я только начал отчётливо чувствовать его состояние, мысли – он был в ступоре, не понимая, что происходит. Виктор стоял рядом и не двигался: к своему удивлению – я без слов мог отдавать ему приказы. Осознав эту

возможность, я, уже спокойнее, произнёс:

– Он под моим контролем, Эльдар – ты ведь об этом, сейчас, думаешь? Ты знаешь, что бежать некуда: поднять тревогу невозможно, связь ещё не успели восстановить.

По крупицам я вырывал мысли из его мозга, очищая память и внушая необходимое. К сожалению – понять, о чем именно он думает, я не мог. Но хорошо чувствовал состояние и эмоции, «ауру». Я продавливал ментальный барьер постепенно: вспоминая, как делал это с Виктором, находя отличия и не переставая удивляться тому, что мне открывалось. Я начинал видеть чужими глазами, чувствовать других людей в здании. Все Гриды связаны: неясной, пока, связью – но уже отчётливо ощущаемой мною. Я будто попал в большой организм, став его частью. Это было удивительно, непонятно, интересно и страшно: мне не верилось, что подобная способность может появиться просто так, ниоткуда. Силы проявлялись настолько стремительно, что я начал сомневаться в реальности происходящего. Может, я снова в одной из тех комнат, где Гриды держат заключённых? Лежу и брежу. Я снова вздрогнул: кто-то похлопал меня по плечу.

– Привет, Виктор. Что стоишь? У тебя уже пять минут как увольнение началось.

– Да, просто задержался, с Эльдаром поболтать.

– Не нужно дежурного отвлекать, иди.

– Всё, ухожу.

Я, а вернее, Виктор – вышел и встал за дверью. От себя же я «отводил глаза», оставаясь незаметным. Подсознание подкидывало сюрпризы: я вроде бы контролировал ситуацию, но мало на что влиял осознанно – действовал по наитию.

– Эльдар, привет. Ты чего сидишь, как статуя?

Рон (я уже знал имя вошедшего) шагнул вперёд, чуть не столкнувшись со мной.

– Эльдар, с тобой что? Слышишь меня?

Увы, я не мог заставить Эльдара вымолвить хотя бы слово: видимо, чтобы установить полный контроль – требовалось ещё время. Поминая черта, я проявил себя.

– Он спит.

Рон повернулся на мой голос. Вид у него был, мягко говоря, устрашающий: почти в два раза выше и шире меня; красные прожилки в глазах; лицо, испещрённое множеством мелких, и парой крупных, шрамов. Кроме того – я прекрасно чувствовал его настрой: лёгкое замешательство и готовность «раздавить любого». К счастью, у меня получалось «отводить глаза», даже когда это чудище смотрело в мою сторону.

– Кто это сказал?

– Я, – Отозвался Виктор.

Рон повернулся в его сторону. Я, буквально, кожей ощу-

щал безумие, которое охватывает этого громилу, чувствовал его внутреннюю дрожь и страх, мгновенно преобразующийся в ярость. Страх? У него?! Внешне – Рон был совершенно спокоен. Может быть, это и есть то самое «психопрограммирование»? Один из сильнейших инстинктов преобразуют, пуская в нужное русло. Незаметно, даже для самого «носителя». Умно, что сказать...

– Ты! Почему ещё не ушел?

– Не хочу.

– То есть – как? Что с Эльдаром?

– Спит.

– С открытыми глазами?

– Закрытыми.

– Я только что видел!

– Посмотри ещё раз.

Рон оглянулся, я сразу же попытался «уложить» его, с помощью Виктора. Удар, который, наверное, размозжил бы голову обычного человека – не очень-то повредил громилу: тот развернулся и вцепился Виктору в горло. А я судорожно пытался проломить его защиту, чтобы ослабить хватку. И, снова неожиданно – поднялся Эльдар, выстрелив Рону в голову. Верзила обмяк и осел на пол. Чёрт побери, да кто же ими управляет? Я, моё подсознание, или что-то ещё? Пока всё складывается в мою пользу, но как долго это будет продолжаться? Я не могу понять, как получаю контроль! Если и уда-

ется – то всегда по-разному. С Виктором получилось легко, с Эльдаром – чуть сложнее, защиту Рона я не смог пробить. Или, попросту, не могу контролировать слишком много? Логично ведь... Нужно уходить, но куда? На кой чёрт я, вообще, сюда потащился... Казалось, неплохая идея: «забраться в «логово врага» и найти его слабое место». Нашёл... Даже, слишком много. Только смысла – никакого. Что с того, что со мной два полужомби, которых уничтожат, едва всё вскрыется. Я могу отвести глаза одного–двух. А десятка? Или больше? Почему мне так не хочется возвращаться на базу? Интуиция? Или меня самого «ведут», куда надо – непрерывно наблюдая? Слабо осознавая, что делаю – я сорвался с места и побежал. Ноги несли сами – я сворачивал туда, куда казалось нужным, не задумываясь. Виктор и Эльдар остались на месте, я «вышел на свет», через несколько минут.

—///—

Уже неделю я не видел снов. Целых семь дней – не проваливался, неведомо куда, почти не вспоминал о Храме, других мирах, Дроне и Валерке. После того, как Оксана всё забыла, я сам будто вернулся в прошлое и просто жил, не задумываясь о том, что будет дальше. Всё заканчивается. Я подскочил с постели, тяжело дыша. Нашупал рукой телефон, посмотрел на часы. Половина второго ночи. Оксана спала рядом. Хоть она – не приснилась... Если только, именно это

– не сон. Скоро я окончательно потеряю способность различать сон, явь, и свои перелёты между мирами. Холодно... Я достал второе одеяло и, накинув его на плечи, пошёл на кухню. Налив в кружку горячего чая, я сел и укутался. Началось... Или нет? Ничего конкретного из сна я не помню.

– Ты почему не спишь?

Я вздрогнул, повернув голову: в дверях стояла Оксана и смотрела на меня тревожным взглядом. Я громко втянул в себя чай, собираясь с мыслями, думая, что ответить. Кажется, стало ещё холоднее.

– Не спится.

Наверное, голос у меня дрожал – Оксана подошла и положила ладонь ко мне на лоб.

– У тебя жар.

– Серьёзно? А я думал, наоборот.

– И предбредовое состояние – шутки глупые.

– Какие есть. Оксана, а ты – почему не спишь? Это я тебя разбудил?

– Да. И ещё – какая-то чушь снилась.

– Это ведь только сон, ты сама так говорила. Сниться может что угодно... Кстати, не помнишь – что? Не было там такого: Храма, или большого зала?

– Не помню. Может, были. А тебе зачем?

– Просто интересно. Мне тоже иногда снятся странные

сны.

– С большими залами?

– И с залами, и без. Давно хотел тебе рассказать. Всё, как-то, «к слову не приходилось».

– Что рассказать?

– Что всё всегда не совсем так, как мы видим.

– А, ты об этом... Ладно – расскажешь потом. Я спать.

– Нет, Оксана, подожди. Пожалуйста... – Я снова с шумом отпил из кружки, – Это касается тебя. Твоей памяти.

– А что – моя память?

– Ты хорошо помнишь последнюю неделю? И то, что было до неё?

– Отлично.

– Что происходило в эти дни?

– Ничего интересного: дом-работа-дом. Рутинка.

– А говоришь – хорошо. Попробуй вспомнить в деталях.

Хотя бы один день.

– Хватит нести бред – иди, лучше, спать! И, на, – Оксана пошарила рукой на полке, где мы обычно оставляли болеутоляющее с жаропонижающим, достала коробку и поставила её на стол. – Выпей таблетку. Утром поговорим.

Я молчал, осторожно отпивая чай – так, чтобы больше не шуметь. Утром так утром... Оно, и вправду, лучше – с утра. Оксана ушла, я остался сидеть – думая о том, что происходит, как правильнее об этом рассказать. Очень хотелось

не говорить ничего, снова пустив всё на самотёк. Но эта политика, с недавних пор – начала вызывать у меня отвращение, я старательно отгонял такие мысли. Может, снова показать ей храм? Он, явно – как-то влияет, на всех. В прошлый раз – она уснула. Случайно? Думаю, нет. Парк? Именно там она начала странно себя вести, оттуда она вернулась, потеряв часть памяти. Зато, в самом парке, кажется – вспомнила что-то важное. Да, сначала туда. Чай уже остыл: я оставил недопитую кружку на столе и пошел в спальню. Дрожь утихла – сам не заметил, как. Будто и не бывало. К таблеткам, оставленным Оксаной – я не притронулся, хоть и помнил о них. Хорошо знакомое чувство незавершенности – снова начало зудеть в мозгу. Я осторожно улегся на постель. Что я опять забыл? Что...?

—///—

Тонкий луч пробивался сквозь завалы камней и земли. Так вот ты какой – свет, в конце тоннеля. С досады – захотелось удариться лбом об эту, внезапно выросшую стену. Даже мысль появилась: «а, вдруг – пробью?». Может, я теперь и сквозь предметы проходить могу? Я прикоснулся ладонью к завалам. Нет, не получится... Похоже, раньше здесь была лестница. Вход подорвали. Или – случилось землетрясение... Я начинал думать о чём угодно, только не о выходе. Казалось, мозг сводило судорогой. Тихий шорох заста-

вил вздрогнуть не хуже взрыва, я мгновенно повернулся на звук, но, конечно – ничего не увидел. Судорожно выдохнув, я опустился на землю. Спокойно, соберись. Тебя уже ищут. И обязательно найдут – если оставаться на месте. Спокойно... Я закрыл глаза, представив себя в пустоте. Вокруг темнота, но вот появляется свет. Его всё больше, он проникает всюду, уничтожая тень... Что-то быстро промелькнуло мимо меня, я подскочил на месте и начал оглядываться. Всё нормально... Мысли, более-менее, успокоились. Я пристально посмотрел туда, откуда шёл свет – и «повис на луче», выйдя из тела. Было забавно: луч казался вполне вещественным. Снаружи ничего необычного, примерно то, что и ожидал: старый вход, полуразрушенное здание; немного подальше – дом, из которого, вероятно, я только что сбежал; несколько корпусов неизвестного назначения... Вот дорога, по которой мы шли. А вот город, которого я не видел, по пути сюда. Почти мгновенно преодолев расстояние, разделявшее базу Гридов и город, я опустился на крышу одного из домов. Почему всё так похоже... Почти как у нас. Только улицы пустые. И дома повыше. Но в остальном – тот же бетон, те же коробки. Конечно, если придирааться к деталям – можно найти различия: всё слишком серое, дороги идеальные – ни ям, ни трещин. Есть странность: я не замечал колодцев. Не могут же они обходиться без канализации? О! Первый человек. Обычная одежда – снова, совсем как у нас: джинсы, или нечто, очень похожее на них; что-то вроде кед; фут-

болка. Встретишь такого на улице – и тут же забудешь. Человек вышел из одного здания – и почти сразу скрылся в другом. Интересно, «Республика ГРИД» – это один город, или есть еще? Я поднялся повыше – чтобы охватить взглядом как можно больше территории. Вот город, а вот здесь должна быть наша база. Я хорошо помню аномалию, неподалёку от неё – именно там завязалась бойня, в которой у меня проявились способности. Сверху – аномалия напоминала воронку или размытый глаз. Немного жутковато – особенно, если вспомнить, что там, недавно, происходило. Километров двадцать... Или около того. Как же близко мы расположены! Можно добраться пешком, если возникнет необходимость. Кажется, раньше город был намного больше: иногда, посреди пустого поля, взгляд выхватывал остатки руин. Только сейчас всерьёз задумался: неужели, они одни? И этот город, с кучкой повстанцев рядом – единственная жизнь на планете? Неужели... Мысли оборвались – я начал падать. До земли не долетел: в какой-то момент я «нырнул» в другое измерение, и, очутившись в молочно-белой пустоте, завис в воздухе. Смешно раскинув руки, я болтался в невесомости, не в силах пошевелиться. Переведя дух, я закрыл глаза – и, тут же, падение возобновилось. Ни шевелиться, ни, даже, кричать – я больше не мог. Тяжелый удар в спину – и темнота...

Сон не приходил, я перевернулся на спину и уставился в потолок. Иногда, я мог так пролежать до утра, но чаще, всё же – засыпал, незаметно для себя. Я закрыл глаза, снова попытавшись выкинуть все мысли из головы. Проснулся оттого, что Оксана хлопала меня по щекам.

– Да проснись ты!

Я открыл глаза и поднял голову, перехватив Оксанину руку.

– Всё, всё, не сплю. Что случилось?

– Дверь не открывается.

– Какая дверь?

– Какая-какая – входная, в квартиру!

Я поднялся и сел, тряхнул головой, взъерошив волосы свободной рукой, только сейчас отпустив Оксану.

– То есть, как?

– Не знаю! Иди, посмотри.

Я снова помотал головой, и, теперь уже сам, дал себе пощёчину: после ночного бдения – просыпалось тяжелее обычного. Ещё полминуты я сидел с закрытыми глазами, пытаюсь прийти в себя. Голова немного кружилась, резко поднявшись – я, пошатываясь, пошел к двери. Черт знает что, как она может не открываться? Руки трясутся так, будто пил вчера; по коже побежали мурашки. Внезапно, меня начало знобить: словно вокруг резко похолодало – градусов, этак, на

двадцать. Ключ – действительно, не поворачивался. Я присел и бессмысленно уставился на замочную скважину. Голова гудела, я с трудом проталкивал мысли в нужную сторону, и, не придумав ничего лучше – пошел за зубилом с кувалдой, собираясь выдолбить стену около язычка замка. Минут десять ушло на то, чтобы вспомнить: зубила у меня нет – потерял, в прошлом году; осталась только кувалдочка, на пару килограмм. Ящик с инструментами стоял около кровати; чертыхнувшись, я грохнулся на спину, закрыв лицо ладонями. Думай, вспоминай! Давай! Я вспомнил. Но, вскочив от внезапной мысли – тут же сел обратно, морщась и растирая ногу. Как всегда, запнулся о ножку кровати. В голове слегка прояснилось – я вспомнил, что уже сталкивался с этой неисправностью. И, странное дело – озноб прошёл. Подобная ситуация уже случалась: ключ-дубликат не поворачивался, а оригинальный – нормально открывал. Стянув со стула штаны и достав свой ключ, я встал, и, прихрамывая, пошёл проверять догадку. Ключ послушно повернулся, я облегченно вздохнул, закрывая дверь. Оксана сидела на кухне, я подошёл и положил ключ на стол.

– Всё нормально. Просто нужно смазать замок.

– Сделаешь?

– Да. Сейчас, только, смазку найду. Ты торопишься?

– Уже нет.

– Хорошо, тогда я в магазин.

Смазка... Старый баллончик давно закончился, а купить новый – всё никак «не доходили руки». Порывшись в ящике стола, я нашёл мягкий карандаш – которым, последнее время, только так и пользовался: чтобы «чинить» замок. «Зачертив» ключ со всех сторон, я засыпал графитовую крошку в замочную скважину. С небольшим усилием, дубликат повернулся. Поработает ещё. Я быстро оделся и пошёл в магазин. На выходе из подъезда, меня чуть не сбил соседский мальчишка, – Егор, кажется. – Я отскочил в сторону.

– Аккуратнее будь! – крикнул я вдогонку.

Ну, носятся... Стоп! Егор уже оканчивает школу, а этот – максимум, во втором классе. Снова кто-то подселился? Несколько квартир в нашем подъезде сдавалось – соседи, периодически, менялись. Хорошо хоть, нечасто. Я помню Егора, примерно, с этого же возраста... Но, странно: как я мог так обознаться? Мне вспомнился курьёзный случай – когда я проснулся с совершенно чётким ощущением: «не хочу идти в школу!», а через несколько секунд понял, что школа давно закончена... Невольно начав улыбаться, я стал вспоминать другие смешные моменты – чуть не угодив под машину, из-за этого. Визг тормозов – и, слышный даже через закрытые окна, крик: «Олень!». Я вернулся к реальности, осмотревшись вокруг. Быстро перейдя дорогу – я остановился на другом краю, машина сорвалась с места. Нет, ну не урод ли!? Это же пешеходный переход! Или, если светофора, камер

нет – всё равно? Интересно, кто это? Я посмотрел вслед – номер резко приблизился. От неожиданности, я часто заморгал. Чертовщина... Что со мной происходит, с утра? «Пешеход! Погибая на зебре, знай – ты был прав!» – вспомнилась «бородатая» уже фраза. Шутки шутками, а ведь сейчас – именно такая ситуация. И номер ведь, не запомнил...

– Парень, подожди!

Я повернулся на голос. Пашка Черенькин – не сразу, но я его узнал – спешно подходил ко мне. Следом шли ещё двое.

– Оксану знаешь?

– Допустим, какую Оксану?

– Да не допустим, а знаешь, или нет. Оксана Завьялова – знаешь такую?

– Допустим, а что такое?

Я даже не заметил, как пропустил удар в челюсть... И вот уже – двое держат меня сзади, за руки, а я стою и отплеываюсь.

– Ты дурак, что ли? Тебя спрашивают – да или нет? А ты – «допустим», «допустим».

– А ты кто такой?

– Тебе мало что ли? В общем – Оксане скажешь, чтобы домой возвращалась. А дружку своему, Бесу, передай: найду – кишки выпущу. Понял?

Перед глазами всё «плыло», я снова начинал видеть как во сне. Мир стремительно терял чёткость; звуки, казалось – доносились откуда-то издалека; тело сделалось – будто не моё. Подняв голову, я посмотрел в глаза Пашке Черному, попытавшись изобразить на деревянном лице ухмылку. Ответить я так и не успел: невесть откуда взявшийся свист – заполнил собой все сознание, вытеснив последние мысли.

—///—

Я открыл глаза. Знакомая картина... Молочно-белая, пустая палата. Значит, меня нашли – как раз тогда, когда я не контролировал, что происходило в этом, чёртовом подземелье. Как выбираться будем? Подождём – пока, кто-нибудь, придёт? Я закинул руки наверх, и потянулся, зевая. А может – просто отдохнуть? Мне вдруг стало безразлично происходящее. С чего бы? Усталость, или внешнее воздействие? Я ведь знаю теперь: всё вокруг – только иллюзия. Койки, на самом деле, не пустые – но каждый, скорее всего, видит примерно одну и ту же, картину. Неважно – догадывается он об иллюзорности, которая его окружает, или нет. Всё равно – он не в состоянии договориться ни с кем. Бунт, восстание, да и почти любое сопротивление – исключены. Всё очень верно и чётко устроено. Быть может, даже – каждому здесь, могут устроить свой, «персональный ад»... Кто знает этих психоников? Опять же: в прошлый раз – нас куда-то перевозили. Зна-

чит – здесь они могут не всё. Если я именно там, где предполагаю... Как я понял, люди здесь – всё равно, что расходный материал. Что, конкретно, они с ними делают – непонятно. Догадываюсь только, что, скорее всего – личность уничтожается. Может, солдат штампуют. А может... Нда. Нет, это слишком. Но ведь, и правда – я не заметил в округе ферм. И вообще – ничего подобного. Что если... Я зажмурился – начав старательно, в деталях, вспоминать момент, когда меня уводили отсюда. Любую систему можно взломать, было бы время и умение. И, если уж они навели этот морок, значит и я – смогу. Взломаю этот, сделаю свой. Посмотрим, тогда – кто кого. Мурашки пробежали по спине, застучало и заломило в висках, я открыл глаза. Воздух будто бы дрожал, кажется, стало темнее. Перед носом повисла едва заметная рябь, похожая на «белый шум» с экрана старого телевизора. Либо – получается; либо – я схожу с ума... Свет погас и загорелся снова, а, затем – начал мерцать, всё чаще и чаще. В висках снова заломило, по телу прошёлся спазм. Меня выгнуло дугой – казалось, чуть не переломив пополам. Свет становился всё ярче, но я не мог закрыть глаза, кожа горела, воздух стал густым и тягучим. У меня больше не было тела: только всепоглощающая боль и воспаленное сознание, которое не желало отключаться. Всё закончилось так же внезапно, как и началось: неясно, в какой момент – я понял, что лежу на кровати, ровно так же, как и в первый раз. Я посмотрел на руки, потрогал лицо. Никаких ожогов. Что это

было? Защитная система? Испытание, эксперимент? Я поднялся и свободно дошёл до угла комнаты, походил кругами. Действительно, пустая. Но это ведь – нелогично... У меня только одно объяснение: всё вокруг – мираж. И то, что происходило недавно – существовало только у меня в сознании. Или, что там от меня осталось? Кто-то позади – коснулся моего плеча: я вздрогнул и отпрянул, повернувшись.

– Зак?! Как ты здесь... Почему ты?

– А кого бы ты хотел видеть? Сина? Скорее всего, он даже не узнает о тебе. Ты понимаешь, куда вляпался? Где находишься?

– Нет, только догадываюсь. Что-то вроде перевалочного пункта, перед лабораторией.

– Лабораторией? – Зак сдержанно засмеялся. – А, впрочем – почти угадал. Когда-то – пункты очистки были лабораториями.

– А сейчас?

– Сейчас они больше напоминают газовые камеры. Но, вместо физической смерти – уничтожение личности.

– Таким способом они производят своих солдат?

– Солдат, рабочих. Всех. Разница только в глубине очистки. Гражданское население проходит некоторое подобие инициации: минимальное вмешательство в психику, браслет идентификации; никакого зондирования. Солдат готовят намного тщательнее: отбирают по физическим и психическим способностям, распределяют по специализациям. После че-

го «программируют», создавая новую личность.

– Как отсюда выбраться?

– Как ты и предполагал – взломав защиту. Думаешь, как я тебя нашёл? Именно по твоей попытке сбежать. Обычно-му человеку это сделать невозможно, но у тебя – может получиться.

– Я даже сделать ничего не успел, меня всего скрутило.

– И что? Подождешь, пока тебя сотрут? Тебе повезло, что Син купировал у всех психовосприимчивость, твоя попытка прошла для них незаметно – слившись с чужими потугами. Он настолько верит в свою систему, что тебя сейчас даже не охраняют.

– То есть, ты предлагаешь попробовать ещё? Пока не получится?

– Именно так. Я тебе помогу, насколько возможно. Запомни: всё вокруг – обман; только четко осознавая цель, двигаясь к ней, несмотря ни на что – ты добьешься своего.

– Легко сказать.

– Конечно. Но сейчас – только ты сам сможешь вытащить себя. Так что не ной.

Я глубоко вдохнул и закрыл глаза. Всё нереально; все – только кажется; я смогу... Огонь мгновенно охватил меня: полыхнул в спину и начал растекаться по всему телу; суставы заломило – выкручивая, с новой силой. Зак не обманул – в этот раз, действительно, было немного легче. Может быть

– он как-то подпитывал меня, может внушение. В бреду, я, как мантру, повторял: «всё нереально». Боль представлялась как нечто вещественное: я отодвигал её, разрывал – пытаюсь заглянуть «за»... Не помню деталей произошедшего. Но я снова обнаружил себя, лежащим на кровати. В комнате висели густые сумерки, свет проникал откуда-то издалека. Я поднялся и огляделся. В темноте сложнее разобрать окружение, но, можно увидеть, что ближние койки пустые. Всё получилось? Или снова иллюзия? Что, если за мной наблюдают? Как за крысой в лабиринте. Изучают и развлекаются – подкидывая все новые испытания. Как разобрать – где реальность, а где обман? Так можно окончательно свихнуться... Я пошёл на свет – отгоняя мысли о мотыльке, свече, и крысе в лабиринте.

—///—

Немыслимая круговерть неслась перед глазами, свист «накрыл с головой». И куда теперь? Я почти привык к тому, что меня неожиданно бросает из одного измерения, в другое, но чтобы так... Кажется, что кто-то хочет добавить спецэффектов и зрелищности. Интересно, как всё это выглядит со стороны? Я исчез, упал в обморок? Самое интересное, что в итоге – всё заканчивается, более-менее, хорошо. Волей-неволей – начинаешь задумываться, что за тобой наблюдают. И руководят происходящим. Мог я полгода назад

представить, что всё будет так? Да никогда! Почему же, так долго... Если бы я чувствовал движение воздуха – всё было бы логичнее. Чёрное пятно вдалеке, быстро приближается... Меня подбросило. Я сидел в темноте, тяжело дыша. Встав с кресла, я, не задумываясь, нашел выключатель. Свет резанул по глазам, я тут же отключил его, «переваривая» увиденное. Это моя комната, а на постели – лежу я сам. Что бы это могло значить? Либо мне всё снится, либо – я попал в альтернативное измерение. Или... Черт, да... Тут ещё много вариантов возможно. Я достал телефон, чтобы узнать время. Одиннадцать утра. Нда, явное расхождение. Я аккуратно, стараясь не шуметь, поискал телефон на тумбочке. Половина третьего ночи. Это больше похоже на правду. А что, если... Я открыл календарь – и закусил губу, чтоб не выругаться. Третье марта. Выходит, я в прошлом. Как раз полгода – ведь сейчас должен быть сентябрь. Спасибо, незримый вседержитель – ты исполняешь все мои желания. Смешно. Особенно, в этой ситуации. Что ж ты, только – так поздно? Я помню: примерно в это же время – я хотел очутиться в прошлом. Вернуться назад, исправить ошибки... Начать по-новому. Кто из нас, хоть раз в жизни, не думал об этом? Но почему сейчас? Когда я не хочу ничего менять? Кому это нужно? Мне? Ему? Я, наискось, поднял глаза вверх. Оксана... Интересно, где ты. До твоего приезда – ещё три месяца. А мне что делать? Нужно пробовать возвращаться, да. Я поудобнее устроился в кресле и закрыл глаза. Назад, обратно... Туда, где я должен быть.

Дыхание перехватило на несколько секунд, свиста в этот раз не было. Наоборот – наступила, прямо-таки, «гробовая», пугающая тишина. Я открыл глаза. Комната, кажется, не изменилась – за исключением того, что ночь сменилась днём, и вокруг стало светло, а кровать уже пустовала. Я подошёл к окну, выглянув на улицу. Ярко светило солнце, полуголые деревья выпускали листья, местами лежал снег. Не то время – ещё весна... Надеюсь найти телефон, я подошёл ближе к кровати. Ничего... Взгляд уцепился за фотографии, лежавшие на тумбе. Взяв фото в руки, чтобы рассмотреть поближе – я сел на смятое одеяло (похоже, привычки у «другого меня» такие же – кровать он не заправляет). Валерка, Дрон... В дверь позвонили – я подошёл и посмотрел в глазок. Дрон?! Я открыл дверь.

– Привет, Серёга. Я посижу пока у тебя?

– Да, заходи... Привет. Каким ветром?

– Да у нас, по всему институту, света нет. Говорят – часа на два ещё. Ты когда постричься успел?

– Ты же... – я провёл рукой по волосам. – Позавчера постригся.

– Так лучше. Не то, что твои патлы до плеч.

– Seriously?

«Имперский марш» нас прервал – у Дрона зазвонил телефон.

– Что? Включили уже? Ладно, давай. Спасибо.

– Извиняй за набег, Серёга. Пойду обратно.

– Пока, счастливо.

Я закрыл дверь и пошёл досматривать фотографии.

—///—

Серёга стал другим: в чём-то – более открытым; в чём-то – наоборот. Может, кажется? Ведь, с недавних пор – всё вокруг поменялось. И я, скорее всего, тоже. Я пошёл к себе в комнату. Интересно, где Валера? Он остался здесь, когда Серега переместил нас. Меня начало клонить в сон – настолько сильно, что не могу теперь точно вспомнить, как добрался до кровати. Проснулся я от громкого разговора, доносившегося из главного зала. Зот что-то втолковывал Заку. Прислушавшись, я, к своему удивлению, почти ничего не услышал. Оторвавшись от кровати, я отправился в зал. Голова немного гудела, всё ещё хотелось спать, но, зевая в очередной раз, я ощутил, словно бы, оплеуху, от которой вся сонливость пропала – и пошел быстрее. Вот уже и Зота слышно... Действительно, говорит он негромко – я не мог проснуться от такого.

– Зак, ты серьёзно? Тебе острых ощущений не хватает?

Я зашёл в зал, Зак, до этого молчавший, повернулся в мою сторону.

– Привет, путешественник. Долго ты.

Зот, бросив на меня мимолётный взгляд, сказал: «Позже договорим» – и вышел из комнаты.

– Почему «долго»?

– Долго восстанавливаешься. Нелегко даются переходы?

– Нормально. Это ты меня разбудил?

– Конечно. Интересный у вас знакомый: раньше я о таком только слышал, сам никогда не наблюдал.

– И что в нём интересного?

– Он призрак. Вернее, так их называют – «призраки». Иногда – «странники». Те, которые перемещаются между мирами, но не могут целно существовать, ни в одном.

– То есть, как – не могут? В нашем мире – он вполне обычный человек.

– Думаю, ты не всё о нём знаешь, от него веет холодом междумирья. Призраки – полумифические существа. Считается, что они могут проявлять себя только частично. Возможно, что я ошибаюсь, а, скорее – недостаточно знаю. О призраках совсем мало информации. Как видишь, само их существование подвергалось сомнению.

– Обычный человек, со своими странностями. У тебя их ещё больше – никогда не знаешь, чего ожидать.

– Спасибо за комплимент. «Обычных» – здесь нет. Мы все со странностями, выше нормы, иначе не стоял бы ты, сейчас, передо мной. Возможно, в вашем мире он проявлял себя наиболее сильно. По одной из теорий – призраками ста-

новятся не сразу, этому всегда что-то предшествует. Вероятно, должна быть какая-то закономерность, предрасположенность «потенциального призрака» – но они неизвестны.

– Интересно... Так зачем ты меня разбудил?

– Ты спал почти сутки – пора уже.

– А серьезно?

– Трэшк отправился в вольное плавание и угодил в пере-
плёт.

– Где он?

– Не знаю точно. Он в одном из пунктов очистки ГРИД – это такие места, где Син лепит из людей послушных ему марионеток. Мне удалось его найти, похоже, даже – что вместе мы взломали защиту, и он освободился от пелёнок, в которые его завернули. Но, выберется ли дальше сам – неизвестно.

– Что значит – пелёнок?

– То и значит. Всех, кто попадает в пункты очистки – вначале держат, грубо говоря, под гипнозом. Грубо, потому что пси-воздействие – это не совсем гипноз. Это, скорее, прямая трансляция образов прямо в мозг, от которой почти невозможно освободится самому. Так людей подготавливают к очистке, не давая, одновременно, сбежать.

– И ты помог ему выйти из этого гипноза?

– Да, вероятнее всего. Но ментальная связь прервалась – не могу сказать, почему именно. Он резко начал прогрессировать – намного быстрее тебя, понимаешь?

– Нет.

– Я, в общем-то, тоже. Вы двое, даже трое – головоломки, которые я так и не разобрал. Он долго себя не проявлял, но внезапно – скакнул в развитии. Он телепат. В перспективе – более сильный, чем я. И он мне не доверяет.

– Ты хочешь, чтобы я его нашёл?

– Попробуй. Вы как-то связаны – разве ты никогда не ощущал?

– Нет.

– А, всё ж, попробуй. Возможно, он сам тебя найдет. Не буду мешать, – Зак вышел.

Я сел, прикрыв веки. Не буду мешать... Тебе не обязательно находиться в комнате, чтобы мешать. Как жить рядом с теми, кто читает твои мысли? Понимаю недоверие Валерки. Я проспал самое важное – его превращение. Не нужно быть телепатом – чтобы заметить, каким нервным он стал в последние недели. Копил, копил – и сорвался. Как мне его искать? Я не телепат. Совсем. Крикнуть мысленно: «Эй, ау, ты меня слышишь»? Только если так... Валерка, Валерка...

– Что?

Я чуть не подпрыгнул: дернулся и заморгал, завертел головой.

– Что? Говори. Вслух – необязательно.

– Валерка, ты? – Я снова закрыл глаза.

– Я. Что, не верится? Понимаю, я сам бы не верил – тем более, когда Зот рядом.

– Ты где?

– В городе у ГРИДов. Здесь всё очень интересно устроено, мне даже нравится, чем-то.

– Как ты? Всё нормально?

– Нормально, меня не видят. Тут на улицах почти нет народа, так что – могу оставаться незаметным.

– Это правда, что ты стал телепатом? Как Зак?

– Не знаю, я только осваиваюсь. Наверное, правда – он в этом деле опытнее.

– Он нас не слышит?

– Тоже не знаю. Я постарался сделать так, чтобы не слышал. Но понятия не имею, правильно ли.

– Что дальше собираешься делать?

– Похожу, осмотрюсь – здесь интересно. Воплощённая антиутопия: все под контролем, везде порядок.

– Когда обратно? Тебе помощь нужна?

– Не знаю, ещё многое хочется проверить. Спасибо за предложение, но ты вряд ли мне поможешь – в город не попадёшь, просто так. Да этого и не нужно. Если хочешь помочь – постарайся понять, чего хочет Зак.

– Спросил бы, что полегче. Никому неизвестно, что у него на уме. Даже с Зотом – какой-то неявный конфликт из-за этого, кажется.

– Не кажется – скорее всего. Пойми, чего хочет человек

– считай, наполовину он у тебя в руках. Даже больше. Знаю, сказать легко – сделать сложнее. Но надо. Разберись, сначала, с собой – тоже полезно. Ты ведь ещё не знаешь точно, на что способен.

– Постараюсь.

– Вот и хорошо. А о себе я ещё напомним. Не беспокойся.

Я медленно переваривал произошедшее. День ото дня веселее: Серёга объявился, Валерка оперился... Кто он теперь? Мне одного Зака хватает. Снова чувствую себя ничего не понимающим болванчиком. Наверное, прав Валерка – надо, прежде, разобраться в себе. Раньше мне было просто интересно: проверял себя и не думал, что дальше. Упоение силой, кажущаяся неуязвимость... Какой с них толк, если в голову к тебе могут забраться – и незаметно управлять? Нужно точно определить, к чему ты идёшь, куда хочешь добраться. Открыв глаза, я пошёл к выходу.

—///—

Зак забеспокоился. Я поймал себя на том, что не без гордости – думаю об этом. Иногда я чувствовал себя почти всемогущим. И это здорово подстегивало эго. «Изучить систему «от и до», понять, как она работает». «Смогу понять – смогу контролировать». Эти мысли «жгли подкорку», вытесняя остальные. Ошибка дорого обойдётся... Но, черт возьми, ко-

гда еще выпадет такая возможность!>? Сделать что-то настоящее, а не только копаться на помойке цивилизации, тщетно пытаюсь её облагородить, по сути же – просто выжить! Можно и нужно выживать, пока ты слаб. Но, когда можешь больше – нужно жить. Разменивать силу на мелочи – значит быть недостойным её. Мне критически не хватает информации, и пока не ясно, как её добыть. Если только... Я начал высматривать редких прохожих. Проникая в мысли каждого – по кусочкам, я собирал свое представление о происходящем. Я черпал знания, я чувствовал их эмоции. Страх, презрение... Но – иногда радость, даже счастье. Чаще – люди боялись всего: и самого государства, и, как ни парадоксально – того, что оно исчезнет. Презирали надзор, боялись власти – и потери защиты, одновременно. Интереснее всего было с теми, кого всё устраивало: невозможно понять – собственные мысли вертелись у них в голове, или над ними поработали мозгоправы. Впрочем, необязательно «жестко» копаться в мозгах. Пропаганда здесь работала «на ура», и, очень может быть – кто-то всецело принимал её, уверившись в совершенстве устройства. Изредка – попадались влюблённые. С такими почти бесполезно разбираться, их я, чаще всего, пропускал. Заметил только общую тенденцию к подмене большинства подобных, «стихийных» чувств – на «более понятные», витальные потребности. В помещения я поначалу опасался заглядывать – сомневался в своей способности всегда быть скрытным. Но, проголодавшись, зашёл в один из мага-

зинов – и тут же поплатился. Блокировать видеокамеры я не мог – конечно же, меня заметили, через несколько минут на меня началась охота. Я быстро ушел из города – ни полиция, ни солдаты не смогли меня остановить. Он оставил смешанные чувства: отвращение к происходящему, но некоторое уважение к тому, кто смог создать подобное. А ещё – сожаление о его ошибках и косности. Система болела порками своего создателя: боязнью перемен, неизвестности, и, как следствие, бюрократизмом. Они, в буквальном смысле, сжирали её изнутри. Да, обычный человек никогда не смог бы уйти из города – через полчаса «на ушах» стояла вся полиция и, частично, военные. Но я ушёл тем же путём, что и попал сюда. Слишком медленно они разбирались, кого им ловить, слишком поздно это поняли – и ввели запрет на выход всех, даже военных. Я проскочил наружу вместе с солдатами, уже через пятнадцать или двадцать минут после того, как подняли тревогу. Страх породил бюрократию, бюрократия – нежелание действовать без «официального приказа» и новую волну страха. Теперь уже – за «вольные действия». И хоть система давно была избавлена от бумажной волокиты – в электронной форме, она тормозила её не намного хуже. Зак был прав: Син, скорее всего, даже не узнал о моей поимке в первый раз – почти никого не заботило, кто лежит у них в коллекторе, в очереди на переработку. Инцидент с взломом системы сочли за ошибку. Те же, кто сомневался – предпочли умолчать. Я уходил, сожалея о том, что ещё мало

всего посмотрел, и, немного о том, что этой «райской» жизни – скоро придет конец.

—///—

Я взял стопку фотографий и снова начал их просматривать: Валерка, Дрон, Валерка... А вот и я – действительно, с длинными волосами. Смешно выгляжу. Но ведь вчера... Я посмотрел на потолок – постаравшись вспомнить, что видел ночью. Где я сейчас? Параллельная реальность? Комната очень сильно напоминала мою, но теперь я заметил, что обои отличаются рисунком – хоть и похожи. Люстра на потолке другая, сам потолок окрашен, а не заклеен плиткой, как у меня. На кухне обнаружился календарь (который, кстати, я так и не приобрёл) и холодильник «не моей» марки. Если верить календарю – сейчас тот же год, какой и должен быть. Но, увы, больше он рассказать не может. Глубокий вдох, медленный выдох, задержать дыхание. Резкий вдох, снова задержать. Выдох – и глубокий вдох... Несколько раз. Странно, почему мне не хочется там находиться? Я закрыл глаза.

– Здравствуй, Сергей.

– Здравствуй, Ив, – ответил я, открыв глаза.

– Ты давно не заходил.

– Разве к храму применимо понятие времени?

– Конечно. Это понятие применимо ко всему, но к разным явлениям и объектам оно применяется по-разному.

– Понятно...

– Ты, кажется – чем-то расстроен?

– Нет, просто уже нашёл то, что искал. Вернее – понял, где нужно искать.

– Поздравляю тебя. Помни, что всегда можешь вернуться.

– Спасибо.

Я вышел из храма – казалось, спиной ощущая взгляд, Ива Макса. Неужели – он, действительно, робот? Я оглянулся – и «передёрнулся», от увиденного. На доли секунды, мне привиделся мой, почти уже забытый, сон – из тех, что начали мне сниться, когда всё начиналось. Желтые глаза, полураскрытая пасть-вход. Не хватает только дымка изнутри. Похожий сюжет можно увидеть в каком-нибудь фильме. В прошлый раз я именно так и объяснял себе – когда проснулся от увиденного, в холодном поту. Я тряхнул головой из стороны в сторону, морок пропал. Что-то не так с этим храмом, что-то – не складывается. Задумавшись, я прошёл полкилометра, или около того. Остановившись, я «скачком» шагнул в парк, проверив спонтанную идею. Забавно получилось: подпрыгнул в одном месте, приземлился в другом. Присев на скамью, я стал ждать. Лодер появился минут через двадцать. «Немного не угадал» – подумал я, с небольшим сожалением.

– Привет, Лодер.

– Здравствуй, Сергей. У тебя ко мне разговор?

– Да. Ты ведь потому и пришел?

– Да.

– Я... – Помявшись, я неожиданно понял, что не знаю, с чего начать, какой задать вопрос, как его сформулировать. Но Лодер продолжил сам.

– Всё ещё не можешь полностью разобраться в происходящем.

– Да.

– Полностью – и не разберёшься. Но, вижу, ты делаешь успехи, – Лодер внимательно рассматривал меня, не отрывая взгляда. – И уже не Спящий.

– Кто?

– Спящий. Я называл тебя так – не помнишь? В общем, сейчас неважно – теперь ты полноценный проходимец. Не в обиду – это только устоявшееся выражение. Проходимцами у нас называют таких как ты – переходящих из мира в мир.

– Я понял. Что значит – «полноценный»? Я больше не сплю? Перемещаюсь полностью?

– Почти. На самом деле – полностью ты переместиться не можешь.

– А как тогда?

– Ты больше не привязан ни к одному миру – поэтому можешь очутиться в каждом. Но, в то же время, не можешь полностью проявить себя ни в одном из них. В некоторых ты будешь казаться настоящим, как говорится: «из плоти и крови». А в других тебя нельзя будет ни пощупать, ни увидеть.

Я отвернулся в сторону, пытаюсь осмыслить услышанное. Я не мог... Не мог ни представить, ни понять. Только откуда-то из глубин сознания, приходила мысль: «Людер прав».

– То есть, мне нет места ни в одном из миров?

– Наоборот. Теперь – для тебя оно есть везде. Хотя, действительно – по-своему, ты прав. Ты ведь, наверняка – чувствовал окружающий мир чуждым? Будто ты родился не на той планете, не в том месте, не в то время?

– Да. Но я думал – все когда-нибудь чувствуют подобное.

– Многие. Но не все. И совсем уж немного, кто – становится проходимцем. В хорошем смысле.

– А спящими?

– Спящие – это те, кто балансирует. Этот период проходит быстро – человек либо становится проходимцем, либо возвращается в обычное состояние. Строго говоря, Спящих больше. Но вероятность встречи с ними много ниже, так как это нестабильное состояние. Как понимаешь – большинство возвращается обратно, забывая о произошедшем.

– Вот оно как, – я глупо смотрел в пустоту, медленно свыкаясь с мыслью, что теперь меня ждёт что-то совершенно иное, отличное от всего, что знал. Ничего не вернется. А если и вернётся – уже не то, что прежде.

– А я думал – что застрял между мирами. Хотел спросить совета. Знаешь, с Храмом что-то не так. Не пойму пока, что – но это точно.

– И поэтому ты позвал меня. Ну, конечно – ты начина-

ещь больше узнавать и понимаешь, что вопросов становится только больше. Ты сомневаешься в правдивости знаний, полученных в Храме – так?

– Да, наверное.

– Так, я вижу. Как ты думаешь, что такое Храм? Место, где мысли и знания приходят сами собой?

– Да.

– А откуда они берутся – видимо, не задумывался?

– Нет, только...

– Задумывался – только, неосознанно. Вначале, думаю – ты воспринимал храм, как нечто сверхъестественное, истину в последней инстанции. А потом начал понимать, что, на самом деле – это не совсем так.

Я сидел и слушал, ковыряя землю палочкой, что попалась под руку. Голос Лодера отдалился – звучал то тише то громче, всё отошло на второй план. На смену беспокойству – пришла мягкая волна равнодушия. Я лежал в воде, на спине, медленно покачиваясь – и смотрел в небо... Лодер затих, я повернулся к нему.

– Спасибо.

– Не за что. Просто помни, что храм – всего лишь библиотека. Огромная, во многих случаях – очень полезная. Но даже там нет ответов на все вопросы. Некоторые – умышленно скрывают.

– Есть. Я благодарю за то, что выслушал, за то, что расска-

зал сам. Не сухие факты и напутствия – а просто рассказал. Кстати, зачем ты усыпил меня в прошлый раз?

– Проверял свои силы, извини. Тебе ничего не угрожало, заверяю.

– Ладно, я не злюсь. Увидимся ещё, наверное. Пока.

– Пока.

Я встал со скамьи и поднялся в нашем парке – том самом, где мы познакомились с Оксаной.

—///—

Камень разлетелся в пыль. Я подбросил ещё один – его постигла та же участь. Не выходит. Не получалось у меня уничтожить без следа. Я присел на корточки, переводя дыхание. Подобрал с земли очередной камень, я начал сжимать его в ладони, иногда подбрасывая. Материала для экспериментов предостаточно – в этом месте из земли выходила горная порода – торопиться некуда. Надеюсь... Чего-чего, а камней здесь много. Скальник медленно рассыпался, оставляя вокруг себя напоминания самой разной величины – от песка, до больших валунов. В один из таких я и запустил камень, который держал в руке. Булыжник будто бы «влетел» внутрь валуна. Что за... Показалось? Аномалии в другой стороне, здесь ничего не чувствую. Или, вижу не всё? Неподалёку находились две аномалии: одна «классическая», гравитационная – дробящая и сжимающая всё, что в неё попадет; другая

– «своенравная», нестабильно проявлявшая себя, каким-то образом влияющая на время. Эти две аномалии я отчётливо ощущал. Я подхватил камень поменьше, прищурился и бросил – примерно в то же место, что и первый. Камень глухо отскочил и упал на землю. «Пробрасывая» себе дорогу, я осторожно подошел к валуну. Ни осмотр, ни прощупывание – ясности не добавили, что немного злило. Ладонь сама собой сжалась – и я ударил, чуть не уронив обломок породы себе на ногу. Я ударил еще. И еще. И снова... Увлёкшись, несколько минут я выбивал куски камня из валуна – силовое поле надёжно защищало пальцы рук. Выдохнувшись, я остановился и, тяжело дыша, уперся лбом в ещё целую часть. Детский сад... Сколько еще мне дробить эти камни? Надоело биться головой о стену и учиться «по наитию». Я ничего не понимаю, какого чёрта? Зачем я, вообще, это делаю? В надежде, что вдруг – найду что-то ценное, важное? Да с какой стати? Вдруг... Скользящая политика. Я снова присел, опираясь спиной о камень. Скользящая, но иногда единственная... Либо ты пробиваешь стену лбом, учась на своих ошибках, либо ищешь двери и проходы, оставленные другими. Не всегда лбы выигрывают – чаще разбиваются. Но и не обязательно – пробивать своим... Черт, снова потянуло на пустые философствования. Последнее время, сам себя не узнаю. Чужих лбов здесь нет, у меня – только свой. Посильнее придвинувшись спиной к валуну – я «провалился» внутрь, и тут же вскочил, ошупав камень позади. Ничего,

твёрдый. Вот тебе и задачка, разбирайся. Поймёшь – молодец, не поймешь... Что ж – научишься обходиться тем, что имеешь. Приложив ладонь к породе, я начал медленно давить, сосредоточившись на ощущениях. Пульсация на кончиках пальцев, лёгкое покалывание... Ничего нового. Треск сверху – от скальника откололся кусок и рухнул вниз, подняв облако пыли. Если бы рука не провалилась, как только я отвлёкся на шум, наверное – так бы и сидел, упираясь. Ситуация поменялась: теперь я, чертыхаясь, безуспешно тянул застрявшую руку обратно. Стоп, что-то я делаю не так – я остановился, перестав бессмысленно дергаться назад. Вряд ли я был причиной обрушения – тут время и погода поработали. Но что-то случилось именно в этот момент. Сбитый лоб саднило, кровь барабанила в висках, отдаваясь болью, казалось, во всей голове – я здорово «приложился», падая. Спокойно, нужно... От пыли засвербело в носу – я чихнул. Рука вышла сама собой, без усилий. Отскочив назад и прочихавшись – я посмотрел на злополучный валун и расшиб его вдребезги. Может, не моё это – управлять структурой материи? Давить силой – вот это по мне: всё понятно, без заморочек. Глупо, кажется. Да только и на такую глупость – не каждый способен. Но, всё же... Я подобрал осколок и оставил висеть в воздухе. Всё же не хочется. Отойдя немного назад – я сосредоточился, и, не отрывая взгляда, начал нагревать. Стало жарко – в прямом и переносном смысле – от напряжения и от раскалённой поверхности камня, кото-

рый медленно терял свою твёрдость. Через какое-то время, я держал в руках почти идеальную, каменную сферу, одновременно радуясь удачной попытке и сдерживая неприязнь от мыслей, что всё это интересно, но не нужно, что я сейчас выпускаю что-то очень важное... Говоря самому себе: «это только начало», я бросил сферу вверх, мгновенно распылив её в облако тончайшей пыли, которую тут же поджёг и спрессовал заново – теперь уже, в куб. Стало немного понятно, почему мне не удавалось проходить насквозь: всё случалось в моменты, когда это не было мне необходимо, когда я не задумывался. Получается неявный контроль: странная и опасная штука, чему только что был пример. Представить только: идёшь себе спокойно, и вдруг – раз! Проваливаешься по колено в землю. Как только я об этом подумал – почувствовал, как ноги начали вязнуть. Выскочив из земли на подушку из силового поля и отряхнув ботинки, я спустился обратно. Вот, ещё одно подтверждение. Потоптавшись, несколько раз подпрыгнув на месте, я пошёл обратно на базу. Да, от некоторых способностей – я лучше бы отказался. Тем более – зачем они, если появилась неплохая альтернатива. Теперь и спать страшно – а «вдруг»? Снова вдруг...

—///—

Отойдя на несколько километров от города, я остановился – задумавшись, куда же двигаться дальше. Переждать здесь,

пока все утихнет, или вернуться на базу? Вернуться – кажется самым правильным. Но отчего-то, нет никакого желания снова оказаться под землёй. Хватит с меня катакомб – и тех и других. ГРИД, на поверку, оказался колоссом на глиняных ногах: посея смуту – и он сожрет сам себя, прежде чем опомнится. Син слишком уверен в своей непобедимости. Потому, наверное, он и позволял повстанцам находиться у себя «под боком»: не уничтожал, но всегда держал в поле зрения. Как только Зак запустил генератор – попытался забрать технологию, да не тут-то было. Всё же, надо возвращаться на базу – узнаю, что нового. Определившись с направлением, я пошёл в нужную сторону. Как жаль, что передвигаться физически – слишком медленно: подумал я, перейдя на бег, вспомнив опыт внетелесных путешествий. До меня донеслось эхо от энергетического возмущения. Аномалия? Возможно... Но, слишком уж чисто – аномалии фонят иначе. Я остановился и на мгновение «вылетел» из тела, заглянув вперёд на несколько километров. Стало понятно, что за всплеск я почувствовал – Дрон развлекался, круша местные скалы. Пора бы ему научиться чему-то более серьёзному. Хотя, он явно прибавил в силе. На базу я вернулся глубокой ночью – автоматика послушно пропустила меня. Не сразу разобравшись, что прошёл через вход, которым никогда ещё не пользовался – с легким недоумением, я блуждал по пустым коридорам. «Вынырнув» из тела и оглядевшись – я понял, что зашёл с другой стороны подземелья. Видимо, подсознательно не желая

возвращаться – нашел вход в заброшенную часть. Что ж – думаю, переночевать можно и здесь. Это лучше, чем под открытым небом. Завтра – поищу проход в обитаемую часть. Найдя «индивидуальную комнату» я лёг на кровать. Спать хотелось жутко, но едва я закрывал глаза – словно какая-то сила заставляла их открыться. Беспокойство становилось всё отчетливее, мысль – «здесь небезопасно», всё яснее. В полусне, почти как в бреду, я поднялся, чтобы найти переход в другое крыло. Я вышел из комнаты, автоматически включилось освещение, которое сейчас только ослепляло. Чтобы осмотреться – уже непроизвольно, я выскользнул из тела. Как оказалось, вовремя – меня отбросило и прижало к стене. Он был один: Анк – тот самый, который помогал нам при первых атаках Гридов, о котором Зак не хотел ничего рассказывать.

– Что ты здесь делаешь?

Не придумав ничего лучше, я «вселился» в Анка, попытавшись взять его под контроль. Всё тело, вернее то, что сейчас казалось телом – настоящее Анк сразу отпустил – начало сжимать. Никогда бы не подумал, что в этом состоянии можно чувствовать такое. Анк не собирался сдаваться – и пытался выдавить меня изнутри. Наверное, это ему удалось бы – не пройди я недавнюю «школу» в лабораториях Сина.

– Живу я здесь!

– Прочь из моей головы! – Анк дал пощёчину сам себе и

начал царапать лицо. – Прочь!

Я начал чувствовать его боль на себе – значит, всё правильно – Анк уступал. Медленно захватывая каждую клетку, лишая подвижности, я судорожно соображал, что же делать дальше. Я не могу вернуться в родное тело – Анк размажет меня по стене, в буквальном смысле. Остаться в чужом – нет желания. Я посмотрел на «новые» руки, затем – на себя, «старого». Неожиданно, рука дёрнулась и начала мотаться из стороны в сторону, снова ударив меня по лицу. Анк всё ещё сопротивлялся – непонятно, как ему это удаётся. К удивлению своему, я не мог прочесть ни одной мысли, не мог ничего узнать о нём. Каким-то образом – он закрылся, отдав мне контроль над телом, но не над разумом. Может быть, усыпляет бдительность? Всё слишком просто, слишком... По словам Зака, Анк один из сильнейших психокинетиков. Или, сила в одной области – совсем не означает усиления других? Возможно... Я поднялся, прошёлся взад-вперед, снова осмотрелся. Что я могу, в этом теле? Есть ли у меня его способности? Я зашёл в комнату, и попытался поднять кружку со стола, не прикасаясь к ней руками. Не выходит – даже не шевельнулась. Возможно, ещё не научился. А скорее всего – не могу использовать способности, не захватив разума. Что же... Я отступил назад, и, разогнавшись, из всех сил ударился головой о стену – одновременно выскользнув из тела. Анк лежал, не шевелясь, я вернулся в обычное

состояние. Нащупать пульс не удалось. Что ж, может быть – ты и в этот раз обманешь смерть. Нужно срочно уходить.

—///—

Я посмотрел по сторонам – похоже, не промахнулся – и быстро пошел к выходу из парка. Мир бесконечно расширился – и схлопнулся, за мгновение. По большому счёту, сейчас я хотел только одного: найти Оксану и убедиться в том, что она в порядке, рассказать ей обо всём. А лучше – показать. Да, показать и освободить её от ненужной миссии. Наверное, это глупо – применять к ней человеческие мерки. И всё же: она одна из немногих, кем я действительно дорожил, у кого хотелось бы попросить прощения за то, что когда-то сделал. Или наоборот, бездействовал – как я думал, только себе во вред. Кого мог бы назвать «Человеком» – но, увы, уже не могу. Нет, конечно – никто не запрещает. Но птица не станет рыбой, оттого что её по-другому назвали. Оксана не человек – и хоть я не могу относиться к ней иначе, это не изменит её природы. А впрочем, сейчас мне неизвестно даже, кто я сам. Может быть, эти мысли – последнее, что осталось от человека. Поди-ка разбери, какая теперь у меня природа. И кем становится эмотикон, живя в изначально чуждом ему облике? Шагая «на автомате», я не заметил, как добрался до дома. Вот и подъезд. Я внимательно разглядывал всё вокруг, выискивая различия: страх попасть «не туда» – зудел

на границе сознания и подсознания. Дома слишком чисто... На пустом столе, обычно заваленном у меня всяким хламом разной нужности, одиноко белеет листок, я беру его в руки: глаза впиваются в буквы, узнавая знакомый почерк, но будто не могу, не желаю читать – чувствуя, опасаясь, что он не расскажет ничего радостного. «Сережа, я...» Взгляд обрывается – вперед по строкам, в стороны, на стены, на пол. «...уехала, когда вернусь...» И снова: вперед, в стороны; на буквах пелена; весь листок – размытое пятно. Я сажусь в кресло, закрывая глаза. Я не я. Чужой здесь, и жизнь – чужая. Вскикиваю, начиная искать везде зацепки, доказательства. Нет, это мой мир. Вернее тот, откуда я пришёл. Это именно мой дом! Который стал чужим... Который и раньше казался пустым, но опустел лишь сейчас. Я возвращаюсь и снова беру листок.

"Сережа, я уехала в другой город, когда вернусь – не знаю. До тебя не дозвонилась – телефон недоступен. Извини, что так. Пока. Оксана".

Я смял листок – крепко, до боли сжав кулак и остолбеневав, сидя так минуту или две. Наконец, откинувшись на спинку кресла, я разжал руку. Вот и всё. Конец! У тебя новая миссия. Только сейчас становятся понятны неожиданные, чаще всего, появления, и почти такие же неожиданные исчезновения. Ты появлялась в моей жизни тогда, когда в этом была необходимость. Ты снова забудешь – и вспомнишь кого-то

другого. Ты никогда не будешь свободна, но никогда о том не узнаешь – всё ужасно просто. Ужасно. И просто... Жаль. Видимо, иначе нельзя. Я могу попытаться тебя найти, могу рассказать и показать правду. Только какой от неё толк, если ты обо всём забудешь. А если и не забудешь – сможешь ли жить прежней жизнью? Которую навязал незримый... Рок. Мне здесь больше нечего делать – я закрыл глаза и провалился в забытье.

—///—

Голова гудела. Помню, как пришел вчера и упал на постель, весь вымотанный, дальше ничего. Что такого я вчера сделал? Почти всё – как обычно. Нового немного, не перенапрягался особо, возвращался нормально. Я перевернулся на спину, моргая и «разлепляя» глаза. Хм... Ведь правда – я почувствовал себя усталым только в самом конце. Так... Нужно снова зайти в библиотеку. В прошлый раз – в основном, попадались архивы новейшей истории, которые не объясняли ничего, что я хотел бы знать. Местами интересно – но не то. Не моё это, видимо – шевелить мозгами. Вся сила в руки ушла. Валерка говорил, что я не безнадёжен. Оптимистичный реалист... Умом я никогда не блистал, многого – как не понимал, так и не понимаю. Я не испытываю комплекса неполноценности в присутствии более умных людей – вот и всё. И уж тем более – не исхожу на говно, насмехаясь над

их недостатками и косяками. Зануд, понятное дело, никто не любит – я тоже. Но, занудство и ум – разные вещи. Все-таки, почему так болит голова? Я поднялся – боль выстрелила в затылок – и тут же сел, потирая виски. Что-то я... Слова в голове взорвались маленькой бомбой, я подпрыгнул.

– Проснулся... Привет... Дрон, у меня к тебе дело...

– Тише, ты что, – Я сказал это вслух, всё ещё держась за голову. – Валерка, не пугай так, – уже мысленно.

Боль начала уходить.

– Извини. Голова больше не болит? Похоже, я вчера, непроизвольно – скинул боль на ближайшего.

– Кого? Так это из-за тебя? Ну ты... А что, вообще... Как?

– Долго объяснять. Сейчас не болит? Я постарался убрать всё, что смог почувствовать.

– Нормально, – Я размял шею, хрустнув позвонками. – Что за дело?

– Ты был когда-нибудь в заброшенной части базы?

– А у неё есть такие? Нет, не был, не знал. Ты разве – мысли не читаешь? Зачем тебе?

– Читать получается не всегда. Ты помнишь Анка?

– Это тот, с медальоном, который шел с нами – а потом исчез?

– Да, тот самый, «почти бессмертный». Он сейчас в заброшенном крыле, возможно мёртвый. А возможно – живой.

– И зачем мне это знать?

– Тебе не интересно? Не настораживает то, что Зак – всё время недоговаривает?

– Обычная скрытность.

– Может быть. А не приходило в голову, что мы для него – лишь инструменты достижения одному ему ведомых целей?

– Загнул... Приходило. Пусть думает что хочет – я не стану ничьим инструментом, меня не заставить.

– А с чего ты взял, что он будет заставлять? Если понадобится – он найдёт способ убедить тебя.

– Всё равно. Я не стану больше делать того, чего не хочу. Никогда.

– Не зарекайся. Ладно, я предупредил. К слову, об Анке: Зак наверняка знал о его местонахождении – но почему-то скрывал. Будь повнимательнее – я к вам больше не вернусь, без большой нужды.

– Где обоснуешься?

– Найду. Думаю, скоро случится что-то масштабное.

– Ты о войне?

– Война уже идёт. Пока – с небольшими стычками. Кто-то или что-то – вскоре должно запустить её «на полную», почти уверен.

– Насколько?

– Восемьдесят восемь процентов.

– Почему восемьдесят восемь?

– Нравится цифра. Дрон, дальше говорить бессмысленно. Будь внимательнее и осторожнее, я все сказал. Возмож-

но, скоро тебе нужно будет выбирать, какую сторону ты займёшь.

– Ты параноишь.

– Пока.

В голове «щёлкнуло» – снова выстрелив болью, эхом пронесшейся по всему телу. Я упал на спину, оставив ноги на полу. Валерка, конечно, чудной, но – стоит прислушаться. Плохо то, что я совершенно не понимаю, что делать. Я рывком поднялся, встал с кровати и упал на кулаки, начав отжиматься. Новых мыслей это не добавило, зато успокоило рой мелких мыслишек, крутившихся в голове. «Будь внимательнее» – очень «размытый» совет, нельзя ведь следить за всем одновременно. Но попробовать можно, начав с себя. Я пошёл в библиотеку, по пути заглянув в спортзал. «Помучил» перекладину, брусья и несколько тренажёров – отметив, как сильно «сдал» без постоянных упражнений и первую странность: совершенно пустой спортзал. Второй поход в библиотеку оказался намного интереснее – я нашёл подборку исследований о природе аномалий и сверхспособностей, об их взаимосвязи и влиянии друг на друга. По большей части – наблюдения. Гипотез немного – и они не кажутся чем-то недоступным, наталкивая на интересные мысли. Я начал понимать, чего мне не хватает, вблизи каких аномалий стоит тренировать ту или иную способность, и уже наметил, куда пойду в следующий раз, чтобы проверить теорию – как все мо-

нитеры в библиотеке разом погасли. Через полминуты загорелось аварийное освещение – все немногочисленные посетители начали выходить. Валерка говорил, что такое нередко случалось. Интересно, при нехватке энергии – они всегда, первым делом, отключают библиотеку?

—///—

Я оборвал связь. Отчасти, я понимаю Дрона. Он, сам того не понимая, боится неизвестности, оставаясь в знакомой обстановке, которую пока что считает приемлемой, возможно – дружелюбной. В чём-то он прав: часто, я слишком заморачиваюсь со своими подозрениями, привычка никому и ничему не доверять – хороша, только пока не перерастает в паранойю. У метаморфоз психики есть подлая особенность: их замечаешь только тогда, когда они уже «пустили корни» и стали частью тебя. Посмотри сейчас на меня – идиот идиотом, метаюсь из стороны в сторону. Снова нужно уходить, но куда – понятия не имею. К Гридам – рано; здесь – небезопасно; на основной базе – тем более. Похоже, дорога только одна: вглубь, исследовать подземный город. Мысленно, я посмотрел в сторону Анка – он всё ещё лежал, не шевелясь. Я не чувствовал его ни живым ни мёртвым – это нервировало. Может быть, я вообще не могу различать жизнь и смерть? Мысли ведь – не у всех могу прочесть. Всё, что творится вокруг – похоже на чей-то эксперимент: тебе дают

силу и наблюдают за тем, как ты будешь себя вести. Всё кажется случайным, но, чем дальше – тем больше замечаешь, будто всё создано по единому, пусть и невероятно сложному лекалу. То же самое мне казалось и в прошлой жизни, здесь – ощущение усилилось. Может быть, все ещё сложнее, а может проще: выдаёшь желаемое за действительное – пытаюсь объяснить то, что понять не в состоянии. Мрачные, тёмные коридоры, тусклый свет включается сам по себе. Получается, не такие уж и заброшенные эти катакомбы? Наверное, просто автоматика... Но навязчивое чувство, что за тобой наблюдают – всё сильнее. Безысходность, беспомощность и неизвестность – будто попал в свой кошмарный сон. Что, если я всё ещё в «центре очистки» ГРИД? Я остановился, прислушался. Лучше бы – шёл дальше: повисшая тишина добавила беспокойства. В горле пересохло – я кашлянул и вздрогнул от раздавшегося эха. Сердце бешено забилося, в висках застучало. Нет, тут не может быть такого эха, слишком громко... Осторожно шагнув дальше – я снова остановился и резко обернулся. Другой конец коридора уже не видно – свет там погас. Я задержал дыхание – в горле застрял комок, медленно начав опускаться и сдавливая грудь. Шумно выдохнув, я снова вздрогнул и резко развернулся в сторону – показалось, рядом проскочила тень. Ноги наливались тяжестью – я стоял, тяжело дыша, открыв рот и оглядываясь по сторонам. Опомнившись, я медленно двинулся дальше – останавливаясь и прислушиваясь через каждые несколько

шагов. Всё только кажется, все иллюзия, всё... Спокойно. Тонкий, едва уловимый писк – как игла в мозгу... Неожиданно ощутив его, я пошел быстрее: то ускоряясь, переходя на бег; то останавливаясь и снова срываясь с места. Я слышал писк всё отчетливее – он становился сильнее, «обретал лицо», начав изменять тональность и прибавив к себе низкий гул. Я бежал, уже не помня себя: страх перерождался в ярость, тусклый свет редких ламп стал ярче, иногда начиная слепить – что злило еще сильнее, заставляя ускоряться ещё и еще, словно в конце меня ожидало нечто...

—///—

Основной зал оказался пустым, аварийное освещение горело и здесь. Похоже, случилось что-то серьезное. Я быстро пошёл в центр управления, в переходах повис сумрак. Один раз я свернул не в ту сторону, но вовремя заметил и сориентировался. Редкие лампы иногда гасли полностью, пару раз я сильно споткнулся, и теперь шел «по стеночке», чертыхаясь. Услышав голос Зака – я быстрее пошёл на звук, свет снова включился.

– Они знали куда бить, понимаешь?

– Откуда? Из воспоминаний Трэшка? Он же не знал координат.

– Он видел генератор – менталисту может быть достаточно образа, чтобы снова найти место, а что Гриды выкопали

из его подсознания, нам неизвестно. Я не знаю даже – где он сейчас, удалось ли ему сбежать. Дрон, заходи, – Зак повернулся. – Не маячь в проходе.

В комнате стояло трое – Зак, Зот и Анк. Наверное, Зак заметил моё удивление – пристально посмотрев, он отвернулся к пульту, продолжая говорить стоя ко мне спиной:

– Дрон, расскажи, пожалуйста, подробнее, сам. Сейчас нет ни желания, ни времени копаться у тебя в голове, доставая информацию. Что с Трэшком, где он? Я вижу, что он разговаривал с тобой недавно.

Блефует? Вряд ли. Как моё удивление присутствию Анка можно связать с Валеркой, не читая мыслей?

– Он в заброшенном крыле, всё в порядке. Тебе – действительно, не доверяет.

– Каком крыле? Их много.

– Не знаю. Говорил, что видел там Анка, возможно – мертвого.

– Что?! – Первый раз я видел Зака вышедшим из себя. – Самоуверенный идиот, он в западном отсеке!

– Что это значит?

– А то, что Трэшк, сейчас, скорее всего, мертв сам, – сказал Анк. – В западном отсеке очень сильное пси-поле, наведенное как с нашей стороны, так и со стороны Сина.

– А почему он видел там тебя?

– Иллюзия, он мог увидеть что угодно. Мог вернуться домой, мог попасть в ад или в рай – поле там хаотично и не несет конкретной информации.

– Западный отсек соединяет нас с Гридами? Тогда почему они нападали снаружи?

– Потому что идти там не имеет смысла, – в разговор вступил Зот. – Нужна серьезная защита, переходы в нашу часть взорваны и закрыты силовым полем. Чтобы пробиться там – им нужно такое оборудование, которое будет крайне сложно протащить, и ещё сложнее использовать в закрытом пространстве. Телепортироваться они не могут: слишком сильная напряжённость пси – а в момент перехода ни одна защита не работает.

– Но каким образом он попал туда?

– Хоть переходы взорваны, но входы в отсек остались открытыми, – снова говорил Зак. – Возможно, поле местами слабее и, всё-таки, внутрь можно попасть. Большинство – сошло бы с ума, далеко от входа. Но внезапное раскрытие твоего друга – заставляет задуматься.

– О чём?

– Если будучи в западном отсеке, он связался с тобой – то он совершил невозможное, как я считал, до сегодняшнего дня. Ещё один вариант – северо-западный блок. Обычные люди – наоборот, не почувствовали бы там никакого серьёзного воздействия, а он вполне мог. Но блок расположен намного дальше, маловероятно, что он, возвращаясь от Гридов

– попал туда.

– Я больше верю во вторую версию – сказал Зот.

– Надеюсь, ты прав. Анк, а ты как считаешь?

– Не знаю, – Анк пожал плечами. – Северо-западный блок притягивает к себе, мимо него трудно пройти спокойно и он лежит на дороге к западному отсеку. Правда, тогда он должен был идти не напрямую от города, а из северной пустоши. Кстати говоря: блок и западное крыло связаны под землей, пройти между ними можно свободно.

Сверху до нас докатилось эхо от взрыва, лампы моргнули. Зак, барабания по пульту, багровел и раздавался вширь.

– Что случилось? – я шагнул вперёд, Зот остановил меня, положив руку на плечо.

– Они уничтожают западный отсек, прорываясь сверху.

– Зачем?

– Не спрашивай его сейчас ни о чём, – Зот отвёл меня в сторону. – Не стоит.

– Ты знаешь?

– Похоже, они прокладывают дорогу к первому генератору. С нашей стороны его закрывает силовое поле, жилые и технические отсеки, с их – только силовое и пси-поле. Пробриться изнутри маловероятно, а снаружи – вполне возможно, хоть и требует огромнейших затрат.

– Но как они вывели из строя генератор?

– Выждали, когда силовое поле слабее всего – пока пере-

заряжаются накопители. На определённых частотах, в узкой точке – поле можно пробить.

– И что? Если поле можно пробить – постепенно, они могли бы уничтожить всё и просто так.

– Могли. Но им этого не нужно. Зак прекрасно знал, что ходит по краю, находясь у них под носом. Точечным ударом они вывели генератор из строя, но не уничтожили, его легко восстановить – это только вопрос времени. Не сразу, конечно – но они разберутся, рано или поздно; даже Зак это допускает, хоть и говорит, что без него у них ничего не получится. Зак просчитался, создав генератор в слабозащищённой области – где удобнее и быстрее, а не надёжнее.

– То есть, не попади Трэшк к Гридам – всё было бы в порядке?

– Наверное. Зак ничего не делает просто так: если и рискует, то обдуманно.

– Нет!

Я подскочил на месте, от крика-рычания Зака. Он снова менялся – «втягивался» и становился похожим на человека.

– Ты всё правильно говоришь, Зот – они пробивают дорогу. Захватив первый генератор энергии, они смогут захватить генератор пси, захватив его – они захватят всё. Собираемся все в главном и тренировочных залах, ты поведешь молодняк; Дрон, остальные – пойдут со мной. Анк, тебя не держу. Но, пожалуйста – помоги Зотгару.

Меньше чем за десять минут невеликое население наших убежищ поднялось на поверхность и двинулось к северной пустоши, через полчаса до нас докатилась волна взрыва.

– Самоуничтожение? Почему на нас не нападали?

– Псионный взрыв, мой подарок Сину. Они бросили все силы на прорыв – остаётся надеяться, взрыв вывел из строя большую часть.

– Могли остаться живые?

– Обязательно остались. Взрыв, в привычном понимании, был небольшим. Точно уничтожены индуктор поля и генератор пси, скорее всего – их не получится восстановить. Но основное оборудование цело.

– А как быть нам?

– Поворачиваем обратно.

—///—

Отключив сигнал будильника, я перевернулся и продолжил досыпать. Как же достало, сегодня же, вроде, выходной... Я зарылся головой в подушку, собираясь подремать, ещё минут десять, но опомнившись – открыл глаза и резко поднялся. Какой сегодня день, где я? Комната моя, постель тоже. Но ведь – всё должно быть по-другому! Я подбежал к окну. Солнце заливало неправдоподобно чистый двор, трава казалась даже слишком зелёной, а люди – улыбчивыми,

радостными. Где я опять? Я моргнул и оказался на пустыре. Хоть он остался... Всё те же деревья: то причудливо выгнутые, то небольшие, то огромные. Но непривычное буйство красок и яркое солнце вокруг. Воплощённая мечта о вечном лете... За несколько минут я побывал в разных частях города – перемещение давалось неожиданно легко. Похоже, другие меня не замечают: я мог появиться в людном месте, но ни разу никто не подал виду, что случилось что-то необычное. Либо здесь в порядке вещей – то, что люди возникают из воздуха и исчезают в никуда. Я «прыгнул» еще несколько раз и остановился в парке, расположившись на траве в тени деревьев. Давно так не сидел... Похоже, меня забросило в «мир мечты»: никто не мешает, всё удаётся, жизнь бьёт ключом; всё идёт, как должно идти. Действительно, иногда я задумывался о подобном, понимая невозможность такого хода событий. А теперь вот – сижу и думаю, что вскоре это наскучит. Порыв холодного ветра заставил подняться с земли, небо быстро затягивало тучами. Начал моросить дождь (вот Валерка бы сейчас порадовался!), через минуту перешедший в ливень.

– А вот это уже не смешно!

Я будто обратился к невидимому режиссёру происходящего действия, посмотрел наверх и невольно отметил, что даже тучи выглядят по-особенному: насыщенные, словно живые, а небо, проглядывающее между ними – чистая лазурь,

которую редко заметишь в городе. Дождь прекратился через несколько минут, только мокрая земля и капли на листве, переливающиеся в солнечных лучах, остались напоминанием. А радуга где? А нет радуги! Я мысленно спросил и ответил сам себе. Намёк, что не бывает ничего идеального. Я не считал этот мир настоящим, но не хотел уходить. Для меня эта искусственная, придуманная действительность – реальнее всего остального. Потому что её я «принимаю душой». Снова подул ветер – погода, откликнувшись на настроение, сделалась пасмурной. Незаметно для себя, я снова пришёл на пустырь. Он стал больше похож на тот, что я помнил: «мрачно-задумчивый», хранящий ведомые только ему секреты; дышащий спокойствием и вечностью, живущий своей жизнью. Пора навестить друзей. Мир изменялся на глазах: кристально-чистый воздух становился тяжёлым и мутноватым, дымка заволокла горизонт, а небо окрасилось алым, идеально четкие очертания домов сменились размытым пейзажем. Серые стены города-крепости вдалеке, и чуть заметное мерцание, похожее на низкий купол, немного ближе. Странное умиротворение... Яркая вспышка – я мгновенно приблизился. Купол силового поля стал заметнее: он искрился и потрескивал, наползая на воронку в земле, словно заглывая. Немного в стороне я заметил группу людей, идущих по направлению ко мне – и прыгнул вперёд. Дрона я увидел сразу, а вот Валеру нигде не смог найти. Меня не замечали, только один крупный, коренастый, похожий на бок-

сёра-тяжеловеса, словно заметив что-то – уставился прямо на меня, но, чуть дернув головой, отвернулся. Немногие шли спокойно, большинство суетливо переглядывалось, «рвано» шагая и перебрасываясь неполными фразами. Я сопровождал всех до их подземной базы и увязался за Дроном. Похоже, здесь начиналась война, о которой говорил Валера. Я коснулся Дрона, когда мы зашли к нему в комнату, проявив себя.

– Привет, где Валерка?

Дрон вздрогнул и отскочил, развернувшись ко мне.

– Серёга, ты с ума сошёл? Зачем так подкрадываться? Я же так и прибить могу!

– Не получится. Не знаешь, где Валера?

– Ушёл и не вернулся, давно ещё. Надеюсь, живой.

– Есть сомнения?

– Есть.

– У вас началась война?

– Да, похоже. Последнее, что Валерка сказал – скоро случится что-то масштабное. Видел, сколько Гридов снаружи?

– Там только воронка от взрыва, какие Гриды? Чужие войска?

– Да, как ты мог их не видеть? Там же их – не меньше сотни.

– Там никого нет, только следы взрыва. Что, кстати, взорвалось?

– Генератор пси-поля. Даже не так: Зак сказал о псионном

взрыве, о том, что уничтожен индуктор, и то, что генератор пси, скорее всего, не удастся восстановить.

– Что делал этот генератор? Как-то влиял на психику?

– Да, наводил иллюзии, насколько я понял.

– И что тогда мог дать его взрыв? Внушить всем, что они умерли?

– Не знаю. Я понятия не имею, как работает эта штука.

– Почему решил, что Валерка мёртв?

– Когда рвануло – он мог быть в западном отсеке. Плюс ко всему – там постоянное, мощное пси-поле.

– Опять поле? Что оно делает? Сводит с ума? Ты задумываешься над тем, что тебе рассказывают, или всё принимаешь на веру?

– Задумываюсь.

– Ну-ну. А складывается впечатление – что нет. Хотя, возможно ты и прав, в чём-то. Наверху нет ни одного солдата, но ты говоришь, что их там не меньше сотни. Занятно, правда?

– То есть, ты хочешь сказать, что мне и всем остальным – это кажется?

– Я только предполагаю и разбираюсь в том, как здесь всё устроено. Что из себя представляет западный отсек?

– Западный отсек, как понял – это подземный тоннель между нами и Гридами, а пси-генератор – расположен в его начале.

– Валерка говорил что-нибудь ещё?

– Да, быть внимательнее.

– А вот это – дельный совет. Пока. Я постараюсь его найти.

—///—

Интересно, меня так и будут учить все, кому не лень? Я вышел из комнаты, чтобы найти Зака. Стоит, конечно, задуматься над тем, о чём рассказал Серёга, но – один голос против полусотни... Валерка любил повторять: «большинство всегда ошибается». Мол, большинством, толпой – руководят инстинкты, а не разум. Логично, конечно, но – с чего бы инстинктам, обязательно, ошибаться? Тут возможен любой вариант. И всё-таки, происходящее очень странно: на нас никто не нападал, дали свободно эвакуироваться – будто не замечали. Зот говорил, что из-за сильного пси-поля – никто не видит дальше тридцати метров. Поэтому мы видели всё, а нас не замечали. Неправдоподобное объяснение, как кажется. Бросили все силы на прорыв... Бред. К чему рисковать всем? Самое странное – никто будто и не замечает этой нестыковки. Зак сидел в комнате отдыха и смотрел немигающим взглядом, непонятно куда.

– Я думал, ты в центре управления.

– Нечем больше управлять.

– Большинство оборудования, ведь, в порядке?

– Оборудование – да, люди – нет.

– Где Анк?

– Хотел бы я знать... Ушёл.

– Зак, я не могу понять, что происходит, что-то не вяжется.

Зак посмотрел на меня с небольшим удивлением, протянул руку и коснулся виска.

– Ты понимаешь. Твой мозг им не удалось перестроить, это хорошо.

– Да что происходит?

– Нас сделали. Красиво и подло. А всё потому, что я, идиот, слишком доверял одному... субъекту и был слишком уверен в том, что чужие мысли для меня – как открытая книга.

– Анк как-то замешан?

– Скорее всего. Сейчас я ни в чём не уверен. Как когда-то, в молодости: под подозрением все.

– Так что случилось?

– Нас выманили, всех, ну или почти всех моих людей – лишили разума, теперь они могут выполнять только самые примитивные действия. Я взорвал свой пси генератор и остался без важной части защиты, у меня нет людей, чтобы всё починить, а в одиночку – ремонт займет слишком много времени. Да и смысла в нём нет – защищать некого.

– Как лишили?

– Вероятно, мобильные пси-генераторы. Особо мощные – о таких я раньше не знал. Син, может, и не придумал ничего нового, но очень хорошо модернизировал старое. Черт побери, какой же я идиот... Проколоться так глупо, на пу-

стом месте. Анк каким-то образом воздействовал на приборы, изменив их показания, а я ничего не заметил, на поверхности в дело вступили переносные генераторы: мы видели то, что должны были видеть и думали так, как вдолбили в наши головы, даже я поддался. Сейчас, под землёй – у нас естественная защита, но, к большей части, разум уже не вернется, восстановятся немногие.

– То есть, мы проиграли?

Зак снова на меня посмотрел – то ли с удивлением, то ли со снисхождением или надменностью.

– Никто не проиграл, пока может играть. Я даже не вернулся к началу – когда у меня не было ничего. У меня есть база, напичканная таким оборудованием, о котором, когда-то, и мечтать не мог; у меня есть опыт, которого нет ни у кого больше; и, надеюсь, остался кто-то из людей. Тебя я не держу – можешь идти куда захочешь.

– Я остаюсь.

– Тогда за мной.

—///—

Внутри город оказался не таким внушительным, как снаружи: никаких тебе, футуристического вида домов; никакого «величия и силы». Обычные бетонные коробки – напоминающие ангары, склады и хозблоки, а не жилые дома. Буд-

то кто-то, без капли фантазии – решил поиграть в кубики, выстроив их ровными рядами. Пустые, чистые улицы – можно было бы решить, что город заброшен и жители покинули его, оставив во власти автоматики, которая поддерживала порядок. Но, я чувствовал присутствие даже не сотен – тысяч живых людей. Изредка, один-два человека всё же показывались снаружи, тут же скрываясь из виду. Чтобы лучше всё рассмотреть, я поднялся над крышами. Этот мир – действительно, влияет на способности: раньше я не чувствовал других людей вокруг себя, да и летать не умел. Хотя, возможно – просто не задумывался. Теперь я уже не совсем человек – и есть время подумать, но всё получается само собой. Даже немного обидно – всё стало таким простым. Из-за разной высоты – при взгляде сверху, здания образовывали странный узор, напоминавший... В глаза бросилась деталь, сильно выделяющаяся на общем фоне: группа солдат, будто разрывая идеальный порядок – шла в центр, к самому высокому из зданий. Любой, кто в это время появлялся на улице, присоединялся к ней. Дойдя до цели – группа успела увеличиться вдвое и беспрепятственно вошла внутрь. Оказавшись внутри вместе с ними – я впервые пожалел о своей способности мгновенно перемещаться: боль сотнями игл прошла всё тело, будто пытаюсь перекроить заново, но лишив способности что-либо делать. Я понял, что на верном пути – пока изворачивался и приспособливался к «новым ощущениям, на короткое время заставивших снова по-

чувствовать себя вполне живым. Необъяснимо, я чувствовал присутствие безумия, казалось, растворённого в воздухе – прочитав по этому шлейфу от воспалённого и бунтующего разума всё, что стоило знать. Ужас и ярость, страх и желание контролировать всё, что несёт угрозу – затаённые инстинкты, вырвавшиеся на свободу. Это было бы смешным, не прими дело такой оборот: след, ко всему прочему, нёс в себе отпечаток огромной силы – и размытый образ того, кто его оставил. Скрепя сердце, я рванул вперед, вдогонку.

—///—

Я прошёл сквозь закрытые двери, словно не заметив их, не придавая никакого значения, свет резанул по глазам – и тут же отступил. Один темный коридор – сменился лабиринтами хорошо освещённых коридорчиков поменьше, комнат, лабораторий и «складов». В них, еще живые люди были уложены рядами – как заготовки, один над другим, будто ожидая чего-то. Похоже, меня никто не видел. Я прорывался вперед, ничего не замечая, но невольно замедлялся около таких «комнат-хранилищ» – пока не забежал в самую большую из них. Тела лежали везде, куда только мог достать взгляд, во все стороны и в высоту – как в ячейках гигантского улья. В зал зашли несколько человек – я сразу же увидел всё вокруг их глазами, почувствовал чужие мысли, моментально читая намерения и желания. Узнав где выход и подчинив их себе,

я направил всех по нужному мне направлению. Охрана, преградившая было дорогу, чтобы помешать выйти – присоединилась к нам. По пути я собрал ещё несколько человек – понимая, наконец, куда попал, выйдя наружу в компании солдат, учёных, лаборантов, техников и ещё неизвестно кого. Я шел в центр города, в самое сердце ГРИД – присоединяя к себе всех, кто встречался на пути. Странная тень мелькнула сверху – непроизвольно отмахнувшись, как от комара, я вошёл внутрь, остановился, посмотрел вокруг. И это всё? Я ожидал большего. Син, где бы ты ни был – я тебя найду. Кто не спрятался – я не виноват, не обессудьте.

Грузовой лифт вместил всех, мы быстро поднимались на самый верх. С каждым этажом что-то неуловимо изменялось: я больше никого не чувствовал – кроме тех, что успели присоединиться ко мне. Похоже, что кроме нас – здесь, действительно, никого. Как же так... Я обхватил голову руками, медленно восстанавливая картину произошедшего. Лифт остановился, я вышел последним – потирая виски и оглядываясь. Окружение вокруг начинало меняться – мир тускнел, но становился немного четче, заново рисуя очертания. Я осознал, наконец, что нахожусь вне тела, но, как я попал сюда – не мог вспомнить. Судорожно озираясь, я силился понять, что происходит. Разные люди вокруг, несколько солдат... Держатся так, словно пришли сюда все вместе, а теперь чего-то ждут. Чего? Воспоминание пришло неожиданно – как порыв ветра, сорвавший рекламный щит и бросив-

ший его тебе в лицо. Поняв, где нахожусь, кто вокруг, как все здесь очутились – я начал распутывать клубок сумбурных образов, надеясь иногда, что всё окажется сном. Пол под ногами задрожал, послышался треск. Кто-то бросился вниз, к выходу, кто-то – побежал к лифту. Проскочив несколько перекрытий насквозь, я остановился – сообразив, что бегство бессмысленно. Здание сложилось как карточный домик, похоронив под своими обломками всех, кто в нём находился. Такое ощущение, что меня ждали... Но немного просчитались. Кто же управляет всем? На несколько километров вокруг – ни одной живой души, будто все население спешно эвакуировали. Я нашёл те места, где бродил, попав сюда в первый раз – они тоже оказались пустынно. Хотелось бы свежим взглядом осмотреть «склад тел» – чтобы убедиться, так ли всё на самом деле, как я вспомнил. Но что-то, совсем, пока, не хочется – терять своё собственное, которое лежит сейчас где-то в подземелье. Скорее вернуться в нормальное состояние, а потом уже думать, что да как. Я мгновенно нашел «себя» – как оказалось, совсем рядом. Непроглядная, в обычном состоянии, темнота – не была сейчас проблемой, но я чувствовал постороннее воздействие, даже сейчас оно сбивало с толку. Нечто, похожее на какофонию из громкой музыки и промышленного шума. Сложно представить, что я чувствовал в обычном состоянии – едва ли я выдержу такой жёсткий прессинг разнородной псевдоинформации, если снова вернусь в тело. Даже зная уже, что ме-

ня сводит с ума. Перспектива остаться, этаким, «духом» – не радовала, хоть и давала огромные преимущества во многом. Я «прыгнул» на базу, и тотчас почувствовал отголоски знакомых ощущений – таких же, какие испытывал, когда пытался сбежать из центра обработки ГРИД: безумие, смешанное с болью. Изредка – «вспыхивали огоньки» здоровых мыслей, сразу же пропадавшие среди шумной несурязицы. Я слабо чувствовал Дрона и нашёл его не без труда: лежащего на спине, с открытыми глазами, впавшего в оцепенение – будто он пытался не просто заснуть, а «законсервировать» себя, затормозив все процессы.

– Иди сюда.

Я обернулся, не сразу поняв, кто мог меня позвать, только со второго раза – «прыгнув, на голос».

– Здравствуй, Трэшк.

– Привет, Зак. Что здесь случилось?

– Акт идиотизма, приведший к печальным последствиям, подробности тебе не слишком помогут. Знаю, что ты мне не доверяешь, это нормально – я тоже не склонен верить, кому бы то ни было. И всё же спрошу: что ты узнал о городе Сина?

– Мне кажется, что никакого города больше не существует.

– То есть, как?

– В нём не осталось населения. Я помню всё как сон, но и в первый раз я не заметил бурной жизни: люди, которых встре-

чал, напоминали немногочисленный обслуживающий персонал.

– Что он обслуживал?

– Не знаю, эта мысль пришла мне в голову только сейчас. Во второй раз я не нашёл никого живого в окрестностях – зато увидел залы забитые людьми, которые лежали там, как на складе.

– Это пункт очистки, – Зак не спрашивал, он утверждал. – Ты видел его. Что ты узнал?

– Только то, что таких, «бывших людей», там очень много. Сейчас, кажется – весь город находится там.

Зот ни капли не изменился в лице, но заговорил тише, словно неуверенно, размышляя.

– Син решил превратить в солдат всех, если это потребуется – переведя население в искусственную кому, чтобы иметь весь материал под рукой и избежать, пусть маловероятных, но возможных волнений. Это в его стиле, он всегда основательно подходил к делу.

– Мне кажется, Сина тоже уже нет. Я не чувствовал там ни одного значительно развитого разума.

– Он умеет маскироваться. Ты ведь наверняка замечал что-то необычное, неуловимое – будто следящее за тобой?

– Да, что-то похожее.

– Син – гений, в некотором роде. Скрытность и контроль – его конёк, даже в генетике он преуспел меньше.

– Там всё так логично, продуманно... Будто городом руководит не человек, а машина.

– Тебе показалось.

– Может быть. Мне вообще – сложно поверить в реальность происходящего там, за стенами. Кажется, существует только склад заготовок, завод по производству, немного тех, кто обслуживает этот завод и армия ГРИД. И всё существует само по себе. Если кто-то и управляет, удалённо – то его не вычислить.

– Знаешь, ты сейчас нарисовал портрет Сина – буквально, воплощение его образа мысли: простота, надёжность, управление.

– Хорошо, но зачем тебе это, что ты собрался делать? Атаковать? Как и кого? А главное – зачем?

– Нанести визит вежливости. Видишь ли, он заигрался – лишил разума всех моих людей.

– Черт побери, да вы оба безумцы! Для вас люди – только инструменты! Вы...

– А разве ты – не считаешь так же? Что все по-разному используют друг друга, что каждый имеет только то, что заслуживает – и сам решает, кем ему быть? Часто неосознанно, да. Но САМ!

– Да! Только не так! Невозможно решать всё всегда и везде. Да! Каждый, в подавляющем большинстве случаев, имеет то, что заслуживает, но только потому, что большинство не осознаёт своей силы и ничего не делает ради перемен. Боль-

шинство – слишком трусливо, чтобы брать на себя ответственность за свои идеи, и оттого живёт «как все», с оглядкой, на других. Но, всё же – способно неумело размышлять. Нет равных: кто-то умнее, кто-то сильнее, а у кого-то – изначально, всех возможностей больше. Решение не может быть неосознанным, иначе – это всего лишь склонность к тому или иному типу действий.

– Идеалист... Я тоже этим грешил в молодости. Ты прав: утверждение «Каждый имеет только то, что заслуживает» – всего лишь уловка. И более всего, для себя самого – чтобы избавиться от оправданий и жалости, которые убьют тебя сразу, как ты попадёшь в открытый мир, не знающий таких понятий. Есть только один закон: выживает сильнейший. Он действует везде – даже там, где жалость, сострадание, взаимопонимание и другие психические реакции высокого уровня – не пустой звук. Только сила там принимает иные формы. Так что, для своей же пользы: лучше принять на себя ответственность за всё происходящее как аксиому, нежели постоянно вспоминать о вероятности случайных событий – она намного меньше, чем кажется. Не стоит о ней забывать, но брать в расчёт можно только тогда, когда достаточно силён для этого.

– Не нужно быть сильным, для того чтобы быть человеком.

– Конечно, если готов умереть. Либо, если настолько слаб, что противиться – и вправду, бесполезно. Ты сам прекрасно

это понимаешь: ты просто обязан быть сильным. В том смысле, что, обеспечить выживание – первичная задача. Мёртвые годятся, разве что, на корм.

– И ты делаешь это, чтобы выжить... Хорошо, предположим – договориться невозможно. Как ты собираешься нанести свой «визит», если у нас не осталось людей?

– Нас? Ты намерен ко мне присоединиться?

– Нет, поучаствовать. Мне, если ты не заметил, нужна помощь – я хочу вернуть своё тело.

– Ты хочешь знать, как отключить, или заблокировать пси-поле со стороны Сина, понимаю. А ты осознаешь, что сейчас – почти неуязвим? А умерев, будучи во плоти – ты умрёшь, как обычный человек? Ты можешь существовать, даже если твою оболочку уничтожат. Ограниченное количество времени, но можешь – пока не найдёшь новую и не запитаешься от неё.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Впрочем, тебе решать – верить или нет. Я, так и быть – помогу. Но, теперь уж – услуга за услугу.

– И что тебе нужно?

– Твои способности: ты можешь контактировать с чужим разумом, вероятно также – брать его под контроль.

– Разве ты этого не можешь?

– Могу, но не так. Тебе не с чем сравнивать – я знаю, о чём говорю. То, как ты выбрался из пункта очистки Гридов, впечатляет. Я ведь почти не помогал тогда, знаешь? Чуть на-

правил – и всё. Дальше – ты сам обрубил связь. А судя по тому, что я знаю и вижу сейчас – ты не понимаешь, какой силой можешь овладеть.

– Так что ты хочешь? Создать армию зомби?

– Конечно, нет, – Зак сделал паузу. – Намного лучше – армию марионеток. Ты возглавишь основную часть, я возьму поменьше.

– Не боишься? Что потом я обращусь против тебя же?

– Нет, тебе это ни к чему. Ты ведь – идейный. Действовать нужно быстро, пока Син не поднял всех: перехватим управление – он останется отрезан от всего и уйдёт сам.

– Натянутое объяснение. И план неподробный. Син когда-нибудь вернётся. Слишком уж просто...

– А незачем усложнять. Пускай возвращается – мне будет, чем его встретить. Поможешь мне – я помогу тебе, всё честно. Можешь хоть осуждать, хоть презирать наши, как выразился, «игры» – это ничего не изменит. Хочешь повлиять на ход истории – присоединяйся к ней. Друг, враг – не столь важно. Правда, не советую становиться моим врагом.

– Я ничего не говорил про игры.

– Да, извини уж – это я прочёл в твоих мыслях, слишком ярко ты относишься к некоторым явлениям.

– Серьёзно? А я думал, наоборот.

– Забудь. Ты проиграешь, пока так сильно презираешь тех, кто мыслит иначе. Ты проиграешь, пока презираешь самого себя – за то, что ты часть всего, что ненавидишь. Край-

ности – потому так и называются: они доводят до края, за которым обрыв. За восхождением следует падение, за обожанием – ненависть. Но никто ещё не добился подлинного величия, если одна из крайностей преобладала, если её не сдерживали другие. Чаще – сгорали на пике славы. Людям, на самом деле, не дано достичь максимального развития в двух противоположных направлениях – слишком коротка жизнь. Но ты уже не человек! Ты можешь больше – и погубишь себя так.

– Разве я даю волю ненависти? Разве презрение ослабляет? Если уж на то пошло – то это моя игра, в которой тебе нет места.

– Да, ты прав. Слишком часто я видел подобное... Слишком хорошо помню себя, таким как ты. Чужие ошибки не учат. Слишком много презрения, не видать уважения... Ты – как я, я – в тебе, ты – моё отражение. Тот же шаг, тот же взгляд, те же мыследвижения. И тебя, как меня, ждёт в конце поражение...

– Ты что, бредишь? – Застывшим взглядом Зак смотрел в пустоту, нашёптывая стишок. Наверное, я не услышал бы его, будь сейчас в теле человека.

– Да. Обидно видеть, как дети повторяют твои ошибки. Нелогично, потому что ты мне – никто. Но, всё равно – хотел предостеречь. Ты умеешь себя сдерживать – это хорошо. Ты понимаешь, что нельзя слепо доверяться одной страсти. Но ты не умеешь ни управлять собой, ни возвращать то, что

есть в тебе. Зверь либо вырвется из клетки – либо зачахнет. Другого не дано.

– А ты научился? Управлять?

– Управлять – да, возвращать – нет. Теперь уже мне не нужно ни того, ни другого. Я не хочу больше менять мир. Мне достаточно жить, как хочется. Ты же, я вижу – ещё не потух.

– Сколько пафоса... Ладно, пойдём пробовать. Расскажешь подробнее, что придумал.

—///—

Стены тряслись, дом рушился. След быстро оборвался – я остановился, пытаюсь найти хоть небольшую зацепку. Ещё несколько минут я блуждал, в почти уже пустом пространстве. Здание оставило после себя только руины и большое облако пыли, так ничего и не найдя – я повернул на «подземную базу». Странный мирок... Он что-то мне напоминает – как забытое ощущение из детства, или сон. От этой мысли меня передернуло. Сон... Совсем недавно я боялся заснуть, потому что не знал, что меня ждёт «по ту сторону», пока сон и явь не слились в одно. Я не стал «прыгать», а двигался медленно, «погрузившись в себя», «рассматривая, но не видя» красный, пустынный пейзаж. Кажется, когда-то я представлял себе Марс таким... Действительно, ведь совсем забыл уже – не до того. Сначала ты жадно смотришь на всё вокруг,

пытаешься понять, разобраться или хотя бы представить, как всё устроено. А потом, раз – и тебя, наконец-то, возвращают с небес на землю, даже не замечаешь, как. Я вырвался из вязких мыслей, почувствовав знакомую энергетику, тут же переместившись к источнику. Бесплотный Валерка и тот самый увалень, что смотрел на меня, когда проходил мимо – после вспышки, которую Дрон назвал псионным взрывом. Они беседовали, как ни в чем не бывало – будто здесь не творится, чёрт знает что.

– А где Дрон?

Я обратился только к Валере, не проявляя себя в обычном, «твёрдом мире», но оба повернулись в мою сторону.

– Вот и твой друг-призрак, – верзила чуть склонился ко мне. – Что расскажешь?

– Валерка, ты хоть представь нас друг другу.

– Знакомьтесь, – Валерка развёл руки и кивком головы обозначил каждого: Зак, Сергей.

– Будем знакомы, – Большой человек, с неподходящим именем, снова повернулся к Валере. – Дрон скоро будет, тогда и пойдём – все вместе.

Этот Зак – будто не замечал ничего вокруг. Или специально – игнорировал меня. Не сказать, чтобы мне это не нравилось – скорее, вызвало некоторое любопытство. И, совсем слабо: нечто среднее, между обидой и презрением.

– Я не игнорирую – я рассказываю Валерию то, что не успел до того, как ты вошёл. И ты сам хочешь остаться незамеченным, не так ли? – Зак говорил, не оборачиваясь. Секунду спустя – я понял, что он вообще не говорил ничего, а передавал мысли напрямую. Запросто так, между делом. – Кстати: Валерий здесь называет себя Трэшком, так что ты невольно выдал его секрет, бесцеремонно ворвавшись к нам.

– Заглядывать в чужие мысли – тоже бесцеремонно.

– Да. Теперь, значит – мы квиты.

Я отошёл немного в сторону и стал ждать. Дрон и вправду появился минут через пять: с немного «ошалевшим» видом – будто его разбудили посреди ночи. Кажется, меня и Валерку он не замечал – потому что сразу обратился к Заку и ни разу не задержал взгляда на нас.

– Чувствую себя паршиво, после твоей прочистки.

– Она никогда не даётся легко. Но чтобы принять новое, тебе нужно освободиться от старого – хотя бы забыть, на время. Иначе ты будешь раскрывать свой потенциал слишком долго. Сергей, не хочешь поздороваться с другом? Он тебя не видит.

Я, чуть помявшись и собираясь с мыслями – вспоминая, как в прошлый раз проявлял себя, показался. Вид у Дрона – стал ещё более ошалелым.

– Серёга? Я думал, ты уже не появишься.

– Почему?

– Не знаю, просто казалось...

Дрон отвернулся, посмотрев вниз и помотав головой из стороны в сторону.

– Ты сейчас не помнишь большую часть своего прошлого, некоторые воспоминания искажены. Ничего страшного – придёшь в норму, через некоторое время, – Зак шагнул к Валерке. – Кстати, Трэшк тоже здесь – но его ты, сейчас, не сможешь увидеть.

Я молча подошёл к Валерке, внимательно посмотрел на него, потом закрыл глаза, попытавшись «нарисовать» образ перед внутренним взором, а когда получилось – перенёс его в «реальность», привязав к Валерке, как маску.

– Может.

– Дрон, Валерка и Зак с интересом разглядывали фантом, Дрон даже попытался его пощупать – но рука прошла насквозь.

– Ты немного сильнее, чем я предполагал, – Зак отступил назад. – Теперь о деле. План у меня простой: я и Трэшк возьмём на себя управление людьми, которые у меня остались. Их разум ослаблен, и потому не составит больших проблем взять всех под контроль. К сожалению, многие погибли – именно из-за того, что пытались не поддаваться, но сил не хватило. Зотгар в их числе. Однако и те, что остались – это

лучше, чем ничего. Дрон будет нас прикрывать – сейчас я передам ему всё, что знаю сам, он сразу же проверит свои новые знания и опробует возможности, после выдвигаемся. Если Сергей пожелает участвовать – ему мы тоже придумаем роль, надеюсь, в таком случае, он продемонстрирует нам, на что способен.

– Я не знаю, на что способен.

– Воля твоя, нет времени на то чтобы тебя переубеждать и анализировать – тогда, хотя бы, не мешай.

– А какие знания ты мне передашь?

– Телекинез и управление материей, её состоянием; всё, что знаю об аномалиях и их использовании. Это то, что ты, скорее всего, сможешь применить. Я могу передать тебе знания о телепатии, если хочешь – но только потом, когда переваришь первую порцию, иначе они могут помешать. К тому же, наверняка, тебе будет намного сложнее использовать их: к телепатии ты не склонен.

– И сколько времени я буду всё это «переваривать»?

– Не беспокойся, в текущем состоянии – меньше суток. Трэшк сможет взять под контроль больше людей, чем я, зато я смогу пробудить психический потенциал своих подопечных. Поэтому отберу тех, у кого он самый высокий, лучших их худших, так сказать. Думаю, Трэшк тоже смог бы так, но сейчас нам катастрофически не хватает времени на освоение. Его сила в массовости – он будет способен управлять целой армией. Не сейчас, правда, но даже тетьерь – в этом он

превосходит меня.

– То есть, я беру на себя «простых солдат», а ты – «элиту».

– «Элита» – слишком громко, не настолько они хороши.

Но, с натяжкой, можно и так сказать.

– А как Дрон будет нас прикрывать?

– Щитами – это он точно сможет. Больше – выяснится только после проверки. Так, хватит хороводы водить! – Зак положил руки на плечи к Дрону, – Он дернулся и тут же замер, «ожив» только когда Зак убрал руки. – Всё, теперь идём проверять.

– Куда? – Разом сказали я и Валера, Дрон молчал.

– Окажем последнюю честь товарищам.

–

– А ты уверен, что именно здесь?

– Уверен. Так ты быстрее научишься управлять огнем – и поджигать и гасить.

– Ну, ладно...

Я потёр ладони, задержал дыхание, замерев на секунду, затем, резко выдохнув – вскинул руки и поджег трупы, которые только что стаскал в спортзал, проверяя силу телекинетических способностей. Зал наполнился отвратительным запахом и дымом. Зак открыл крышу, его голос звучал у меня в голове: «Убирай дым!»; «Повышай температуру сверху и

морозь снизу!»; «Идиот! Ты так сам себя поджаришь»; «Делай, что говорю!». Через полчаса всё закончилось. Не сказать, что я был в восторге – скорее в ярости, перемешанной с гордостью и чувством удовлетворения. Меньше чем за два часа я научился тому, чего не освоил за несколько предыдущих месяцев. Теперь я мог не просто перемещать камешки: я уже двигал по несколько предметов намного тяжелее себя, за один раз; я научился не только нагревать, но и замораживать. Всё получалось быстрее, легче, веселее. В зал зашёл Зак.

– Молодец, Дрон. А теперь – защищайся!

– Что?

Зак не ответил: силовой волной сбил меня с ног, впечатав в стену; поднял еще метра на четыре вверх, слегка раскрутил и отпустил. Я закрылся в «мягкий щит», «спружинил» и встал на ноги – не осознавая, что делаю, рефлекторно. Второй удар я отвёл в сторону – стена пошла трещинами. Отвлёкшись, чуть не пропустил третий. Зак не частил, давал секунду передышки между атаками, но вкладывал очень уж много силы – так мне казалось, пока он не ускорился, и не начал оставлять в стенах глубокие выбоины.

– Ты долго будешь прыгать?! Контратакуй!

Зак потемнел, «раздулся», кожа его пошла буграми. Казалось, ещё немного – и начнёт дышать огнём.

– Я давлЮ только силой, заметь! А ты можешь использовать что угодно.

Ещё и мысли читает, между делом... Я «поднырнул» под очередную атаку и откинул Зака назад, потеряв из виду. Пытаясь разглядеть его в пыли, я получил удар в грудь, который выбил меня наружу. Хорошо хоть – не через стену, а через открытую крышу.

– Неплохо, но отвлекаться нельзя!

В голову мне летел обломок стены – я отпрыгнул на несколько метров в сторону, снова не понимая, как это получилось.

– Бегство не спасёт!

Зак, похоже, забавлялся: из камней, связанных силовым полем – он создал нечто похожее на хлыст, обхаживая им меня, то справа то слева, постепенно приближаясь. Я ухватил конец «хлыста» и дернул на себя, но вместо того, чтобы вытянуть Зака – полетел вперёд сам. Зак закрутил меня в воздухе и отбросил метров на двести в сторону, но сам за мной не последовал. В голове снова зазвучали слова: «Думай Дрон, хватит бить «в лоб»». Я поднялся с земли, отряхнулся, и, создав силовую оболочку вокруг себя, начал разгоняться, разогревая воздух. В то, что недавно было нашим спортзалом – я ударил плазменным болидом, устроив небольшое

землетрясение.

– Я же говорил тебе, не бей в лоб! – Зак выскочил из клубов пепла и пыли почти сразу.

– Я и не собирался.

Закрыв его в силовой кокон, я начал сжимать, что есть мочи – так мы боролись около минуты, пока Зак не начал уступать. Я ослабил хватку – и тут же был отброшен назад: вспоров кокон, Зак выбрался и швырнул в меня часть ещё уцелевшей стены. Я не уклонился – расплыл и поджёг обломок прямо в воздухе, отправив горящее облако в ответ, оно схлопнулось и упало кучкой пепла, не долетев до цели. Зак замахнулся и остановился, опустив руку. Валерка с Серёгой и ещё около десятка человек, замерев, смотрели на нас с «безопасного расстояния». «Ребята, вы чего?» – это говорил Валерка. «Совсем крыша поехала» – добавил Серёга, то ли спрашивая, то ли утверждая.

– Да, увлёкся, – Зак помедлил. – Пойдём к ребятам. Законсервируем отсек и выступаем.

Он уже выглядел как человек и говорил вслух – слегка устало, растягивая слова.

– Может, отдохнём?

– Нет времени.

–

Мы вошли в город, не встретив сопротивления: Дрон пробил брешь в стене; Зак, со своим «отрядом зомби» – как я его прозвал – расширил пробоину. Валера пока не делал ничего, кроме как держал ровный строй, который так и норвил превратиться из правильного прямоугольника в бесформенную толпу. Вот же, нашёл развлечение... В темноте город ещё больше казался мёртвым, даже – чуть зловещим: добавилось разрушенных, полностью и частично, зданий. Интересно, а как видят город «они» – лишённые разума люди, которыми сейчас руководят, словно марионетками? Видят ли вообще, или идут «на ощупь», куда укажут? А может, у них перед глазами совершенно другая картина? Скажем – вечер, или день. Возможно внушить что угодно... Все так долго рассказывали о каком-то Сине, но, кажется, гонялись за призраком. «Призрак – это ты» – прозвучало в голове. «Спасибо за напоминание», – Ответил я Заку. – «Но как ты объяснишь происходящее?» Зак промолчал. Мы медленно шли вглубь, Валера вел нас, как выразился сам, к «складу людей» – но отчего-то не мог вспомнить, где его найти. Несколько человек упало – Зак тут же закрыл нас в щит, Валерка исчез. На некоторых крышах вспыхнули огни. Не освещение, именно пламя. Это орудовал Дрон – выжигая снайперов, в буквальном смысле.

– Ты что, сделал это специально? – Зак не сразу ответил, я добавил: «Зак?»

– Да. Они сделали лучшее, на что были способны в ны-

нешнем состоянии – заставили противника показаться.

– Всего несколько снайперов – что хорошего в этом обмене?

– Ценность боевых единиц. И я узнал кое-что ещё.

– Что это ловушка?

Воздух вокруг «потёк», солдаты появлялись из ниоткуда, обступая нас плотным кольцом, но не атакуя. Валерка снова показался – он тоже перестроил всех своих людей в кольцо, выстроив живую стену вокруг.

– Нет, ловушка и так была очевидна, – кожа Зака резко потемнела, он стал выше и шире. – Я нашёл предателя.

Из окружения отделился один – он быстро приближался, и остановился в нескольких метрах от щита. Губы его не шевелились, но я слышал все, что он говорил. Странно, для чего подходить, если используется телепатия? Глупо...

– Ты как обиженная женщина – громкие заявления безо всякого обоснования и логики. Предатель тот, кто думает, будто ему обязаны. Он предает сам себя – своими иллюзиями и ложными надеждами, из-за которых перестаёт развиваться. Мне не нужна твоя смерть – но ты вынудишь прикончить тебя, если не пойдёшь на сотрудничество.

– Это Син?

– Это Анк! – ответил Валера. – Но в чужом облике.

– И твоя тоже, Трэшк-Валера, ты мог бы многого достичь.

– Не боишься? Я ведь не на твоей стороне. И я сильнее.

– Только потенциально. В переходе ты сражался не со мной, а с проекцией – не понял? Ты ещё слишком мал, чтобы победить меня сейчас, когда же накопишь достаточно опыта и сил – поймешь, что я прав. Син оказался слишком труслив и протянул недолго, но его идея была верна – люди не способны жить вместе, не убивая друг друга, незачем давать им возможность делать это бесконтрольно. Каждый из вас понимает это на подсознательном уровне. Никто не хочет быть рабом – и потому противится, но мало кто замечает, что другого не дано: каждый – раб кого-то или чего-то, самого себя, в первую очередь. Так зачем это ненужное звено? Освободить всех от личного рабства привычек, дав единую цель – это ли не благо?

– Ты первый в очереди! – зарычал Зак, отшвырнув на десяток метров этого случайного солдата, который исполнял ненужную роль переговорщика. – Нигде не спрячешься!

Первая линия окружения поднялась в воздух и, немного разойдясь в стороны, упала на остальных. По нам открыли стрельбу, мы ответили: пули беспрепятственно проходили наружу – щит «работал в одну сторону» и, пока что, безупречно сдерживал атаку. Дрон заморозил «внутренний слой» окружавших нас, создав еще одну стену, а снаружи – наоборот, создал кольцо огня. Запахло палёным пластиком и органикой, но, странное дело – горящие солдаты продолжа-

ли стрелять, взобравшись на своих окоченевших собратьев, некоторые бросали гранаты. Гриды сгорали заживо, но продолжали бессмысленный штурм. Вдруг, ночь превратилась в день – сумерки рассеялись. Свет оказался страшнее – в красках показав всё, что творилось вокруг. Я посмотрел наверх. «Солнце падало» – огромный горящий шар нёсся прямо к нам на головы. Нет. Только не... Я «выпал» из хода времени, не сразу поняв, что произошло. Пламя, заполонив собой все, начав растекаться по земле, остановилось и застыло. Обойдя эту немую сцену вокруг, пытаясь найти хоть кого-нибудь, я вошёл внутрь – и даже тогда не сразу нашёл людей, так плотно огонь обступил всех. Застывший ад... Неужели, ничего не изменить?

– Изменить можно что угодно, но не всегда и не каждому.

Я узнал голос – все мысли мгновенно улетучились – и бросился по направлению к нему.

– Оксана?!

Она смотрела на меня: всё так же, слегка улыбаясь – то ли со смехом, то ли с упрёком; каштановые волосы спадали на плечи и грудь, прикрывая надпись на футболке, оставив только буквы «УК» (а я-то думал – куда она делась!?), даже веснушки, казалось, смеялись. Но взгляд... Непроницаем. Через секунду передо мной стояла другая: высокая, худощавая, с белыми волосами; с лицом, больше походившим на

маску – слишком идеальным. Столь же идеальны были фигура и платье, сидящее так, будто оно часть её самой. Неизменными остались только глаза и улыбка.

– Кто ты?

– Не всё ли равно?

– Нет. Почему я вначале видел не тебя?

– Ты видел мое воплощение, скорее всего.

– Ты Зинк?

– Гел. Таким ты слышал имя моей расы, так ведь? Нас с Зинк ошибочно считают братьями, на самом деле – они наше продолжение, воплощение эмоциональной составляющей. Они, скорее, дети: наша защита, олицетворение слабости и силы.

– Защита от кого? Или – чего?

– От самих себя, от желающих нам навредить. Если сравнивать на понятном тебе уровне, Зинк – наша душа, стихийная, хаотичная составляющая. Мы же – рассудок.

– Ты хочешь сказать, что вы отделяете от себя эмоции, создавая из них других людей?

– Слишком упрощённое представление. Но, можешь считать так – если иначе не получается. Когда-то давно, когда мы только начали разделение, это было так. Сейчас всё иначе: мы рождаемся парами, отдельно друг от друга, но, в то же время – крепко связанные.

– То есть, я видел твою душу... Как тебя зовут? И зачем ты здесь?

– Поговорить. На твоём языке не произнести моего имени, можешь называть Оксаной.

– Нет, ты не она.

– Тогда... Эни. Да, так будет ближе всего по звучанию.

– Хорошо. О чём ты хотела поговорить? Разве высшим до нас есть дело?

– Высшим? Ты не путаешь меня с Эльфами из ваших сказок?

На мгновение её уши вытянулись вверх и заострились: я моргнул, иллюзия пропала.

– Нет, извини. Наверное, это было грубо. Я совсем не понимаю, чем мог вызвать интерес у тебя.

– Ты ещё человек – по образу мыслей. А почти болезненная тяга к объяснению происходящего – характерна для любого молодого и развивающегося ума.

– Давай без этого? Я думал, что такие поучительные высказывания – тоже характерны лишь для ещё слишком молодых, только начинающих познавать. Или я неправильно составил представление о тебе?

– Конечно. Любое представление неполно, а значит – ошибочно.

– Софистика. Чем я тебя заинтересовал? Ты так и не ответила.

– Поведением, мыслями, отношениями с Оксаной. Она, всё же, почти часть меня – я могу чувствовать её настроение

и эмоции.

– Тебе нравится подглядывать? Я разочарован.

– Не стоит переносить на нас ваши пороки – мы давно прошли этап эмоциональной нестабильности и намного четче видим картину мира.

– Тогда ты должна бы читать меня, как открытую книгу – я ведь не прячусь.

– Серьезно? Ты и вправду так считаешь? Тогда ты сейчас лжёшь не только мне, но и себе. Я намного лучше осознаю происходящее, но чужая душа – всё равно, потёмки, после определённой границы. Отвечая же – ты всегда немного открываешь себя.

– Очень занимательно. И что ты узнала? Что я задёрганный, погружённый в себя, мечущийся в поисках своего места... Кто?

– Успокойся, – я вздрогнул, когда она коснулась меня. – Мне просто интересно. Не ищи во всём скрытый смысл.

Я убрал её руку со своего плеча.

– Смысл я давно не ищу. Мне интересен мотив.

– Это одно и то же. Моё объяснение тебя не устроит – ты же не веришь в простой интерес. Тем более, как ты выразился – у «высших». А он есть. Есть даже нечто, похожее на зависть и тоску – по чувствам и эмоциям, которые мы больше не в состоянии испытать.

– То есть, ты хочешь сказать, что какие-то эмоции у вас

остались? И чтобы я в это поверил?

– Необязательно, чтобы ты верил. Мне интересны твои эмоции и реакции – даже не ты сам, как мог бы сейчас думать. Или желать, – она посмотрела чуть пристальнее. – Угадала? Вижу, да.

– Ты слишком высоко себя оцениваешь.

– Возможно, возможно... Но я получила, что хотела.

Последнее слово раздалось, будто из пустоты, – Эни побледнела и растворилась, оставив платье, которое упало на землю и «растаяло» за пару секунд, оставив еле заметный след. А ты с юмором... Почему только – совсем не оставила? Вдруг я фетишист? Новая реакция, новая эмоция – интереснее бы получилось. Незачем призраку вещи. «Получила, что хотела» – что? Непонятно. Впрочем... Я ведь, кажется, тоже кое-что получил. Я «запустил время» – огонь мгновенно меня охватил и пошёл дальше, по земле. Валерка меня окликнул:

– Серёга! Помоги!

Он стоял рядом с Дроном, держа его за руку – оба были закрыты щитом, который почти вплотную к ним приблизился. Почему я не нашёл их, когда время не двигалось?

– Как? Я ведь не могу делиться энергией! Наоборот, я её забираю!

– А ты – дай!

Легко сказать. Долго им так не продержаться... Да что ж такое! Я посмотрел наверх, но не увидел ничего, кроме пламени. Неужели ничего нельзя... Хлынул дождь, вокруг Дрона и Валеры закружился вихрь, отодвигающий огонь в стороны. Пламя неохотно угасало. Дрон был без сознания, Валерка – в оцепенении. А где этот... Зак? Оборотень-психокинетик, с комплексом «правильного человека». Огонь выжег все – не оставив даже пепла. А может, это я смёл – своим ураганом. Людей – ни тех, что шли с нами, ни тех, кто нас окружал, не осталось, но, недалеко от Валерки и Дрона, лежало обгоревшее тело, которое я, сначала, принял за комья оплавленной земли. Зак не справился – не хватило сил. Дрон зашевелился, я подлетел к нему, сделав так, чтобы он меня увидел, коснулся Валерки – он вздрогнул и упал, но тоже начал ворочаться.

– Дрон, видишь меня? Живой?

Дрон ощупал и осмотрел себя.

– Живой. Вроде бы. Где Валерка?

– Здесь – сказал я. И, мгновение спустя: Вроде бы...

– То есть?

– Понимай, как хочешь. Лучше, пошли отсюда – чем быстрее, тем лучше. С Валеркой ничего не случится.

– Почему?

– Потому что, – Валерка пришёл в сознание и «проявил-

ся». – Пошли скорей.

Дрон медленно поднялся – будто опасаясь «развалиться в процессе», нетвёрдо встав на ноги.

– Куда?

– Подальше отсюда.

Я перенёс нас километров на пятнадцать севернее – все базы скрылись из виду, резко похолодало. Вдалеке виднелся снег. Дрон всё ещё восстанавливался, Валера уже пришел в норму. Хотя, какая тут норма...

– Валера, как ты мог в это ввязаться? Я могу понять Дрона – когда умерла мать, он отрешился от всего, только здесь найдя смысл. Глупый, может быть, но понятный. А ты? Пошёл за компанию? Хотел вернуть тело? Зачем?

– Не тело, – душу. Я понимал, что оболочка моя, скорее всего, умерла. Но, знаешь, сам я умер ещё раньше – когда решил, что мне нигде нет места, что мир обойдётся без меня.

– А разве это не так?

– Так. Но ведь это ещё более бессмысленно, чем «жить как все».

– Серьёзно?

– Да. За всю жизнь я не сделал ничего стоящего – ничего, чем мог бы гордиться сам.

– И подумал: «Так хоть умру достойно»?

Валера молчал.

– Я хочу вам кое-что показать.

Я посмотрел наверх – небо здесь было плотно затянуто облаками, через которые едва-едва пробивался красноватый свет.

– Нет ничего, что стоило бы жизни... И смерти – тоже.

Мы стояли в «Парке пяти». Дрон с интересом завертел головой, Валера тоже стал осматриваться.

– Видите эти статуи? Никого не напоминают?

– Зотгар, – Дрон взгляделся. – И Зак, с другой стороны.

– Я знаю еще одного – Валерка указал взглядом – Анк, он стоит рядом с Заком.

– Кто они? И где мы?

– Не знаю, пока. Они пришли из этого мира, его называют «Мик».

– Миг? – Удивлённо переспросил Дрон.

– «Мик» – «к» на конце. Странное название, согласен. Но, это только для нас. Кстати, Землю здесь называют «Брик».

– Кто называет?

– Те, кто знает о других мирах. А тот лягушатник, из которого я вас вытащил – называли «Транк».

– Почему лягушатник? – Спросил Валера.

– И почему называли? – Добавил Дрон.

– Возможно, ещё будут называть. Зависит от того, захотят

ли создатели продолжать свою возню.

– Хватит говорить загадками! – Дронпнул одну из статур. – Расскажи подробнее.

– Кажется, я начинаю понимать... – Валерка перенёсся на скамью, человеческие привычки ещё давали о себе знать. – Мы были в иллюзорном мире? Что-то вроде эксперимента?

– И да, и нет. Любой мир иллюзорен – реальными его делают наши мысли, и, как бы избито не звучало – вера. Чем больше людей верит во что-то – тем более «реальным» становится мир, тем сильнее он начинает выделяться из надмира. Представьте условный многогранник – хаос, изначальный мир, с бесконечным количеством граней.

– Тогда это не многогранник, а сфера, – заметил Валера.

– Да, но это не важно – всё равно, на самом деле, ничего подобного нет, это условное описание. Так вот, каждый из миров, который уже достаточно выделился и обрисовался – прикрепляется к одной из граней, но есть такие, которые вращаются вокруг, или колеблются рядом. Вы были в одном из таких, «колеблющихся». Здесь, вероятно, у Дрона будет меньше сил: возможно, они вообще пропадут навсегда или восстановятся позже.

– Да? – Дрон сорвал пучок травы, подбросил и закрутил небольшой вихрь. – Всё на месте.

– Поздравляю. Так вот: тот мир, в котором вы были, создали несколько человек. По сути – он воплощение их мировоззрения и мироощущения. А вы – чужие в чужих фанта-

зиях, которые, тем не менее, немного пересекались с вашими собственными.

– Но я читал их историю!

– И что? У мира та история, которая должна бы быть, по замыслу создателей.

– То есть, то, что происходило – бред, в башке какого-то шизофреника? – Дрон присвистнул.

– Не «какого-то», а многих. Этот мир находился между тем, что мы считаем реальностью и сном. Скорее всего, он и создавался не совсем осознанно – во сне, или, скажем, при работе над каким-нибудь проектом, воплощением идеи, разом захватившей многих. Тот, кто создал этот мирок – возможно, даже не знает, что он сделал.

– Половина его создателей умерла, – Валерка сидел, осунувшись. – Но он продолжил существовать.

– Сейчас достаточно и одного. А сколько из создателей умерли – можно только предполагать. Да, Зак, Зотгар и Анк, вероятно, были одни из них – и только. Строго говоря, никто и не умирает сразу – мы существуем на многих уровнях и продолжаем функционировать, даже когда разрушены на одном из них. Другое дело, что сознание – в том виде, каком мы привыкли его понимать, совершенно по-разному проявляет себя на разных уровнях, «личность» как таковая, может существовать и на одном, и на нескольких. Думаю, понятно: она не может быть одинаковой везде.

– Так вот, почему ты такой стал, – Валерка посмотрел на

меня, повернувшись.

– Какой?

– Занудный.

– Может быть. Ты тоже изменился.

– Мне просто всё надоело.

– А почему – только сейчас?

– Глупый вопрос.

– Назови умный. Ты либо поймёшь, осознаешь своё нынешнее состояние, что ты из себя представляешь, и к чему ведут твои поступки, мысли, либо примкнёшь к Безликим – и то и другое ни плохо, ни хорошо.

– Безликие? Ещё одна раса? – Дрон, до этого занятый изучением окружающей обстановки, проявил интерес к нашему разговору.

– Это общее название таких вот, «уставших» – я кивнул в сторону Валеры – переставших стремиться к какому-либо развитию.

– Разве это не плохо?

– Нет. Упрощённо говоря, Безликие – это тело, двигатель, плоть. Океан, бессознательного, если угодно. Они скрывают в себе потенциал, сами того не ведая.

– Потенциал чего?

– Всего. Всего, что ты считаешь «хорошим» или «плохим», любого проявления. Крупицы сознания, обнаружив себя, выталкиваются наружу – только так они могут развиваться дальше. Они могут просто оставаться на плаву, могут

расти, могут снова раствориться, а могут – пойти ко дну.

– Красиво говоришь, непонятно. Получается, что те, кого вытеснили – не нужны вовсе, жить будут и без них.

– Будут. А скучно не станет?

– Не знаю. Как тогда быть с теми, кто живёт внутри? Рыбками там, китами..?

– Дрон, это только метафора! Условность, которая позволяет быстрее понять, возможно, отражает суть – но не характеризует всю картину! Более того – искажает, а в чём-то, возможно, лжёт.

– Тогда для чего ты её привел?

– Человеческая привычка. Да и чужое восприятие – тоже, всегда несовершенно, каждый понимает по-своему. И неизвестно, что исказит больше: то, как кто-то понял нечто, незнакомое ранее, или как увидел, пусть не совсем верную – но уже знакомую и понятную картину. Впрочем, про рыб ты хорошо заметил – есть над чем подумать...

– Так что нам теперь делать? – Валера поднялся. – А? Скажи, умник.

– Ты что, разучился думать сам? Не знаешь, куда себя направить и ждёшь указаний? Тогда тебе и правда – в Безликие. Я не хочу управлять теми, кого считал друзьями.

– Теперь не считаешь?

– Похоже, что ты перестал считать.

– Так, девочки! Разбежались! – Дрон снова «вклинился» в разговор. – Серега, расскажи, лучше, об этом месте, по-

больше: что тут, как.

– Место как место. Смешанный мир: люди, инопланетяне, киборги. Честно говоря, я так и не разобрался в нём.

– А что тогда делал? – Снова спросил Валера.

– Это первый мир, в который меня занесло, здесь есть место, в котором знания приходят к тебе сами.

– Как это?

– Вот так. Его называют храмом – Дрон уже побывал в нём. На деле – это огромное хранилище информации, «библиотека» без книг, которая транслирует ответы прямо тебе в голову.

– Ответы на любые вопросы?

– Нет, только на те, которые ты способен сформулировать. Вернее даже: ответ соответствует формулировке – он может быть неверным. Храм не выдаст тебе информацию, или исказит её, если сочтёт нужным.

– Это ты там узнал?

– Нет, об этом я узнал позднее, когда стал таким, – я демонстративно развёл руки. – Сейчас я получаю информацию отовсюду. Давайте-ка переместимся, – Мир на мгновение поблек и снова заиграл красками. – Знакомо?

– Мы дома? – Валера с удивлением огляделся. – Точно?

– Дома. Это мой дом, персональный. Добро пожаловать, – мы перенеслись ко мне в комнату. – Располагайтесь. Тут будет удобнее, никто не помешает. Пока, во всяком случае.

– Где мы? – Валерка уселся.

– Сейчас, попробую объяснить.

Я «выключил свет за окном», «нарисовав» звёздное небо.

– Мир не такой, каким мы привыкли его считать...